

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2020 №4 (25)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдиков, доктор исторических наук (Россия, Казань)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати.

Свидетельство о регистрации ПИИ № ФС 77–78911 от 07.08.2020 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Журнал подготовлен при поддержке РНФ «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19-18-00023).

Адрес редакции: 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66,
Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

© Оформление. Издательство
Алтайского госуниверситета, 2020

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2020 №4 (25)

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2020

The journal was founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (doctor of historical sciences)

The editorial Board:

S. A. Vasutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskay, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabiylko, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

E. A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

L. N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Cedev, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bolgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University.

All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing.

Registration certificate PI № ФС 77–78911. Registration date 07.08.2020 г.

The journal was prepared with the support of the RSF grant on “Religion and power: the historical experience of state regulation of religious communities in Western Siberia and neighboring regions of Kazakhstan in the XIX–XX centuries” (project № 19-18-00023).

Editorial office address: 656049, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, Altai State University, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Руденко К. А.</i> Клады эпохи Волжской Булгарии на Старо-Куйбышевском археологическом комплексе в Татарстане: состав, датировка, интерпретация.....	7
<i>Дашковский П. К.</i> Кочевые народы Центральной Азии эпохи Средневековья в исторических исследованиях российских ученых второй половины XIX — начала XX в.	34
<i>Нарудцева Е. А., Радовский С. С., Серегин Н. Н.</i> К вопросу о значении полевых исследований Э. М. Медниковой в развитии археологии Алтая.....	50
<i>Серегин Н. Н.</i> Археология раннесредневековых тюрок Центральной Азии: основные этапы исследований и интерпретации комплексов	65
<i>Папин Д. В.</i> Проблемы этнокультурного взаимодействия населения степного и лесостепного Алтая в период поздней бронзы	80

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Кожа М. Б., Балтабаева А. Ю.</i> Туркестанская легенда о Ноевом ковчеге на вершине горы Казыкурт	87
<i>Гундова О. Е.</i> Российская интеллектуальная элита XVIII — середины XIX в. об экономике казахов	98
<i>Лысенко Ю. А.</i> Процесс возвращения беженцев — участников Туркестанского восстания 1916 г. из Китая органами советской власти в 20-е гг. XX в.	112

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Дробышев Ю. И.</i> Монгольский хаган как сын Бога.....	123
<i>Шерстюков С. А.</i> «Раскрепощение» мусульманских женщин в Центральной Азии: стратегии сопротивления и способы адаптации (1920–1930-е гг.)	148

ДЛЯ АВТОРОВ	161
--------------------------	-----

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Rudenko K. A.</i> Treasures of the era of the Volga Bulgaria at the old kuibyshev's archaeological complex in Tatarstan: composition, dating, interpretation	7
<i>Dashkovskiy P. K.</i> The nomadic nations of Central Asia of the Middle ages in historical research of russian scientists of the second half of XIX — early XX century archeology and etno-kultural history	34
<i>Narudtseva E. A., Radovsky S. S., Seregin N. N.</i> To the question of the importance of field research of E. M. Mednikova in the development of archeology in Altay	50
<i>Seregin N. N.</i> Archeology of the early medieval turks of Central Asia: main stages of research and interpretations of the complexes	65
<i>Papin D. V.</i> Problems of ethnic and cultural interaction of the population steppe and forest-steppe Altai in the late bronze age.....	80

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Kozha M. B., Baltabayeva A. Yu.</i> Turkestan legend of Noah's ark on top of mount Kazygurt	87
<i>Gundova O. E.</i> Russian intellectual elite of the XVIII — middle of XIX centuries about the economy of the kazakhs.....	98
<i>Lysenko Y. A.</i> The process of returning refugees –participants of the Turkestan uprising of 1916 from China by the organs of Soviet power in the 1920s of the 20 th century	112

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Drobyshev Yu. I.</i> Mongolian khagan as a son of the God.....	123
<i>Sherstyukov S. A.</i> “Emancipation” of muslim women in Central Asia: strategies of resistance and ways of adaptation (1920s–1930s)	148

FOR AUTHORS	161
--------------------------	-----

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902

DOI: 10.14258/nreur(2020)4–01

К. А. Руденко

Казанский государственный институт культуры, Казань (Россия)

КЛАДЫ ЭПОХИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ НА СТАРО-КУЙБЫШЕВСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ В ТАТАРСТАНЕ: СОСТАВ, ДАТИРОВКА, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Рассматриваются семь кладов ювелирных изделий и серебряных слитков, найденных на территории археологического комплекса памятников эпохи Волжской Булгарии, расположенного в Спасском районе Республики Татарстан у бывшего города Куйбышев (Спасск), или как он называется в археологических публикациях — Старый Куйбышев. Археологический комплекс состоит из небольшого городища и нескольких селищ, расположенных рядом с ним. Сейчас эти археологические памятники находятся на островах Куйбышевского водохранилища и разрушаются. Два клада найдено во второй половине XIX столетия, а остальные — во второй половине XX в. Два из них — это клады серебряных слитков. Два клада состоят из медной посуды: котлов, ковшей и специальных сосудов для измерения объема. Еще в двух кладах были серебряные ювелирные украшения. А в самом известном кладе, который был найден в 1869 г., находились серебряные слитки и ювелирные украшения. Автор впервые рассматривает все клады в археологическом контексте, восстанавливая их хронологию и состав. Интересно, что большая часть кладов была спрятана на селищах — на территории, где были жилые и хозяйственные постройки. Эти постройки, скорее всего, погибли в пожаре, отчего часть предметов и слитков были сплавлены. По мнению автора, один клад, найден-

ный в 1896 г., был зарыт в конце XI — начале XII в., остальные — в первой трети XIII в. В последнем случае это было связано с монгольским нашествием.

Ключевые слова: Волжская Булгария, ювелирные изделия, клад, височные подвески, серебряные браслеты, серебряные слитки, медная посуда, монгольское нашествие.

K. A. Rudenko

Kazan State Institute of Culture, Kazan (Russia)

TREASURES OF THE ERA OF THE VOLGA BULGARIA AT THE OLD KUIBYSHEV'S ARCHAEOLOGICAL COMPLEX IN TATARSTAN: COMPOSITION, DATING, INTERPRETATION

The article discusses seven treasures of jewelry and silver ingots found on the territory of the archaeological complex of settlements of the Volga Bulgaria era, located in the Spassky district of the Republic of Tatarstan near the former city of Kuybyshev (Spassk) or, as it is called in archaeological publications, Old Kuybyshev. The archaeological complex consists of a small hillfort and several settlements located next to it. Now these archaeological sites are located on the islands of the Kuibyshev reservoir and are being destroyed. Two treasures were found in the second half of the XIX century, and the rest — in the second half of the XX century. Two of them are treasures of silver bullion. Two treasures consist of copper utensils: boilers, ladles and special vessels for measuring volume. In two more treasures were silver jewelry. And in the most famous treasure, which was found in 1869, there were silver ingots and jewelry. The author first considers all the treasures in an archaeological context, restoring their chronology and composition. It is interesting that most of the treasures were hidden in the settlements — in the territory where there were residential and farm buildings. These buildings most likely died in a fire, which is why some of the items and ingots were melted. According to the author, one treasure, found in 1896, was buried at the end of the XI — beginning of the XII century, the rest — in the first third of the XIII century. In the latter case, this was due to the Mongol invasion.

Keywords: Volga Bulgaria, jewelry, treasure, temporal pendants, silver bracelets, silver ingots, copper dishes, Mongol invasion

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор Казанского государственного института культуры, Казань (Россия). Адрес для контактов: murziha@mail.ru

Konstantin Rudenko, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kazan State Institute of Culture, Kazan (Russia). Contact address: murziha@mail.ru

Археологические памятники у города Спасска, переименованного в годы советской власти в Куйбышев (см. рис. 1), который в 1955–1956 гг. был разрушен в связи со строительством Куйбышевской гидроэлектростанции (рис. 3. — 3), стали известны научной общественности во второй половине XX в. [Калинин, Халиков, 1954: 68–70, рис. 19]. Однако задолго до этого данная местность стала ассоциироваться с древностями Волжской Булгарии благодаря тому, что в 1869 г. рядом с городом был найден один из самых известных булгарских кладов — Спасский, состоявший из уникальных ювелирных украшений и нескольких килограммов серебряных слитков. Ему посвящена большая литература, на нем основываются многие датировки и гипотезы. Вместе с тем археологическая известность Старо-Куйбышевского археологического комплекса, включавшего городище¹, несколько селищ и могильников (см. рис. 2; 3), благодаря публикациям Е. П. Казакова 1980-х — начала 1990-х гг. [Казаков, 1991: 21–22, рис. 7] отодвинула на второй план ряд других тем.

В их числе находки еще несколько кладов, обнаруженных во второй половине XX в. в результате археологических обследований, а также частными лицами. Речь идет не только об их атрибуции, времени сокрытия и формирования, но и о связи с хронологией этого комплекса с его археологическим и этнокультурным контекстом, что выводит нас на сложные и дискуссионные вопросы формирования высокотехнологичных булгарских производств и их локализацию.

На площади Старо-Куйбышевского комплекса за 150 лет было найдено 8 кладов, что само по себе необычно для относительно небольшого булгарского поселения, на территории которого или поблизости от него они были обнаружены. Из них самым известным является клад, обнаруженный в 1869 г.²

№ 1. Клад золотых и серебряных украшений, а также серебряных слитков 1869 г. (рис. 4. — 7). Клад был найден 5 мая 1869 г. крестьянином села Косяково Спасского уезда Кузьмой Трофимовым, который распахивал землю землевладельца Симакова близ Спасска (рис. 1. — 1). Местным полицейским урядником при понятых была составлена опись находок, которые на момент обнаружения находились в медном кувшине. Уже 16 мая 1869 г. в канцелярию Казанского генерал-губернатора поступил рапорт Спасского уездного полицейского управления с описанием находок [НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1876: 1]. Несмотря на ряд неточностей в описании, важно, что изначальный состав клада был точно зафиксирован.

¹ Первоначально в археологической литературе это городище было названо «Куйбышевским» [Калинин, Халиков, 1954: 68]. Однако в 1960-х гг. оно получило название Старо-Куйбышевского, поскольку Куйбышев (районный город) — бывший Спасск — в 1955–1956 гг. был разрушен в связи с затоплением ложа водохранилища, а оставшиеся от него следы, сохранившиеся на островах, местное население стало называть (и называет в настоящее время) Старым Куйбышевым или Старым городом.

² Все клады, найденные на Старо-Куйбышевском комплексе, целесообразно называть Спасскими по названию первого клада 1869 г.

Рис. 2. Схема расположения средневековых археологических памятников Старо-Куйбышевского комплекса (основа: [Валиев, 2017: рис. 1]): 1 – городище; 2 – селище II; 3 – селище III; 4 – селище IV; 5 – селище V; 6 – селище VI; 7 – селище VII; 8 – селище VIII; 9 – могильник I; 10 – могильник II; 11 – могильник III. А – территория могильников; б – медная бытовая посуда. а – клад медной посуды; б – клад серебряных изделий; с – отдельные находки медной посуды (по Е. П. Казакову)

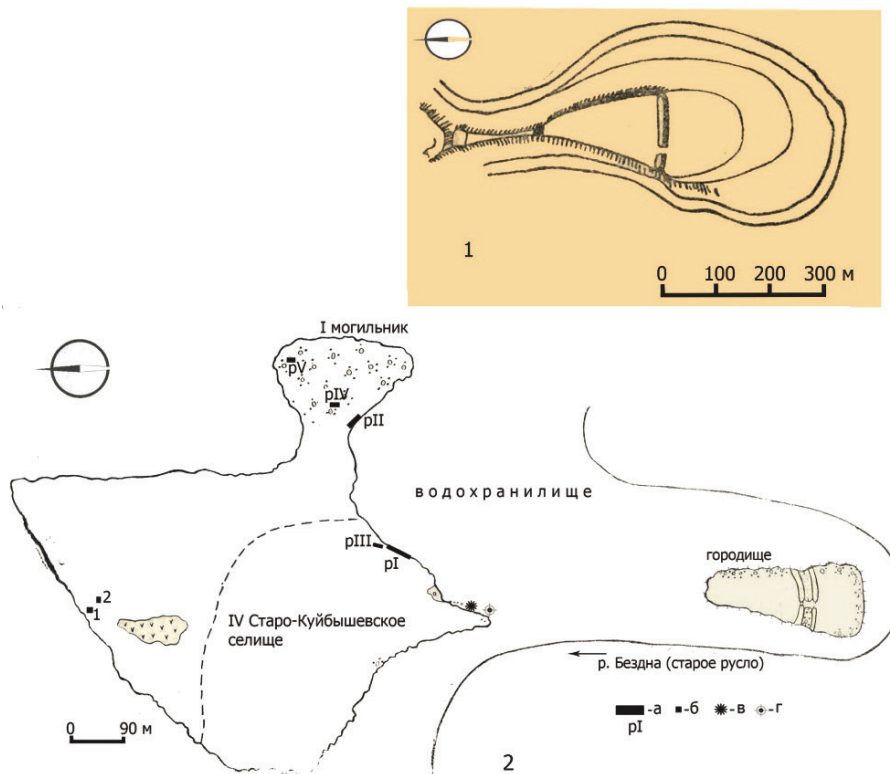

Рис. 3. План Старо-Куйбышевского городища (1) по Н. Ф. Калинину [Калинин, Халиков, 1954: 69, рис. 19–19] и схема расположения городища и селища IV с нанесенными раскопами (2) [Халикова, 1976: 48, рис. 4]; 3 – Спасск. Современный вид (фото 2011 г.)

Найденные предметы, за исключением медного сосуда, согласно действующему тогда законодательству и циркуляров МВД по находкам археологических древностей на государственных землях были отправлены в Петербург, в Императорскую археологическую комиссию, для экспертизы. Изучив предметы из клада, комиссия 4 ноября 1869 г. направила в канцелярию Казанского генерал-губернатора следующее извещение: «Государь Император Высочайше повелеть соизволил доставленные в Археологическую комиссию древние золотые и серебряные вещи, случайно найденные при распашке земли близ Спасска, по важности археологического значения хранить в Императорском Эрмитаже и на вознаграждение нашедшему эти древности крестьянину Трофимову назначить из Государственного казначейства 320 рублей» [НА РГ. Ф.1. Оп. 3. Д. 1876: 9]. Сами артефакты уже 31 октября 1869 г. по предписанию Министерства двора были переданы в Императорский Эрмитаж¹ [Шаблавина, 2016: 294].

Спустя несколько десятилетий детальное описание состава клада и его атрибуцию сделали два известнейших русских специалиста по средневековой археологии, ювелирному делу и нумизматике — Н. П. Кондаков и И. И. Толстой. Они достаточно подробно описали находившиеся в кладах изделия, указав, помимо этого, куфическую монету², которая ранее в описаниях не фигурировала. Авторы отнесли клад к X в., отметив ряд аналогий золотым подвескам из него в находках из Билярска и Пермской губернии, а также близкие по технике исполнения ювелирные изделия из региона [Толстой, Кондаков, 1897: 96–98, рис. 122, 130, 132–134]. Н. П. Кондаков в своем монументальном труде о русских кладах заметил, что технологические и особенно стилистические особенности болгарских золотых подвесок с фигуркой птицы (очевидно, имея в виду и изделие из Спасского клада) связаны с ближневосточной средневековой традицией, в первую очередь сирийской [Кондаков, 1896: 55].

В начале XX в. состав клада еще раз описал А. А. Спицын в статье о ювелирных изделиях Эрмитажа [1906: 264–265, табл. V, VI]. Он отметил ряд аналогий предметам из Спасского клада в коллекции этого музея и предположил, что он каким-то образом связан с Кураловским городищем³, опираясь на данные С. М. Шпилевского [1877: 331]. Однако это мнение было ошибочным.

---

¹ В Отчете Археологической комиссии за 1969 г. в составе клада, помимо перечисленных артефактов, был отмечен «футляр» на цепочке с надписью и указана предварительная дата клада — IX–XI вв. [Отчет, 1871: XX].

² Появление в описании клада этими авторами куфической монеты непонятно. Ранее она не упоминалась. В книге А. С. Гушина воспроизведена монета или, что более вероятно, отливка с оттиска монеты с двумя отверстиями для подвешивания [Гушин, 1936: табл. XXXI-1]. Чтения легенды монеты ни в одной публикации не встречено. Вполне вероятно, что причисление ее к кладу — случайность.

³ В настоящее время это городище называется Щербетьским и отнесено к именьковской культуре. Археологические памятники у Спасска, очевидно, А. А. Спицыну не были известны.

Рис. 4. Спасский клад 1869 г. Серебряные плетеные браслеты (1–5) и перстни (6–8);
4а – деталь [Путешествие, 2016: 395–396, 401–402, кат. 309–311, 317, 319]

После революции 1917 г. к указанным артефактам обратился в своей монографии советский искусствовед А. С. Гуцин [1936: 12–16, 80–81, табл. XXX, XXXI]. Дав краткое описание изделиям по И. И. Толстому и Н. П. Кондакову, он вслед за ними указал наличие в кладе монеты. По его мнению, клад был зарыт в XI в. [Гуцин, 1936: 38]. В дальнейшем на эту публикацию и датировку ссылались многие исследователи, например,

известный болгаровед А. П. Смирнов. Проанализировав орнаментику перстня с черневым рисунком, он датировал его, как и весь клад, концом XI — началом XII в., отметив при этом, что многие вещи из него, например перстни, выполнены по русским образцам [Смирнов, 1951: 155–156, 159, рис. 70, 71, 73–76].

Таким образом через сто лет после обнаружения Спасский клад¹ стал своего рода эталоном в изучении болгарского ювелирного дела домонгольского времени (X–XII вв.). Отдельные предметы из клада фигурировали и фигурируют и по сей день в тематических исследованиях средневековых ювелирных изделий, в том числе и болгарских [Руденко, 2001: 322–348; 2011: 213–214, кат. 24]. Новая публикация предметов из клада была осуществлена в 2016 г. [Шаблавина, 2016: 394–402]. Тем не менее, ключевые вопросы, связанные с кладом, например датировка изделий и самого клада в целом, до сих пор не решены.

Состав клада:

1) серебряный 6-проволочный браслет свободного плетения, диаметром 5,4 см с раскованными окончаниями (рис. 4. — 1) (ГЭ, инв. № 501/13);

2) серебряный 6-проволочный браслет свободного плетения, диаметром 5,3 см с раскованными окончаниями (рис. 4. — 2) (ГЭ, инв. № 501/14). Проволочные браслеты ажурного плетения производились в большом количестве болгарскими ювелирами. Они встречаются в кладах домонгольского времени с другими ювелирными украшениями и слитками серебра, например, в кладах из Булгара 2013 г. [Глазунова, Гайдуков, 2014: 253, рис. 1]. Значительная коллекция серебряных плетеных браслетов происходит из Билярского и Булгарского городищ [Руденко, 2015: 420–435, кат. 193–203, 205–223]. Появляются они не позднее XI в., бытуют до первой трети XIII в. включительно и выходят из употребления во второй трети этого столетия;

3) серебряный 6-проволочный браслет свободного плетения, диаметром 8,6 см с раскованными окончаниями, на которых укреплены цилиндрические касты, украшенные треугольниками зерни, составляющие сплошной декоративный поясик в основании каста. В кастах плотно закреплены граненые сердоликовые бусины (рис. 4. — 3) (ГЭ, инв. № 501/16);

4) серебряный браслет, аналогичный предыдущему, диаметром 8,9 см (рис. 4. — 4, 4: а) (ГЭ, инв. № 501/17);

5) серебряный браслет, аналогичный предыдущему, диаметром 8,4 см (рис. 4. — 5) (ГЭ, инв. № 501/18). Браслеты со вставками из сердоликовых бусин в болгарских древностях редки. Сердоликовые бусины как вставки использованы в декоре одной из лунниц Джукетаусской гривны, на окончаниях лопастных браслетов из Большого Московского клада и из Тибей-Сале на Ямале, на крестовидных накладках из Вильгортского клада в Пермском крае, на серебряных накладках из Зауралья [Руденко, 2015: 187, 190, рис. 294, 303, 312]. Интересен золотой перстень из Билярского клада 1882 г. со вставкой из сердоликовой бусины [Руденко, 2015: 263, илл. 263]. Этот прием у болгар появился не ранее XII в., а изделия с такими вставками получили распространение в конце XII — начале XIII в. [Руденко, 2018: 214];

¹ Общая информация о кладах имеется в описании археологических памятников Казанской губернии, вышедшей в 1877 г. [Шпилевский, 1877: 330], а через почти 100 лет в Своде болгарских археологических памятников Р. Г. Фахрутдинова [1975: 128, № 770].

6) серебряный пластинчатый (рис. 4. — 6) перстень диаметром 2,3 см с 6-угольным щитком, на котором в центре выгравировано изображение трилистника (лилии) с обрамлением из двух геометризованных растительных побегов в виде подковообразной фигуры на зачерненном фоне. По периметру имеется ряд s-видных насечек (ГЭ, инв. № 501/2). Этот перстень входит в многочисленную группу болгарских перстней с чернью домонгольского времени. Вместе с тем симметричная композиция из двух побегов, соединенных основаниями в центре в виде трилистника и общими очертаниями напоминающую лиру, достаточно редка и встречена только на одном перстне из Кожаевского клада [Руденко, 2015: 54, тип 2.7]. Хотя мотив крина на перстнях с чернью не редкость, но композиция на них, как правило, замкнутая, кольцевая. Т. И. Макарова, включила Спасский перстень в свою классификацию (тип 3, подтип 1) древнерусских черненных перстней, отметив, что он находится в начале их эволюционного ряда [Макарова, 1986: 43, 47, 129, 130, рис. 16, № 67]. М. Д. Полубояринова, описывая русские изделия в Волжской Булгарии, также обратила внимание на этот перстень, но при этом, соглашаясь с датировкой Т. И. Макаровой (XII — начало XIII в.), высказала мнение, что перстень мог быть изготовлен болгарским ювелиром [Полубояринова, 1993: 29–30];

7) серебряный пластинчатый перстень (рис. 4. — 7) диаметром 2,3 см с объемным щитком в виде полусферы, декорированной треугольниками зерни. Венчает полусферу крупный полый шарик зерни; такого же размера гранулы напаяны по ее краю. Шинка рифленая (ГЭ, инв. № 501/4). Перстень с полусферическим щитком с зернью (тип 2.2 по К. А. Руденко) аналогичен перстню из Булгара (собрание А. Ф. Лихачева) и близок по типу перстням из Именьковского клада и Биляра, хотя декор у них иной [Руденко, 2015: 161, 238, 242, рис. 36. — 1; 40. — 5; илл. 247, кат. 78]. Полусферическая накладка с зерневым рисунком, по композиции аналогичная декору Спасского перстня, украшала лунницу на серебряной проволочной гривне из окрестностей Джукетау [Руденко, 2015: 250, рис. 48. — 2]. С. С. Рябцева, специально изучившая перстень из Спасского клада, отметила, что система его декора аналогична древнерусской, но он сделан по более простой технологии, что, по ее мнению, свидетельствует о местном изготовлении данного предмета [Рябцева, 2017: 143]. Время появления такого типа оформления перстней у болгар можно определить не ранее XI в. [Руденко, 2018: 212];

8) серебряный пластинчатый перстень (рис. 4. — 8) диаметром 2,3 см с рифленой шинкой и овальным щитком, обрамленным по периметру двумя скаными проволочками; орнаментальное поле щитка разделено двумя параллельными скаными проволочками на две половины, в каждой из них размещены треугольники зерни: два с краев вершиной вверх, один в центре между ними, основанием вверх (ГЭ, инв. № 501/3). Этот перстень практически идентичен изделию с Остолоповского селища XI–XII вв. [Руденко, 2015: 237, рис. 35. — 3, кат. 91];

9) серебряная коробочка — коранница (капторга) (6,2х6,6х0,6 см) на цепочке длиной 78,3 см; на обеих сторонах коробочки имеются гравированные рисунки на черном фоне, а в центре — в прямоугольной рамке арабоязычная надпись почерком куфи — «Царство» [Аллаха] (рис. 5. — 1). Основное поле занято орнаментом, в основе которого лежит мотив крина (лилии) [Руденко, 2015: 66–67, илл. 115, 118] (ГЭ, инв. № 501/1). Капторга такой формы и дизайна известна в болгарских древностях в единственном экзем-

пляре. Правда, на Билярском городище была найдена бронзовая матрица для изготовления заготовок подобных изделий [Руденко, 2015: 67, илл. 118]. Ближайшая аналогия (пластина от коранницы) имеется в коллекции Насера Халили (Nasser D. Hallili), атрибутированная как иранское изделие X–XII вв. При совпадении размеров артефактов, единстве композиционного решения декора стиль оформления тут иной: основное орнаментальное поле занимает кувфическая надпись на фоне спиралевидных растительных побегов, как, собственно, и надпись в центральном медальоне. Фон на всем изделии покрыт чернью [Spink, Ogden, 2013: 253, cat. 213];

Рис. 5. Спасский клад 1869 г. Серебряная капторга (1) и ожерелья с золотыми подвесками (2, 3) [Путешествие, 2016: 394, 399, 400, кат. 308, 315, 316]

10) золотое монисто (рис. 5. — 3): цепочка (фрагмент) длиной 14,4 см с семью круглыми медальонами, диаметром 1,8 см; медальоны украшены сканью по краю, а также полусферой в центре, окантованной витой проволокой и зернью, а также выложенными снаружи треугольниками зерни; зерновые треугольники положены и вдоль края диска у окантовки (ГЭ, инв. № 501/12);

11) золотая цепочка (фрагмент) длиной 9,7 см с 13 желудевидными подвесками (2,4x1 см), украшенными зернью (рис. 5. — 2) (ГЭ, инв. № 501/10–11). Аналогичные цепочки как с медальонами, так и с подвесками встречены в Жигулевском кладе булгарских ювелирных украшений домонгольского времени;

Рис. 6. Спасский клад 1869 г. Золотые (1–3) и серебряные (4, 5) височные кольца [Путешествие: 397–399, кат. 312–314]

12) серебряное височное разомкнутое кольцо диаметром 4,8 см с тремя напускными бусинами, зафиксированными плотно навитой сканой проволокой (рис. 6. — 4) (ГЭ, инв. № 501/8);

13) серебряное височное разомкнутое кольцо диаметром 4,7 см с тремя напускными бусинами, аналогичное предыдущему и составлявшие с ним одну пару (рис. 6. — 5) (ГЭ, инв. № 501/9). Близкое по размеру кольцо найдено Е. А. Беговатовым на IV Семёновском селище, хотя последнее и имеет ряд отличий в оформлении [Руденко, 2015: 400, кат. 145; Беговатов, Казанцева, 2016: 47, 50, рис. 9];

14) золотое височное разомкнутое кольцо (рис. 6. — 2) диаметром 3,2 см с тремя напускными бусинами, зафиксированными плотно навитой сканой проволокой; половинки бусин соединены сканью и пояском зерни; на средней бусине сохранились три колечка для крепления цепочек или привесок (ГЭ, инв. № 501/5);

15) золотое височное разомкнутое кольцо (рис. 6. — 3) диаметром 3,3 см с тремя напускными бусинами, аналогичное предыдущему и составлявшее с ним одну пару (ГЭ, инв. № 501/6). Эти кольца являются уменьшенной копией пары трехбусинных серег из Кожаевского клада 1990 г., датированного концом XI — началом XII в. [Руденко, 2011: 188–189, кат. 2, 3];

16) золотое филигранное височное кольцо, разомкнутое (рис. 6. — 1), диаметром 5,6 см с фигуркой птицы в центре и с тремя цепочками (сохранились две) длиной 6,4 см, в нижней части которых прикреплены желудевидные подвески (2,4x1 см), украшенные зернью (ГЭ, инв. № 501/7) [Руденко, 2011: 213–214, кат. 24; Шаблавина, 2016: 397–398, кат. 313]. Интересно, что эта подвеска была одна, не в паре, как это зафиксировано практически во всех других кладах. Таких филигранных колец известно на сегодняшний день 16¹ [Руденко, 2018а: 10]. Кольцо относится к типу В-36 (школа «В» болгарских ювелиров, по К. А. Руденко, функционировавшая в XII в.) [Руденко, 2011: 214];

17) два слитка серебра в виде «лотка» — круглые слитки, свёрнутые в трубку (КССТ) (5,3x3,3 и 4,1x2,5 см) (рис. 7) (ГЭ, инв. № 501/15а, б), и 48 таких разрубленных слитков общим весом около трех килограммов². Клады с серебряными слитками были распространены в Волжской Булгарии и ее ближайшем пограничье в XII–XIII вв., причем многие из них были весьма крупными³. Так, Булгарский клад 2013 г., зарытый в первой половине XIII в., содержал 160 серебряных слитков, как целых, так и обломков общим весом до 5 кг. Кроме того, здесь же были обнаружены два плетеных серебряных браслета и железный наконечник стрелы [Глазунова, Гайдуков, 2014: 252–263];

18) медный сосуд (не сохранился). Скорее всего, это был мерный сосуд в виде «кружки» усечено-конической формы, которые известны из кладов медной посуды на этом же комплексе.

¹ За последние годы в частных коллекциях оказалось еще две пары таких украшений. Таким образом, общее число их достигает 20.

² В начале 1920-х гг. А. А. Ильин, коллега И. И. Толстого, работавшего вместе с Н. П. Кондаковым над Спасским кладом, описал 47 имевшихся в нем серебряных слитков, часть которых была свернута в трубку, часть разрублена. Они были разной величины, весом 11–47 зол. Общий вес 7 ф. 77 зол. 84 д. (3 202 г). Проба одного слитка показала 86¼ чистого металла [Ильин, 1921: 20, № 46]. Эти данные позже воспроизвел в своей публикации А. С. Гущин [1936: 81].

³ Так, вес 235 серебряных слитков круглой формы цельных и разрубленных на куски в денежно-весовом кладе из Малмыжского уезда Вятской губернии был свыше 21 кг [Ильин, 1921: 19, № 36].

№ 2. Клад серебряных украшений 1964 г.¹ (рис. 8). Обнаружен Е. П. Казаковым в юго-западной части IV Старо-Куйбышевского селища² [Казаков, 1988: 72–73; 1991: 123–124, рис. 42. — 2, 6, 8, 9; Руденко, 2015: 438, 439, 448, 231, 232, 252].

Рис. 7. Спасский клад 1869 г. Слитки серебра [Путешествие, 2016: 401, кат. 318]

В составе клада были:

1) гривна проволочная плетеная, серебряная (16x19,5x2,5 см), весом 165 г. (рис. 8. — 4, 4a). Гривны хорошо известны по находкам в болгарских кладах и на ряде поселений. Всего их известно сейчас на менее 13 экз. [Руденко, 2018: 206–207]. Вместе с тем Спасская гривна несколько меньшего обычного размера этих изделий;

2) браслет 6-проволочный (рис. 8. — 1) ажурного плетения, серебряный (8,3x6,7x2 см), весом 54,32 г;

3) браслет 6-проволочный ажурного плетения серебряный, аналогичный браслету № 2, только оплавленный (рис. 8. — 2). Стандартный тип браслета, рассмотренный нами выше (клад № 1);

4) браслет 4-проволочный (рис. 8. — 3) плотного плетения, серебряный (9,4x7x1,6 см), весом 59,65 г. Браслеты такого типа плетения встречены в Старо-Ургагарском кладе и на Булгарском городище. Однако в отличие от Спасского браслета у них имеются шатоны со вставками [Руденко, 2015: 440–441, кат. 237, 239].

¹ Находится в фондах музея Института археологии Академии наук Татарстана.

² В 1964 г. Е. П. Казаковым были найдены два серебряных плетеных браслета [Халикова, 1976: 49, прим. 36]. Остальные изделия из клада были обнаружены в последующие годы.

Рис. 8. Спасский клад 1964 г. Серебряные браслеты (1–3) и плетеная гривна (4).
4а – прорисовка К. А. Руденко. Фото К. А. Руденко

3. Клад золотых украшений 1998 г. (рис. 9). Найден на островах на месте Старого Куйбышева (Спасска)¹.

Рис. 9. Спасский клад 1998 г. Золотые височное филигранное кольцо (1), подвески (2,3) [Руденко, 2015: 497, кат. 387–390]

Из клада сохранилось несколько предметов, часть которых в начале 2000-х гг. была приобретена Государственным музеем изобразительных искусств Татарстана² [Руденко, 2015: 497, кат. 387–390]. В его составе были: 1) подвеска височная филигранная трехбусинная (4,9x1,8x3,7 см) без фигурки птицы и подвесок на цепочках, хотя на средней бусине имеются три колючка-петельки для них (рис. 9. — 1). Не исключено, что аналогичная подвеска из фондов Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (БГИАМЗ) (инв. № 1114/4, арх.406) происходит из этого же клада [Ру-

¹ Несколько предметов из клада были атрибутированы автором в 1999 г. [Руденко, 2011: 176]. Тогда же были получены сведения о месте находки клада.

² ГМИИ РТ, инв. № № П-3281, 3282, 3283, 3284.

денко, 2011: 193, кат. 7]. Пара аналогичных височных колец имеется в собрании Фонда Ш. Марджани (рис. 10);

2) монисто из круглых медальонов диаметром 1,9 см с припаянными ушками, на которых сохранились 3–4 звена цепочек (общая длина 3,5–4,6 см) (рис. 9. — 2). Цепочка с медальонами аналогична цепочке из клада № 1 1869 г.;

3) цепочка с желудевидными подвесками. Сохранилась одна из них (3,1x1,6x1,5 см) с одним звеном цепочки, оставшемся на ушке в верхней части изделия (рис. 9. — 3). В отличие от цепочки клада 1869 г. соединительный шов двух половинок подвески украшен зерновым пояском из полых шариков. Отметим, что наличие двух цепочек и филигранного височного трехбусинного кольца сближает его со Спасским кладом 1869 г., а монисто — с Жигулевским кладом [Руденко, 2015: 209, илл. 351]. Аналогичный золотой медальон, только более простого дизайна, найден при раскопках городища Муромский городок на Самарской Луке [Кочкина, Сташенков, 2011: 18].

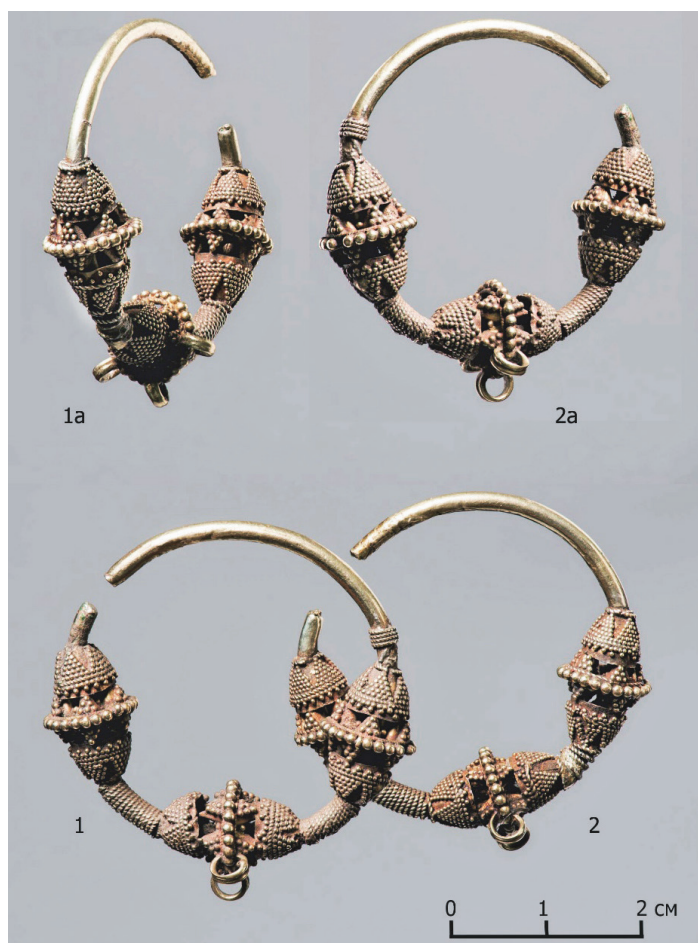

Рис. 10. Пара золотых височных филигранных колец (1,2). Собрание Фонда Ш. Марджани [Путешествие, 2016: 413, кат. 333]

№ 4. Клад серебряных слитков 1896 г. Найден в 1896 г. в Спасске. Он состоял из сплавленных от пожара литых рубленных кусочков серебра весом 25 фунтов, 24 золотника, находившихся в глиняном кувшине черного цвета, очевидно, побывавшем в огне [Ильин, 1921: 21, № 52].

№ 5. Клад серебряных слитков 1998 г. Обнаружен в конце 1990-х гг. Е. А. Беговатовым на IV Старо-Куйбышевском селище. Он состоял из 26 слитков серебра. Три, самых крупных из них, представляли собой круглые слитки, свёрнутые в трубку (КССТ) (13,1; 20,9; 60,1 г), остальные — разрубленные или распиленные на мелкие кусочки те же по форме слитки (1,6; 1,7; 1,8; 2,4; 2,5; 2,6; 3,5; 4,5; 5,2; 6; 7,9; 8,1; 12,5; 12,8; 12,9; 13,1; 13,2; 17,1; 20,4; 20,9; 31,8; 38,4; 60,1; 76,1 г). Как отмечал Е. А. Беговатов, на многих слитках имеются следы несколько срезов — по-видимому, они подгонялись под определённый вес [Беговатов, 1999: 83].

Рис. 11. Спасский клад медной посуды 1981 г. с IV Старокуйбышевского селища (1,2). Фото К. А. Руденко. Аналогия (3,3а): медный мерный сосуд. Собрание Фонда Марджани [Подарок созерцающим, 2015: 326–327, кат. 161].

№ 6. Клад медной посуды 1981 г. (рис. 11. — 1,2). Выявлен в южной части IV Старо-Куйбышевского селища в 1981 г.¹ Е.П. Казаковым [Казаков, 1982: 39, рис. 94; 1991: 112–113, рис. 38. — 10, 12–18; 39. — 1–3, 5, 6]. Отдельные изделия, вероятно, из этого клада, были найдены на этом месте в последующие годы Е. А. Беговатовым. В составе клада, состоявшего из 8 предметов, были медные котлы (4 экз.) типа М-4 по К. А. Руденко с цилиндрическим туловом (диаметр 24–33 см, высота — 15–18 см) с бронзовыми ушками с двойной расковкой [Руденко, 2000: 30–33, рис. 2]; ковши (2 экз.), диаметром 8–10 см, высотой 5 см; мерные сосуды («кружки») усеченно-конической формы с бронзовой ручкой, закрепленной на венчике и в нижней части тулова (2 экз.); высота их 17–22, диаметр по венчику 8,5–9, диаметр дна 15,5–17 см. Тип 1 по К. А. Руденко [2000: 77–78, рис. 17, 18]. Клад был, скорее всего, более крупным, поскольку, по подсчетам Е. П. Казакова, на селище IV с начала 1960-х гг. и до конца 1980-х гг. было найдено около 20 медных сосудов, как целых, так и поврежденных [Казаков, 1991: 113]. Если медные котлы достаточно стандартны, то мерные сосуды усеченно-конической формы имеют определенное своеобразие, что отличает их от похожих изделий иноземного происхождения (рис. 11. — 3).

№ 7. Клад медной посуды 1982 г. (рис. 12). Найден на V Старо-Куйбышевском селище в разрушенной постройке. В него входили — 5 мерных сосудов усеченно-конической формы из меди [Казаков, 1984: 42–43, рис. 4. — 8–10]. Клады медной посуды были распространены в Волжской Булгарии в домонгольское время. Они известны как на городищах, так и на селищах [НА РТ. Ф.1. Оп. 3. Д. 9755: 4; Халиков, 1976: 25–26; НА РТ Ф.1. Оп. 3. Д. 9132: 1–4, 7; Д. 7922: 1–4].

№ 8. Клад кузнечных изделий 1981 г. был обнаружен в юго-восточной части IV Старо-Куйбышевского селища в овальной яме. Здесь находились: 1) два навесных железных замка; 2) дужка от медного котла; 3) семизвеньевая железная цепь; 4) коса (фрагмент); 5) кольцо с обоймой; 6) неопределенное изделие [Казаков, 1991: 52–53, рис. 17]. Судя по типу замков клад датируется XII — первой половиной XIII в.

Рассмотрим археологический контекст данных кладов. За четверть века регулярных обследований, сборов и фиксации находок из разрушенного культурного слоя на Старо-Куйбышевском комплексе раскопками была охвачена только небольшая часть территории, причем в разных местах — на городище и на некоторых из селищ [Халикова, 1976: 39–59; Казаков, 1984: 39–64; Валиев, 2017: 68–73; 2017а: 52–64, рис.1; 2; Валиев и др., 2018: 103–104, рис. 2–7] (рис. 3). Несмотря на отсутствие синхронизации данных по этим поселениям, можно считать установленным, что активная жизнедеятельность на селищах IV и V относится к XI–XII вв. Укрепления городища были возведены на культурном слое предшествующего неукрепленного селища в XII в., причем не позднее последней четверти XII в. часть насыпи вала была перекрыта культурным слоем. Прекращение функционирования большей части поселений произошло во второй четверти XIII в., но часть их функционировала во второй половине XIII–XIV вв.

¹ Хранятся в музее института археологии АН РТ. Полевой шифр: IV Ст.К.с-81.

Рис. 12. Спасский клад медной посуды 1982 г. с V Старокуйбышевского селища.
Фото К. А. Руденко

Клады, обнаруженные до середины XX в. (№ 1, 4), были найдены на пашне, т. е. к юго-востоку от Спасска — на одном из левобережных селищ, вероятно, V–VI (рис. 1. — 2; 2). Остальные выявлены на размываемых селищах: селище IV (№ 2, 5, 6, 8) и селище V (№ 7 и, вероятно, № 1 и 3). Не будет большой ошибкой предположить, что клад № 3 происходит с селища V. Такая привязка кладов связана с характером этих поселений. Сели-

ще IV — место концентрации специфических находок, например, товарных железных криц [Казаков, 1991: 43–45], явно специально привезенных в данный пункт и складированных здесь. В этом контексте понятно и наличие на этом памятнике кладов железных бытовых поделок (№ 8), медной посуды (№ 6), а также слитков серебра (№ 5) и серебряных украшений (№ 2), что связано с расположением здесь мест хранения товаров и их реализацией. Датируются изделия из этих кладов XII в., а время их сокрытия приходится на первую треть XIII в. Клады на селище V (№ 1, 3) богаче, включая украшения из драгоценных металлов и серебряные слитки (№ 1). Есть и клад медной посуды, но состоявший только из мерных сосудов (№ 7). Предметы из этих кладов были изготовлены в XI–XII вв., копились владельцами достаточно долго (за исключением клада № 7) и были скрыты одновременно в первой трети XIII в. Единственной причиной таких действий в указанный период могло стать монгольское нашествие.

О кладе 1896 г. (№ 4) сведения очень скудные, но если серебряные слитки были разрублены на мелкие кусочки, то это более характерно для периода XI в., а сам клад мог быть зарыт в конце XI — начале XII в., как и ряд других болгарских кладов [Руденко, 2001: 331].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Беговатов Е. А. Спасский клад серебряных слитков // Проблемы первобытной и средневековой археологии / отв. ред. П. Н. Старостин. Казань : Мастер Лайн, 1999. С. 83–84.

Беговатов Е. А., Казанцева Л. И. Средневековые ювелирные изделия Семеновского комплекса // Поволжская археология. 2016. № 4 (18). С. 37–53.

Валиев Р. Р. Старокуйбышевский комплекс памятников: новый взгляд и перспективы исследований // Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй : материалы III Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей / отв. ред. Н. Н. Крадин, А. Г. Ситдинов. Владивосток : Дальнаука, 2017. С. 68–73.

Валиев Р. Р. Проблемы локализации археологических объектов на пример Старокуйбышевского комплекса памятников // Археология Евразийских степей. 2017а. № 1. С. 52–64.

Валиев Р. Р., Абдуллин Х. М., Ситдинов А. Г. Старокуйбышевское VII селище: историко-археологические исследования // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 100–110. URL: <https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.100.110>.

Глазунова Е. В., Гайдуков П. Г. Новый клад волжско-камских слитков («лепёшек») из Болгара // КСИА. Вып. 236. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2014. С. 252–263.

Губайдуллин А. М. Исследования на Старокуйбышевском городище // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 223–229.

Гущин А. С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. Л. : Гос. соц.-эконом. изд-во, 1936. 112 с.

Ильин А. А. Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пг. : Госиздат, 1921. 62 с. (РосАИМК: Труды нумизматической комиссии. Т. I).

Казаков Е. П. Отчет о работах Раннеболгарской археологической экспедиции в Татари в 1981 году. Казань, 1982. 151 л. // Архив ИА РАН. Р-И, № 8864.

Казаков Е. П. V Старо-Куйбышевское селище // Археологические памятники Нижнего Прикамья / отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. С. 39–64.

Казаков Е. П. Булгарские памятники приустьевой части Закамья и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие / отв. ред. А. Х. Халиков. Казань : ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 71–82.

Казаков Е. П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань : Тат. кн. изд-во, 1991. 176 с.

Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. Казань : Таткнигоиздат, 1954. 128 с.

Кондаков Н. П. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. Т. 1. СПб. : Тип. Глав. упр. уделов, 1896. 214 с.

Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А. Древности Самарской Луки. Самара : СОИКМ, 2011. 24 с.

Макарова Т. И. Черное дело Древней Руси. М. : Наука, 1986. 156 с.

Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1876.

Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7922.

Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9132.

Национальный архив Республики Татарстан. Ф.1. Оп. 3. Д № 9755.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1869 год: с атласом. СПб., 1871 [1]. XXII. 256 с.

«Подарок созерцающим». Странствия Ибн Баттуты : каталог выставки / ред. А. Д. Притула, А. Н. Теплякова, О. М. Ястребова. СПб. : Изд-во ГЭ, 2015. 512 с.

Полубояринова М. Д. Русь и Волжская Булгария в X–XV вв. М. : Наука, 1993. 124 с.

Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара : каталог выставки. М. : Изд. Дом Марджани, 2016. 559 с.

Руденко К. А. Металлическая посуда Поволжья и Приуралья в VIII–XIV вв. Казань : Репер, 2000. 155 с.

Руденко К. А. Булгарские клады (к вопросу о булгарской металлообработке XI–XIV вв.) // Древние ремесленники Приуралья : материалы Всероссийской научной конференции (Ижевск, 21–23 ноября 2000 г.) / отв. ред. В. И. Завьялов. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 322–348.

Руденко К. А. Булгарское золото: филигранные височные подвески. Древности Биляра. Т. I. Казань : Заман, 2011. 256 с.

Руденко К. А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань : Заман, 2015. 528 с.

Руденко К. А. Плетеные гривны с подвесками-лунницами из Волжской Булгарии: дизайн, атрибуция // Средневековая археология Евразии: от Ямала до Карпат : сб. науч. тр. к 60-летию юбилею А. М. Белавина / под ред. Н. Б. Крыласова. Пермь : Изд-во Перм. гос. гуманит.-пед. ун-та, 2018. С. 205–219 (Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XIV).

Руденко К. А. Булгарские золотые филигранные подвески с фигурками птиц: к вопросу о происхождении // Народы и религии Евразии. 2018а. № 3 (16). С. 7–21. DOI: 10.14258/nreur(2018)3–01.

Рябцева С. С. Перстни, декорированные зернью, как характерный элемент древнерусского парадного ювелирного убора X–XI вв. // Ювелирное искусство и материальная культура / сост. В. В. Киджи, И. В. Поскачева, Н. В. Царев. СПб. : Изд-во ГЭ, 2017. С. 136–153.

Смирнов А. П. Волжские булгары. М. : Изд-во ГИМ, 1951. 295 с.

Спицын А. А. Из коллекций Императорского Эрмитажа // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. Т. VIII, вып. 1 / ред. С. Ф. Платонов. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1906. С. 246–274.

Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 5: Курганные древности и клады домонгольского периода. СПб. : тип. А. Банка, 1897. 168 с.

Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань : Таткнигоиздат, 1975. 219 с.

Халиков А. Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города / науч. ред. В. В. Седов. М. : Наука, 1976. С. 5–56.

Халикова Е. А. Сельские кладбища Волжской Булгарии XII — начала XIII вв. // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков / отв. ред. А. Х. Халиков. Казань : ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 39–59.

Шаблавина Е. А. Казанская губ. Спасский клад, случайная находка 1869 г. // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара: каталог выставки. М. : Изд. Дом Марджани, 2016. С. 394–402.

Шпилевский С. М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань : Университетская типография, 1877. 610 с.

Spink M., Ogden J. The Art of adornment: jewellery of the Islamic Lands. Part One. The Nasser D. Hallili collection of Islamic art. Vol. XVII. L.: Nour Foundation, 2013. 372 p. (на англ. яз.).

REFERENCES

Begovatov E. A. Spasskii klad serebrianykh slitkov [Spassky treasure of silver bullions]. *Problemy pervobytnoi i srednevekovoi arkheologii* [Problems of primitive and medieval archeology]. Kazan: “Master line” Publ., 1999. S. 83–84 (in Russian).

Begovatov E. A., Kazantseva L. I. Srednevekovye iuvelirnye izdeliia Semenovskogo kompleksa [Medieval Jewelry of the Semenovsky Complex]. *Povolzhskaia arkheologiiia* [Povolzhskaya Arkheologiya]. 2016, no. 4 (18). S. 37–53 (in Russian).

Valiev R. R. Starokuibyshevskii kompleks pamiatnikov: novyi vzgliad i perspektivy issledovaniia [Starokuybyshevsky complex of settlements: a new look and research prospects]. *III Mezhdunarodnyi kongress srednevekovoi arkheologii evraziiskikh stepei “Mezhdru Vostokom i Zapadom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii”* [III International Congress of medieval archeology of the Eurasian steppes “Between East and West: the movement of cultures, technologies and empires”]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2017. S. 68–73 (in Russian).

Valiev R. R. Problemy lokalizatsii arkheologicheskikh ob'ektov na primer Starokuibyshevskogo kompleksa pamiatnikov [Problems of localization of archaeological objects on the example of the Starokuybyshevsky complex of settlements]. *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei* [Archeology of the Eurasian steppes]. 2017a, no. 1. S. 52–64 (in Russian).

Valiev R. R., Abdullin Kh. M., Sitdikov A. G. “Starokuibyshevskoe VII selishche”: istoriko-arkheologicheskie issledovaniia [“Starokuybyshevskoe VII settlement”: historical and archaeological research [*Povolzhskaia arkheologiya* [*Povolzhskaya Arkheologiya*]. 2018, no. 2 (24. S. 100–110, <https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.100.110> (in Russian).

Glazunova E. V., Gaidukov P. G. Novyi klad volzhsko-kamskikh slitkov (“lepeshek”) iz Bolgara [A new treasure of the Volga-Kama ingots (“cakes”) from Bulgar]. KSIA. Vol. 236. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury; Znak Publ., 2014. S. 252–263 (in Russian).

Gubaidullin A. M. Issledovaniia na Starokuibyshevskom gorodishche [Research on the Starokuybyshevsky hillfort]. *Povolzhskaia arkheologiya* [*Povolzhskaya Arkheologiya*]. 2012, no. 2. S. 223–229 (in Russian).

Gushchin A. S. *Pamiatniki khudozhestvennogo remesla Drevnei Rusi X–XIII vv.* [Monuments of the craft of Ancient Russia X–XIII centuries]. Leningrad: State. social -econom. Publishing House, 1936. 112 s. (in Russian).

Il'in A. A. *Topografiia kladov serebrianykh i zolotykh slitkov* [Topography of silver and gold bullion treasures]. Petrograd: State Publishing House, 1921. 62 s. (in Russian).

Kazakov E. P. *Otchet o rabotakh Rannebolgarskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v Tatarii v 1981 godu* [Report on the work of the Early Bulgarian archeological expedition to Tatarstan in 1981]. Kazan, 1982. Arkhiv IA RAN [Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences]. Fund R-I. Inventory 8864, 151 s. (in Russian).

Kazakov E. P. V Staro-Kuibyshevskoe selishche [V Staro-Kuibyshevskoe settlement]. *Arkheologicheskie pamiatniki Nizhnego Prikam'ia* [Archaeological settlements of the Lower Prikamye]. Kazan: IYALI KFAN USSR Publ., 1984. S. 39–64 (in Russian).

Kazakov E. P. Bulgarskie pamiatniki priust'evoi chasti Zakam'ia i mongol'skoe nashestvie [Bulgarian settlements of the estuary part of Zakamye and the Mongol invasion]. *Volzhskaia Bulgariia i mongol'skoe nashestvie* [Volga Bulgaria and the Mongol invasion]. Kazan: IYALI KFAN USSR Publ., 1988. S. 71–82 (in Russian).

Kazakov E. P. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy* [The Bulgarian village of the X–XIII centuries of the lower Kama]. Kazan: Tat. kn. Publ., 1991, 176 s. (in Russian).

Kalinin N. F. Khalikov A. Kh. *Itogi arkheologicheskikh rabot za 1945–1952 gg.* [Results of archaeological work for 1945–1952]. Kazan: Tatar book publishing house, 1954. 128 s. (in Russian).

Kondakov N. P. *Russkie klady. Issledovanie drevnostei velikokniazheskogo perioda* [Russian treasures. A study of the antiquities of the grand ducal period]. Vol. 1. St. — Petersburg: Printing house of the head office, 1896, 214 s. (in Russian).

Kochkina A. F. Stashenkov D. A. *Drevnosti Samarskoi Luki* [Antiquities of Samara Bend]. Samara: SOIKM Publ., 2011, 24 s. (in Russian).

Makarova T. I. *Chernevoe delo Drevnei Rusi* [Niello craft of Ancient Russia]. Moscow: Nauka Publ., 1986. 156 s. (in Russian).

Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan [National Archives of the Republic of Tatarstan]. Fund 1. Inventory 3. File 876 (in Russian).

Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan [National Archives of the Republic of Tatarstan]. Fund 1. Inventory 3. File 7922 (in Russian).

Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan [National Archives of the Republic of Tatarstan]. Fund 1. Inventory 3. File 9132 (in Russian).

Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan [National Archives of the Republic of Tatarstan]. Fund 1. Inventory 3. File 9755 (in Russian).

Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii za 1869 god: s atlasom [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1869: with an atlas]. St. Petersburg, 1871. [1], XXII. 256 s. (in Russian).

“Podarok sozertsaiushchim”. Stranstviia Ibn Battuty: katalog vystavki [A gift to contemplators' Ibn Battuta's travels: exhibition catalog]. St. Petersburg: The State Hermitage Publ., 2015. 512 s. (in Russian).

Poluboiarinova M. D. *Rus' i Volzhskaia Bulgariia v X–XV vv.* [Rus and Volga Bulgaria in the 10th — 15th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1993. 124 s. (in Russian).

Puteshestvie Ibn Fadlana: Volzhskii put' ot Bagdada do Bulgara. Katalog vystavki [Travel of Ibn Fadlan: Volga way from Baghdad to Bulgar. Exhibition catalog]. Moscow: Mardzhani Publ., 2016. 559 s. (in Russian).

Rudenko K. A. *Metallicheskaia posuda Povolzh'ia i Priural'ia v VIII–XIV vv.* [Metal dishes of the Volga and Ural regions in the VIII–XIV centuries]. Kazan: “Reper” Publ., 2000. 155 s. (in Russian).

Rudenko K. A. Bulgarskie klady (k voprosu o bulgarskoi metalloobrabotke XI–XIV vv.) [Bulgarian treasures (on the issue of Bulgarian metalworking of the XI–XIV centuries)]. *Drevnie remeslenniki Priural'ia: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Ancient artisans of the Urals: Materials of the All-Russian Scientific Conference]. Izhevsk: UIIAL Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2001. S. 322–348 (in Russian).

Rudenko K. A. *Bulgarskoe zoloto: filigrannye visochnye podveski* [Bulgarian gold: filigree temporal pendants]. *Drevnosti Biliara. Tom I* [Antiquities of Bilyar. Vol. I]. Kazan: Zaman Publ., 2011. 256 s. (in Russian).

Rudenko K. A. *Bulgarskoe srebro* [Bulgarian silver]. *Drevnosti Biliara. Tom II* [Antiquities of Bilyar. Vol. II]. Kazan: Zaman Publ., 2015. 528 s. (in Russian).

Rudenko K. A. Pletenye grivny s podveskami-lunnitsami iz Volzhskoi Bulgarii: dizain, atributsiia [Plated herves with lunula pendants from the Volga Bulgaria: design, attribution]. *Srednevekovaia arkheologiiia Evrazii: ot Iamala do Karpat* [Medieval archeology of Eurasia: from Yamal to the Carpathians]. Perm: Publishing house Perm. state humanit.-ped. University, 2018. S. 205–219 (in Russian).

Rudenko K. A. Bulgarskie zoloty filigrannye podveski s figurkami ptits: k voprosu o proiskhozhdenii [Bulgarian gold filigree pendants with bird figures: on the issue of origin]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2018a, no3 (16), pp.7–21. DOI: 10.14258/nreur (2018) 3–01 (in Russian).

Riabtseva S. S. Perstni, dekorirovannye zern'iu, kak kharakternyi element drevnerusskogo paradnogo iuvelirnogo ubora Kh — XI vv. [Rings decorated with grain as a characteristic element of the old Russian ceremonial jewelry set of the 10th — 11th centuries]. *Iuvelirnoe iskusstvo i material'naia kul'tura* [Jewelry and material culture]. St-Petersburg: Publishing House State Hermitage Museum, 2017. S. 136–153 (in Russian).

Smirnov A. P. *Volzhskie bulgary* [Volga Bulgars]. Moscow: Publishing house of the State Historical Museum, 1951. 295 s. (in Russian).

Spitsyn A. A. Iz kolleksii Imperatorskogo Ermitazha [From the collections of the Imperial Hermitage]. *Zapiski otdeleniia russkoi i slavianskoi arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Department of Russian and Slavic Archeology of the Imperial Russian Archaeological Society]. T. VIII, Vol. 1. St-Petersburg, 1906. S. 246–274 (in Russian).

Tolstoi I. I., Kondakov N. P. *Russkie drevnosti v pamiatnikakh iskusstva. Vyp. 5: kurgannye drevnosti i klady domongol'skogo perioda* [Russian antiquities in the monuments of art. Vol. 5: mound antiquities and treasures of the pre-Mongol period]. — St-Petersburg, 1897. 168 s. (in Russian).

Fakhrutdinov R. G. *Arkheologicheskie pamiatniki Volzhsko-Kamskoi Bulgarii i ee territorii* [Archaeological sites of the Volga-Kama Bulgaria and its territory]. Kazan: Tatknigoizdat, 1975. 219 s. (in Russian).

Khalikov A. Kh. *Istoriia izucheniia Biliarskogo gorodishcha i ego istoricheskaia topografiia* [History of the study of Bilyar hillfort and its historical topography]. *Issledovaniia Velikogo goroda* [Studies of the Great City]. Moscow: Nauka Publ., 1976. S. 5–56 (in Russian).

Khalikova E. A. *Sel'skie kladbishcha Volzhskoi Bulgarii XII — nachala XIII vv.* [Rural cemeteries of the Volga Bulgaria of the 12th — early 13th centuries]. *Iz istorii kul'tury i byta tatarskogo naroda i ego predkov* [From the history of culture and life of the Tatar people and their ancestors]. Kazan: IYALI KFAN USSR Publ., 1976. S. 39–59 (in Russian).

Shablavina E. A. *Kazanskaia gub. Spasskii klad, sluchainaia nakhodka 1869 g.* [Kazan province Spassky treasure, an accidental find of 1869]. *Puteshestvie Ibn Fadlana: Volzhskii put' ot Bagdada do Bulgara. Katalog vystavki* [Ibn Fadlan's Journey: The Volga Way from Baghdad to Bulgar. Exhibition catalog]. Moscow: Publishing. Mardzhani House, 2016. S. 394–402 (in Russian).

Shpilevskii S. M. *Drevnie goroda i drugie bulgaro-tatarskie pamiatniki v Kazanskoi gubernii* [Ancient cities and other Bulgarian-Tatar settlements in the Kazan province]. Kazan: University Printing House, 1877, 610 s. (in Russian).

Spink M., Ogden J. *The Art of adornment: jewellery of the Islamic Lands*. Part One. The Nasser D. Hallili collection of Islamic art. Vol. XVII. L.: Nour Foundation, 2013, 372 p.

Сокращения

ГИМ — Государственный исторический музей

ИЯЛИ КФАН СССР — институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР

КСИА — Краткие сообщения института археологии

МВД — Министерство внутренних дел

РосАИМК — Российская академия истории материальной культуры

Цитирование статьи:

Руденко К. А. Клады эпохи Волжской Булгарии на Старо-Куйбышевском археологическом комплексе в Татарстане: состав, датировка, интерпретация // Народы и религии Евразии. 2020. № 4 (25). С. 7–33.

Citation:

Rudenko K. A. Treasures of the era of the Volga Bulgaria at the Old Kuibyshev's archaeological complex in Tatarstan: composition, dating, interpretation. Nations and religions of Eurasia. 2020. № 4 (25). P. 7–33.

УДК 902

DOI: 10.14258/nreur(2020)4–02

П. К. Дашковский*Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

КОЧЕВЫЕ НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX В.¹

Статья посвящена рассмотрению основных тенденций изучения кочевых народов Центральной Азии преимущественно эпохи раннего Средневековья в отечественной исторической науке во второй половине XIX — начале XX в. В рассматриваемый период значительная работа была проделана по переводу на русский язык различных персидских, китайских, арабских и византийских источников, которые касались истории Центрально-Азиатского региона. Благодаря целенаправленным исследованиям в Монголии, на Алтае, в Туве, Хакасии были обнаружены десятки новых памятников рунической письменности, а также выявлены сотни погребальных и мемориальных объектов кочевников. Более того, во второй половине XIX в. впервые удалось произвести дешифровку тюркской руники, что открыло принципиально новую страницу в истории отечественного и мирового кочевниковедения. В результате накопления широкой источниковой базы с опорой на письменные, археологические и этнографические данные ученым удалось рассмотреть протекание культурно-исторических процессов в Центральной Азии в эпоху Средневековья, а также реконструировать особенности социально-политической организации и мировоззрения уйгуров, кыргызов, тюрков, киданей и других кочевых народов. Наибольший вклад в изучение истории кочевых народов Центрально-Азиатского региона внесли Н. Я. Бичурин, В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский, Н. Ф. Катанов, Г. Н. Потанин, Д. М. Позднеев, М. Н. Суворовцев, В. В. Бартольд, работы которых не потеряли свою значимость и до настоящего времени.

Ключевые слова: историческая наука, кочевники, Центральная Азия, социальные отношения, верования, тюркские письменные источники, Средневековье.

---

¹ Работа подготовлена в рамках государственного задания Алтайского государственного университета, проект № 748715Ф.99.1. Б597АА00002 «Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности».

P. K. Dashkovskiy

Altai State University, Barnaul (Russia)

THE NOMADIC NATIONS OF CENTRAL ASIA OF THE MIDDLE AGES IN HISTORICAL RESEARCH OF RUSSIAN SCIENTISTS OF THE SECOND HALF OF XIX — EARLY XX CENTURY

The article is devoted to the main trends in the study of nomadic peoples of Central Asia mostly in the early middle ages in the Russian historical science in the second half of XIX — early XX centuries. In the period under review, considerable work has been done on translation into Russian language of various Persian, Chinese, Arab and Byzantine sources concerning the history of the Central Asian region. Through focused research in Mongolia, in the Altai, Tuva, Khakassia was discovered dozens of new monuments of runic writing and also identified hundreds of funeral and memorial sites of nomads. Moreover, in the second half of the XIX century for the first time was able to make a decipherment of the Turkic runes that opened up a fundamentally new page in the history of national and world nomad studies. The result of the accumulation of a wide source base, drawing on written, archaeological and ethnographic data, scientists were able to consider cultural-historical processes in Central Asia in the middle ages, and to reconstruct the features of the socio-political organization and Outlook of the Uighurs, Kyrgyz, Turks and other nomadic. The greatest contribution to the study of the history of the nomadic peoples of the Central Asian region has made a N. I. Bichurin, V. V. Radlov, P. M. Melioransky, N. F. Katanov, N. Potanin, D. M. Pozdneev, M. N. Suvorov, V. V. Bartold, whose works have not lost their importance up to the present time.

Key words: historical science, nomads, Central Asia, social relations, beliefs, Turkic written sources, middle ages

---

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиозно-ведческих исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** dashkovskiy@fpn.asu.ru.

Dashkovskiy Petr Konstantinovich, doctor of historical sciences, professor, head of the Department of regional Studies of Russia, national and state-confessional relations, head of the laboratory of ethnocultural and religious studies of the Altai state university, Barnaul (Russia). **Contact address:** dashkovskiy@fpn.asu.ru.

Введение

В отечественной исторической науке внимание к истории кочевых народов Центральной Азии стало проявляться достаточно рано. Это было обусловлено двумя основными факторами. Во-первых, непосредственно научным интересом исследователей к данному региону. Неслучайно зарождение научных исследований по исто-

---

рии номадов в Центральной Азии и прилегающих регионов связано еще с академическими экспедициями XVIII в. Во-вторых, Россия преследовала свои внешнеполитические интересы в Центральной Азии, для реализации которых необходимо было иметь целостное представление о данной территории. В этой связи вполне понятно, что среди первых исследователей были не только профессиональные историки, географы, но и военнотружущие, в том числе Ч. Ч. Валиханов, Н. М. Пржевальский, Е. П. Ковалев и др. Кроме того, изучение истории и культуры кочевых народов напрямую было связано с историей народов Российской империи. Существенное расширение границ Российского государства на протяжении XVIII–XIX вв. привело к тому, что в его составе оказались многие народы, в том числе тюркоязычные. Это закономерно ставило вопрос о необходимости их изучения, что постепенно привело к возрастанию, особенно со второй половины XIX в., этнографических и исторических исследований. Однако подлинно научный интерес к изучению кочевых народов Центральной Азии стал формироваться в XIX в., особенно во второй половине столетия.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили работы ученых по истории раннесредневековых кочевников Центральной Азии, опубликованные во второй половине XIX — начале XX в. (П. М. Мелиоранский, Н. Катанов, Н. Я. Бичурин, М. Д. Храповицкий, В. В. Бартольд, В. В. Радлов и др.). В данной статье акцент специально сделан на опубликованных работах, наиболее целостно характеризующих состояние научных исследований по данной теме. В рамках сравнительно-исторического подхода рассматривались отдельные аспекты историографических исследований, представленные в обобщающих работах по тюркологии С. Г. Кляшторного, А. М. Щербака, С. В. Малова и др. В методологическом отношении наше исследование основывается на принципах историзма, которые предполагают изучение каждого явления в исторической динамике. В рамках историографического исследования принцип историзма направлен на установление закономерностей этапов научного познания. Каждый из этапов научного познания конкретной темы, в том числе истории кочевых народов Центральной Азии, имеет свои особенности формирования научных идей, гипотез, концепций. При этом данный процесс обусловлен, с одной стороны, объективными факторами: накопление источников, уровень развития методологии и методики исследования, общая ситуация в науке, влияние государственной идеологии. С другой стороны, на процесс исторического познания неизменно оказывает влияние и личность самого историка. Именно с учетом обозначенных процессов и рассматривается историографическая ситуация, сложившаяся в отечественной науке в отношении изучения кочевых тюркоязычных народов Центрально-Азиатского региона.

Обсуждение

Историография изучения кочевых народов Центральной Азии эпохи раннего Средневековья отчасти затрагивалась в творчестве С. В. Малова, С. Г. Кляшторного, А. М. Щербака, И. В. Кормушина, Л. Р. Кызласова и некоторых других ученых. При этом С. Г. Кляшторный [2003], А. М. Щербак [2001] излагали преимущественно историю открытия и изучения памятников рунической письменности в Центральной Азии. Тюркологи обратили внимание на формирование различных подходов к дешифровке руниче-

ских текстов. С. Г. Кляшторный [2003] и И. В. Кормушин [1997] подчеркивали важность поэтапного накопления и изучения памятников рунической письменности В. В. Радловым, П. М. Мелиоранским, В. В. Бартольдом, а также указывали на значимость перевода китайских хроник, который сделал Н. Я. Бичурин. При этом концепции отечественных ученых второй половины XIX — начала XX в. относительно особенностей социально-политического и религиозного развития тюркоязычных кочевников Центральной Азии фактически не рассматривались в отечественной историографии.

Результаты

Открытие, перевод и публикация в XIX в. китайских, тюркских, уйгурских, персидских, арабских, византийских и других источников существенно расширили представления ученых о происхождении тюркоязычных народов, путях их исторического развития и дали импульс для последующих исследований востоковедами и этнографами кочевых народов Центральной Азии. Одним из первых к истории кочевников обратился Н. Я. Бичурин (архимандрит Иакинф), который впервые сделал переводы китайских хроник о народах Центральной Азии. Материалы о раннесредневековых кочевниках были взяты из династических хроник Вэй, Суй, Тан и др. Среди трудов Н. Я. Бичурина особое значение имеет несколько раз переизданная работа под названием «История о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», впервые опубликованная в 1851 г. [Бичурин, 1950а; 1950б]. Именно колоссальная работа по переводу на русский язык китайских хроник позволила во многом обратить внимание ученых, как в России, так и за рубежом, на историю кочевников Центрально-Азиатского региона. В то же время нужно отметить, что в XX в. некоторые ученые будут указывать на то, что Н. Я. Бичурин не всегда критично подходил к историческим источникам [Таскин, 1968: 3–23; Думан, 1977]. Однако следует заметить, что именно деятельность Н. Я. Бичурина позволила дать научной общественности первое целостное представление по истории юэчжей, хунну, сяньби, жуэней, тюрков, уйгуров, кыргызов и многих других народов обширного Центрально-Азиатского региона.

Очень важный источниковый фонд при изучении истории кочевников составляют тюркские, уйгурские, кыргызские и другие надписи. На протяжении XVIII и XIX вв. происходило планомерное накопление памятников тюркской рунической письменности. Только к концу XIX столетия удалось сформировать и опубликовать серьезный корпус тюркских памятников письменности, на что уже в своих работах обратили внимание И. В. Кормушин [1997: 15–18] и А. М. Щербак [2001: 3]. В конечном итоге датскому профессору В. Томсену к концу 1883 г. удалось дешифровать тюркские тексты. Открытие В. Томсена дало возможность В. В. Радлову в течение двух месяцев прочесть текст, посвященный Кюль-Тегину, и представить Академии наук свой опыт его перевода [Кляшторный, 2003: 20]. В 1894–1895 гг. В. В. Радлов опубликовал все известные тюркские тексты, их прочтение и переводы в издании «Древнетюркские надписи Монголии» [Щербак, 2001: с. 3].

Конечно, большое значение имели и публикации письменных источников зарубежными исследователями, среди них «Исторические документы о тюрках» С. Жюльена, свод китайских сведений о Восточном Туркестане, а также материалы о западных тюрках, уйгурские надписи Э. Шаванна, исследования В. Томсена, П. Пеллио, Ф.-В. Мюллера, В. Банга, А. фон Лекока, Г. И. Рамстедта и др. [Думан, 1977: 214–216].

С развитием российской науки в XIX в. достаточно масштабно развернулись этнографические исследования в Сибири и Центральной Азии. Огромный вклад в знакомство научной общественности с различными сторонами жизни центральноазиатских кочевников внесли П. П. Семенов-Тянь-Шанский, М. М. Хоментовский, Н. М. Пржевальский, Ч. Ч. Валиханов и многие другие. Это породило интерес к историческому прошлому народов Азии. Среди ученых второй половины XIX — начала XX в., осуществлявших историко-этнографические изыскания в интересующем нас регионе, особенно следует выделить В. В. Радлова, Н. М. Ядринцева, П. М. Мелиоранского, М. В. Певцова, В. И. Роборовского, В. В. Бартольда, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Н. Ф. Катанова, Г. Н. Потанина, Н. Н. Пантусова, Д. М. Позднеева, Д. А. Клеменца, С. Е. Малова и др.

Важно отметить, что со второй половины XIX столетия в мировой науке получает распространение концепция эволюционного развития человечества, в том числе в социальном и религиозном аспектах. В данном случае важно обратить внимание на то, что широкое распространение в отечественной науке получили труды зарубежных антропологов, этнографов и религиоведов Р. Смит, Дж. Фрэзера, Э. Тайлора, Л. Леви-Брюля и других ученых. Важно также отметить, что отечественная этнология достаточно успешно обозначила возможность экстраполяции этнографических материалов при изучении социальных и религиозных процессов, протекавших в более ранний период, в том числе в Средневековье. В данном случае интересно отметить концепции Д. Н. Анучина, Л. Я. Штернберга, В. Г. Богораза, которые успешно применяли историко-этнографический и этно-археологический подходы. Последний из указанных подходов успешно реализовывался Д. А. Анучиным в сочетании со сравнительно-религиоведческим [Алымов, 2004; 37]. В целом, отмеченные теоретические принципы этнологии относительно социальных и религиозных явлений служили важной основой для научных разработок в области кочевниковедения во второй половине XIX — начале XX в. Кроме того, в отношении номадов Центрально-Азиатского региона была удачная возможность ретроспективно рассматривать социальные и религиозные процессы у тюркоязычных народов. Показательным в этом отношении является научное наследие Н. Ф. Катанова [1895: 110–111]. Довольно подробно исследователь представил сведения о погребальных обрядах гуннов, тюрок, уйгуров и некоторых других кочевых народов Центральной Азии. При этом он исследовал интересные этнографические источники по тюркоязычным этносам Саяно-Алтая и тем самым показал важные результаты ретроспективного историко-этнографического анализа погребального обряда. Более того, ученый отметил, что у тюркских народов XIX в. в большинстве случаев не сохранились древние шаманские ритуалы, а если и сохранились, то в значительно измененном виде [Катанов, 1895: 112–141]. О шаманском мировоззрении тюркоязычных народов, в частности уйгуров, также писал Д. М. Позднеев [1899: 127], который на основе китайских источников указывал на то, что последние переняли религиозные верования от гаогюйцев. В русле историко-этнографических исследований по истории тюркских народов в конце XIX в. также работали П. А. Поляков, Н. И. Заседателев. В частности, П. А. Поляков [1895] обратил внимание на распространение ислама среди тюркоязычных народов Азии. Н. И. Заседателев достаточно подробно проанализировал особенности коронавания тюркских правителей. Исследователь отметил, что обычай

«поднятия в ханы» сложился у тюрков в V–VII вв. н. э. и продолжал существовать у других народов Азии вплоть до этнографической современности [Заседателев, 1895: 374].

В последние десятилетия XIX столетия стали выходить первые научные публикации, полностью посвященные народам Центральной Азии. Перу Д. М. Позднеева, например, принадлежал «Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам)» [Позднеев, 1899]. С 1884 г. В. В. Радлов начал интенсивно заниматься древнетюркскими письменными источниками. Он издал ценнейший памятник XI в. — «Кутадгу билиг», свод рунических надписей Монголии, перевел и опубликовал уйгурские документы из Восточного Туркестана [Восточный Туркестан..., 1988: 70]. В 1893 г. В. В. Радлов опубликовал дневники своих путешествий по Сибири, Монголии и Средней Азии. В них он, в частности, довольно подробно рассказал о знакомстве с языком, этнографией и историей различных тюркских народов (карагасов, абаканских, чолымских, североалтайских и собственно алтайских, барабинских, иртышских и тобольских «татар», оседлых тюркских племен Средней Азии, «татар» Западной Монголии), об исследованиях хозяйственной, социальной, политической и духовной жизни кочевников [Радлов, 1989].

Наряду с историко-этнографическими изысканиями в последней четверти XIX — начале XX в. развернулись исследования средневековых археологических памятников в Монголии, Минусинской котловине, Туве (Урянхайском крае), Горном Алтае, которые проводили А. В. Адрианов, Д. А. Клеменц, И. Р. Аспелин, С. М. Чугунов, Н. М. Ядринцев, И. Т. Савенков, И. П. Кузнецов, В. В. Радлов, П. К. Козлов и др. В частности, В. В. Радловым были раскопаны средневековые погребения на Алтае и в Хакасии [1989: 431–434, 452, 460–473], а А. В. Адриановым — в Туве [2008]. Раскопки охватили раннесредневековые памятники и в среднеазиатской части Российской империи. В Средней Азии осуществляли разведочные работы и вели раскопки Н. И. Веселовский, И. П. Остроумов, Н. Н. Пантусов, В. В. Бартольд и др. Наиболее обстоятельными были раскопки Афрасиаба близ Самарканда, которыми руководил в 1885, 1895, 1898 гг. Н. И. Веселовский, в 1904–1905 гг. — В. В. Бартольд. В 1893–1894 гг. В. В. Бартольд и участники его экспедиции С. М. Дудин и Е. П. Ковалев провели разведку древних и средневековых памятников в долинах рек Чу, Или, Талас, а также обследовали побережье Иссык-Куля [Длужневская, 2005: 67–74], что существенно расширило представления ученых об истории кочевых народов.

Не менее интересные изыскания проводились в Восточном Туркестане. Под эгидой Русского географического общества разведочные обследования и раскопки здесь осуществили М. В. Певцов, В. И. Роборовский, П. К. Козлов, Д. А. Клеменц. В. И. Роборовский, к примеру, произвел в Восточном Туркестане подробное описание древних уйгурских городов, а Д. А. Клеменц собрал наиболее обширную коллекцию уйгурских рукописей. В начале XX в. Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в Восточный Туркестан были направлены несколько российских академических экспедиций под руководством М. М. Березовского, С. Ф. Ольденбурга, С. Е. Малова [Восточный Туркестан..., 1988: 20–22, 26–28, 32]. Их результатом стали не только масштабные по меркам того времени исследования городов и поселений в регионе, но и сбор лингвистической, исторической и этнографической информации.

Следует отметить, что активный процесс накопления письменных и археологических данных во второй половине XIX в. позволил ученым делать первые научно обоснованные

ванные выводы по этнокультурной и этнополитической истории региона. В данном случае можно указать на одну из немногих работ Д. М. Позднеева [1899] по данной проблематике, которую он подготовил по истории уйгуров, опираясь на китайские источники. В. В. Радлов [1989] кратко коснулся в социально-политическом аспекте истории уйгуров и уйгурских ханов. В этот период еще практически не выработались концептуальные оценки по социально-политической организации средневековых кочевников. В большей степени есть основания говорить об оценках ученых в отношении народов этнографической современности, которые они отчасти накладывали на предшествующие эпохи, в том числе Средневековье. Например, В. В. Радлов высказал сомнение, что киргизы не могли создать свое государство, так как не было общего интереса. Более того, ханская власть у киргизов была слабой и не могла защитить соплеменников от нападений других народов. По мнению тюрколога, могущество кочевых племен проявляется, если они сгруппированы вокруг правителя для решения военных проблем. Наиболее удачно этот опыт, как считал ученый, просматривается в империи Чингисхана [Радлов, 1989: 249–250].

Важно подчеркнуть, что В. В. Радлов верно подметил отличия в восприятии многих явлений и понятий у земледельцев и кочевников, в частности, в отношении собственности, системы управления и общества в целом. Затрагивая социальную организацию номадов, В. В. Радлов предложил выделить несколько социальных страт: орда, племя, подплемя, семья. Примечательно, что исследователь верно уловил особенности ханской власти в средневековых кочевых обществах. По его мнению, власть правителя кочевников во многом зависела от того, насколько успешно он заботился о своих подданных, которые в противном случае могли откочевать от своего хана или убить его [Крадин, 1992: 17].

Таким образом, В. В. Радлов одним из первых среди специалистов по Центральной Азии попытался уловить особенности социогенеза кочевников данного региона. При этом, несмотря на то, что его выводы носили самый общий характер и базировались на ограниченной источниковой базе, они достаточно хорошо перекликаются с концепциями современных кочевниковедов Н. Н. Крадина, С. А. Васютина, Г. Г. Пикова, разрабатывающих социально-политическую проблематику.

В становлении отечественного кочевниковедения видную роль в XIX в. сыграли М. Д. Храповицкий и М. Н. Суворцев, которые значительное внимание, как и Н. Я. Бичурин, уделяли китайским памятникам письменности. Среди центральноазиатских народов в центре внимания ученых прежде всего оказались кидани [Храповицкий, 2007; Суворцев, 2007]. Труды ученых по указанной теме впервые были изданы совсем недавно — в начале XXI в. Работы востоковедов такого высокого уровня, вне всякого сомнения, представляют интерес для изучения процесса становления отечественного востоковедения и номадологии. Особую значимость в рамках рассматриваемой проблематики имеет работа М. Н. Суворцева «О владычестве киданей в Средней Азии: историко-политический обзор деятельности киданей от начальных известий о появлении народа и основания им династии Ляо до падения сей последней на Западе», за которую он получил в 1872 г. ученую степень кандидата [Пиков, 2007]. Сама работа М. Н. Суворцева была опубликована только в 2007 г., в которой автор на основе анализа китайских хроник изложил историю киданей, в том числе в социальном и религиозном аспектах [Суворцев, 2007: 238–241, 292–297].

По мнению востоковеда, основу мировоззрения киданий составлял шаманизм, хотя близость к Китаю позволила им познакомиться и с другими религиозными системами — буддизмом, даосизмом, конфуцианством. Причем именно через киданей, по мнению ориенталиста, население Северного Китая познакомилось с исламом, к которому он попал раньше, чем в Поднебесную. При этом ученый подметил, что несмотря на знакомство с другими религиями, вытеснить шаманизм, который оставался основой мировоззрения значительной части населения государства, так и не удалось. Более того, религиозная разобщенность киданей была одним из факторов гибели их государства. При этом востоковед подчеркивал, что религия для Востока не играла той роли, какая ей выпала на Западе. Это связано, по его мнению, с тем, что восточная государственность держится единством закона, крови, верховной власти, в то время как западные политические образования во многом базируются на религии [Суровцев, 2007: 295–297]. Спорность таких оценок ориенталиста вполне очевидна, на что уже обращалось внимание исследователями [Пиков, 2007: 191]. В то же время изучение М. Н. Суворовцевым в начале 70-х гг. XIX в. религиозных процессов у центральноазиатских народов можно рассматривать как развитие нового мировоззренческого направления в нomaдологии, которое получит дальнейшее развитие в советской и российской исторической науке.

Следует отметить, что в процессе накопления различных источников по истории Центральной Азии участвовали не только ученые и путешественники, но и служащие военных и дипломатических учреждений, которые работали в данном регионе. В свободное время они увлекались историей региона, занимались коллекционированием предметов старины. В данном случае особо стоит отметить процесс формирования коллекции древнетюркских письменных источников, которые были собраны в Восточном Туркестане. В настоящее время эта коллекция находится в Институте восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. Значительное количество тюркских рукописей было передано в начале XX в. в Азиатский музей российскими должностными лицами, служившими в Восточном Туркестане [Кляшторный, 2006: 193–194]. Именно в этом регионе было найдено наибольшее количество тюркских рукописей религиозного характера, которые представляют ценнейшую информацию по истории распространения в этом регионе буддизма, манихейства и христианства.

Кроме российской коллекции восточно-туркестанских тюркских рукописей, в это же время формировалась и аналогичная коллекция в Берлине. При этом огромную роль в сложении берлинской коллекции сыграла экспедиция А. Грюнведела и А. Ле Кока в Турфанский оазис. В данном случае следует отметить, что уже А. Ле Кок обратил внимание на важность собранных источников, особенно для изучения распространения манихейства в Центральной Азии, в том числе в Уйгурском каганате. Он пришел к выводу, что манихейство получило распространение у уйгуров под влиянием Китая, который с помощью нового религиозного мировоззрения хотел ослабить военную активность кочевников [Борисенко, Худяков, 2005: 122–123]. Две указанные коллекции на протяжении многих десятилетий послужат хорошей основой для изучения этноконфессиональных процессов, протекавших в Центрально-Азиатском регионе в период существования тюркоязычных государств.

В конце XIX в. на основе анализа тюркских рунических текстов достаточно развернутую характеристику религиозной жизни кочевников представил в одной из своих работ П. М. Мелиоранский. Опираясь как на свои материалы, так и на результаты исследований в области тюркологии В. В. Радлова, В. Томсона и других специалистов, ученый отметил, что тюрки Монголии были шаманистами, у которых существовали определенные представления о богах. Высшим божеством являлся «Тенгри» («Небо»), который давал власть кагану. При этом тюрколог одним из первых указал на существование особой социальной группы у номадов — шаманов (камов), сведения о которых есть в китайских источниках, но отсутствуют в памятниках рунической письменности [Мелиоранский, 1898: 265–266]. Востоковед обратил внимание на существование представлений о загробном мире, который располагался на небе. Сопоставив письменные источники, П. М. Мелиоранский охарактеризовал также особенности погребального ритуала каганов, важной особенностью которого являлась сезонность самого погребения умерших, преимущественно в весенний или осенний периоды. Последующие научные исследования показали, что традиция погребения в определенное время года характерна для погребально-поминальной обрядности кочевников Центральной Азии разных периодов начиная со скифского времени. Существенным представляется заключение ученого и о том, что при сооружении мемориальных комплексов тюркской элиты участвовали китайские мастера, а это накладывало определенный отпечаток и на воззрение номадов [Мелиоранский, 1898: 268–269].

Более обстоятельно восстановить картину развития тюркских народов Центральной Азии на основе анализа китайских, арабских, византийских и персидских источников удалось выдающемуся востоковеду — академику В. В. Бартольду [2002]. История тюркских народов Азии являлась одним из основных направлений научных изысканий ученого, особенно в периоды с 1892 по 1899 г. и с 1925 по 1930 г. Если в первый период востоковед занимается главным образом историографическими и методическими вопросами развития тюркологии, которые оказались актуальными после дешифровки рунических надписей Монголии, то в 20-е гг. XX в. ситуация меняется. С этого времени В. В. Бартольд рассматривал во всей полноте историю тюркских и монгольских народов обширного региона эпохи Средневековья. Следует отметить, что обращение востоковеда к истории кочевых народов Центрально-Азиатского региона связано не только с научными интересами. Дело в том, что серьезные политические потрясения 1917 г. способствовали активизации националистических движений на окраинах Российской империи, поэтому изучение истории и культуры народов Центральной и Средней Азии имело и серьезное практическое значение, связанное с получением достоверных знаний этнокультурного характера для формирования соответствующего информационного фона. В этом серьезно было заинтересовано и само государство. В этой связи В. В. Бартольд принял самое активное участие не только в исследовательской, но и организаторской работе, направленной на подготовку научных кадров непосредственно в Средней Азии. Это выразилось прежде всего в создании кафедры истории Востока в Туркестанском университете в Ташкенте, куда востоковед прибыл в 1920 г. [Кляшторный, 2002: 6–7].

Научное наследие В. В. Бартольда обстоятельно рассмотрено в отечественной историографии. В этой связи коснемся только нескольких сюжетов, связанных с изучением

В. В. Бартольдом верований и социальной организации тюркоязычных кочевых народов Центральной Азии, которые не были концептуально рассмотрены историографами. Наибольшее внимание указанной проблематике тюрколог уделил в работе под названием «Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии». В основу работы были положены лекции, которые прочитаны им в 1926 г. в Стамбульском университете и впервые опубликованы год спустя на турецком языке [Бартольд, 2002: 19–192]. Ученый отмечал, что для понимания «психологии народа» особое внимание нужно уделять его религии. Идея рассмотрения истории народов с учетом его психологии сложилась у ученого еще в дореволюционный период, возможно, под влиянием работ В. Вунда, М. Лацауса и других специалистов по этнической психологии, которая стала активно развиваться в конце XIX — начале XX в. как за рубежом, так и в России. Опираясь преимущественно на письменные источники, В. В. Бартольд, как П. М. Мелиоранский, считал шаманизм во главе с богом Тенгри основой мировоззрения тюркских племен [Бартольд, 2002: 26–27].

В то же время востоковед указал на то, что в самих орхонских рунических надписях нигде не употребляется термин «шаман» (кам), что объясняется, по его мнению, незначительным влиянием таких лиц на жизнь воинов-кочевников [Бартольд, 2002: 472]. Существенным представляется указание ученого на то, что кочевники уже в эпоху Средневековья, несмотря на шаманское мировоззрение, имели возможность благодаря функционированию Великого шелкового пути познакомиться с прозелитарными религиями — буддизмом, манихейством, христианством, исламом. Именно по Шелковому пути наряду с товарами шло распространение и новых мировоззренческих идей. В то же время востоковед справедливо подчеркнул, что, несмотря на интерес к различным религиям со стороны военно-политической верхушки кочевых обществ, тем не менее, в эпоху раннего Средневековья ни одна из конфессий не смогла потеснить шаманское мировосприятие кочевников и занять доминирующее место [Бартольд, 2002: 431].

Религиозная ситуация, сложившаяся в тюркских каганатах, объяснялась ученым тем, что традиционной шаманской религии и воинственному духу кочевников были чужды глубокие этические доктрины «развитых» религий, предполагавших идею воздаяния за грехи, особенно за убийство людей. Только в Уйгурском каганате манихейству удалось занять позицию государственной религии. Однако отношение к манихейству среди уйгуров было, по мнению ученого, не совсем однозначным, поскольку доктрины новой религии далеко не всегда совпадали с традиционным шаманским мировоззрением. В то же время В. В. Бартольд справедливо отметил, что уйгуры очень умело использовали религиозный фактор в своей внешней политике, оказывая поддержку, в том числе военную, манихеям в Китае. Только поражение уйгуров от кыргызов позволило Китаю более свободно вести религиозную политику в отношении иноверцев, включая преследование манихеев.

Заслуживает внимания и другой вывод В. В. Бартольда, который касается взаимосвязи манихейства и буддизма в Средней Азии. Обнаружение памятников религиозной мысли на персидском, китайском, согдийском и тюркском языках позволяет более глубоко понять особенности миссионерской деятельности в этом регионе. Достаточно показательна в этом отношении так называемая покаянная молитва Хуастуанифт,

демонстрирующая взаимовлияние манихейства и буддизма [Бартольд, 2002: 52–57]. В последующий период этот и другие памятники религиозной мысли тюркских племен будут неоднократно исследованы, что позволит тюркологам отмечать элементы взаимовлияния двух религий [Кляшторный, 2006; Малов, 1951: 108–129]. Более того, анализ торевтики кочевников Саяно-Алтая эпохи Средневековья породит дискуссию среди исследователей относительно того, иконографические мотивы какой конфессии (буддизма или манихейства) просматриваются в предметах снаряжения лошади и поясной гарнитуры [Леонтьев, 1988; Король, 2007]. К этому следует добавить и результаты изучения изображений «служителей культа» на скалах в Хакасии. Впервые такие изображения были открыты И. Р. Аспелиным, который работал 1880-е гг. в Междуречье Черного и Белого Июсов в Хакасии [Alt-Altäische Kunstdenkmaeler..., 1931: fig. 96–98]. В последующий период были открыты еще аналогичные изображения, в которых одни исследователи видят влияние буддийско-манихейского пласта [Рыбаков, 2015; 2017], а другие — несторианства [Никитин, 1984: 128]. Все эти данные подтверждают предположение В. В. Бартольда о сложности, даже синкретичности, мировоззрения тюркских народов.

Следует подчеркнуть, что в открытии и изучении народов Центральной Азии, в том числе в рассматриваемый период, значительное место занимала Петербургская школа востоковедения и восточной археологии. Данная школа в значительной степени опиралась на традиции, заложенные В. В. Бартольдом. Одной из особенностей научного изучения темы в рамках данной школы было целостное рассмотрение проблемного поля с привлечением широкого круга исторических источников [Масон, 2006: 6–7]. Именно в таком направлении продолжили работать известные кочевниковеды и тюркологи советского и постсоветского периодов С. Г. Кляшторный, Д. Г. Савинов, Т. И. Султанов и другие ученые.

Выводы

Таким образом, период второй половины XIX — начала XX в. ознаменован формированием в отечественной исторической науке отдельного направления, связанного с изучением социально-политической и религиозной истории кочевых народов Центральной Азии, особенно говорящих на тюркских языках. В этот период благодаря Н. Ф. Бичурину, М. Д. Храповицкому, М. Н. Суворцеву, В. В. Бартольду и другим ученым было переведено на русский язык значительное количество китайских, арабских, персидских и византийских письменных источников. В результате проделанной колоссальной источниковедческой работы удалось получить значительное количество сведений по социально-политической, этнокультурной и религиозной истории уйгуров, киданей, тюрков, кыргызов и других кочевых обществ региона. Экспедиционные исследования на Алтае, в Монголии, Туве, Хакасии позволили открыть десятки новых памятников рунической письменности, а также выявить сотни погребальных и мемориальных объектов номадов. Более того, во второй половине XIX в. впервые удалось произвести дешифровку тюркской руники, что открыло принципиально новую страницу в истории отечественного и мирового кочевниковедения. Благодаря научным исследованиям В. В. Радлова, П. М. Мелиоранского тюркских рунических текстов впервые удалось представить целостную концепцию этнокультурного и религиозного развития тюрко-

язычных народов Центральной Азии эпохи Средневековья, которая в последующие годы хотя и дополнялась новыми материалами, но основа ее оставалась неизменной. Наконец, важные находки уйгурских письменных текстов, сделанные в Восточном Туркестане, дали возможность в начале XX в. воссоздать процесс распространения в Центрально-Азиатском регионе прозелитарных религий — буддизма, манихейства и несторианства, а также реконструировать особенности социально-политической организации тюркоязычных nomadов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адрианов А. В. Дневник археологических исследований 1915–1916 гг. в Урянхайском крае (Тува). Томск : Изд-во ТГУ, 2008. 146 с.

Алымов С. С. Дмитрий Николаевич Анучин: «естественная история человека в обширном смысле этого слова» // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М. : Наука, 2004. С. 7–48.

Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М. : Восточная литература, 2002. 757 с.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М. ; Л. : Наука, 1950а. Т. I. 381 с.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М. ; Л. : Наука, 1950б. Т. II. 332 с.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Манихейство в Восточном Туркестане в эпоху раннего Средневековья (по материалам исследований А. фон Ле Кока) // Сибирь на перекрестке мировых религий. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2005. С. 120–124.

Васютин С. А., Дашковский П. К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные концепции). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. 400 с.

Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье: Очерки истории. М. : Наука, 1988. 453 с.

Длужневская Г. В. Древности восточной части Евразии в материалах научного архива Института истории материальной культуры РАН. СПб. : ИИМК, 2005. 140 с.

Думан Л. И. О труде Н. Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» // Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение (к 200-летию со дня рождения). М. : Наука, 1977. Ч. II. С. 3–23.

Заседателев Н. И. Древний обычай коронавания у тюркских народов // Известия ОАИЭ при императорском Казанском университете. Казань, 1895. Т. XII, вып. 4. С. 374–380.

Катанов Н. О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен до наших дней // Известия ОАИЭ при императорском Казанском университете. Казань, 1895. Т. XII, вып. 2. С. 109–142.

Кляшторный С. Г. Предисловие // Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М. : Наука, 2002. С. 5–18.

Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 560 с.

Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2006. 591 с.

Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии: тексты и исследования. М. : Наука, 1997. 303 с.

Король Г. Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М. ; Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008. 332 с.

Крадин Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток : Дальнаука, 1992. 240 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М. ; Л. : Наука, 1951 447 с.

Леонтьев Н. В. О буддийских мотивах в средневековой тюркской Хакасии (по материалам коллекции Минусинского краеведческого музея) // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан : Хак.НИИЯЛИ, 1988. С.184–196.

Масон В. М. Культурогенез древней Центральной Азии. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2006. 384 с.

Мелиоранский П. М. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Т. 6. С. 262–292.

Никитин А. Б. Христианство в Центральной Азии (древность и Средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М. : Наука, 1984. С. 121–137.

Позднеев Д. Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899.

Поляков П. А. Ислам среди тюрков, монголов, индусов и китайцев // Известия ОАИЭ при императорском Казанском университете. Казань, 1895. Т. XII, вып. 6. С. 541–561.

Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М. : Наука, 1989. 749 с.

Рыбаков Н. И. Дополнительные материалы о религии кыргызов Енисея VIII–X вв. // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. VIII. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 93–101.

Рыбаков Н. И. Дипломатические контакты карлуков Семиречья и кыргызов Енисея: начало IX в. // Народы и религии Евразии. 2017. № 1–2 (10–11). С. 56–66.

Суровцев М. Н. О владычестве киданей в Средней Азии: историко-политический обзор деятельности киданей от начальных известий о появлении народа и основания им династии Ляо до падения сей последней на Западе // История железной империи. Новосибирск : Наука, 2007. С. 195–310.

Таскин В. С. Введение // Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М. : Наука, 1968. С. 3–33.

Хафизова К. Ш. Н. Я. Бичурин и его вклад в изучение истории народов Центральной Азии // Бичурин Н. Я. Собрание сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Алматы, 1998. Т. I. С. V–XXV.

Храповицкий М. Д. Записки о народе Ляо // История железной империи. Новосибирск : Наука, 2007. С. 311–315.

Щербак А. М. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования. СПб. : Наука, 2001. 147 с.

Appelgren-Kivalo. Alt-Altäische Kunstdenkmaeler. Helsingfors, 1931.

REFERENCES

Adrianov A. V. Dnevnik arkheologicheskikh issledovaniy 1915–1916 gg. v Uriankhaiskom krae (Tuva) [Diary of archaeological research in 1915–1916 Franciscom region (Tuva)]. Tomsk: Tomsk state University, 2008. 146 s. (in Russian).

Alymov S. S. Dmitrii Nikolaevich Anuchin: “estestvennaia istoriia cheloveka v obshirnom smysle etogo slova” [Dmitry Nikolayevich Anuchin: “The natural history of man in the broad sense of the word”]. *Vydaiushchiesia otechestvennyye etnologi i antropologi XX veka* [Outstanding Russian ethnologists and anthropologists of the XX century]. M.: Nauka, 2004. S. 7–4 (in Russian).

Bartol'd V. V. Raboty po istorii i filologii tiurkskikh i mongol'skikh narodov [Works on the history and Philology of Turkic and Mongolian peoples]. M.: Eastern literature, 2002. 757 s. (in Russian).

Bichurin N. Ia. (Iakinf). Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena. M.; L.: Nauka, 1950a. T. I. 381 s. (in Russian).

Bichurin N. Ia. (Iakinf). Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena [Collection of information about the peoples inhabiting Central Asia in ancient times]. M.; L.: Nauka, 1950b. T. II. 332 s. (in Russian).

Borisenko A. Iu., Khudiakov Iu. S. Manikheistvo v Vostochnom Turkestane v epokhu rannego Srednevekov'ia (po materialam issledovaniy A. fon Le Koka) [Manichaeism in East Turkestan in the early middle Ages (based on studies by A. von Le Coca)]. *Sibir' na perekrestke mirovykh religii* [Siberia at the crossroads of world religions]. Novosibirsk: Nauka, 2005. S. 120–124 (in Russian).

Vasiutin S. A., Dashkovskiy P. K. Sotsial'no-politicheskaia organizatsiia kochevnikov Tsentral'noi Azii pozdnei drevnosti i rannego srednevekov'ia (otekhestvennaia istoriografiia i sovremennyye kontseptsii) [Socio-political organization of the nomads of Central Asia in late antiquity and the early middle ages (Russian historiography and modern concept)]. Barnaul: Alt. UN-TA publishing House, 2009. 400 s. (in Russian).

Vostochnyi Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'e: Ocherki istorii [Eastern Turkestan in antiquity and the early middle ages: essays on the history]. M.: Nauka, 1988. 453 s. (in Russian).

Dluzhnevskaya G. V. Drevnosti vostochnoi chasti Evrazii v materialakh nauchnogo arkhiva Instituta istorii material'noi kul'tury RAN [Ancient Eastern Eurasia in scientific archive of Institute of history of material culture of RAS]. SPb.: IHMC, 2005. 140 s. (in Russian).

Duman L. I. O trude N. Ia. Bichurina “Sobranie svedenii o narodakh obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena” [Labour N. I. Bichurin’s “Collection of information about the peoples inhabiting Central Asia in ancient times”]. *N. Ia. Bichurin i ego vklad v russkoe vostokovedenie (K 200-letiiu so dnia rozhdeniia)* [N. Ya. Bichurin and his contribution to Russian Oriental studies (To the 200th anniversary of his birth)]. M.: Nauka, 1977. Ch. II. S. 3–23 (in Russian).

Zasedatelev N. I. Drevnii obychai koronovaniia u tiurkskikh narodov [The ancient custom of the coronation of the Turkic peoples]. *Izvestiia OAIE pri imperatorskom Kazanskom universitete* [Izvestiya OAIE at the Imperial Kazan University]. Kazan', 1895. T. XII. Vyp. 4. S. 374–380 (in Russian).

Katanov N. O pogrebal'nykh obriadakh u tiurkskikh plemen s drevneishikh vremen da nashikh dnei [On the funeral ceremonies of the Turkic tribes since ancient times as well]. *Izvestiia OAIE pri imperatorskom Kazanskom universitete* [Izvestiya OAIE at the Imperial Kazan University]. Kazan', 1895. T. XII. Vyp. 2. S. 109–142 (in Russian).

Kliashturnyi S. G. Predislovie [Preface]. *Bartold V. V. Raboty po istorii i filologii tiurkskikh i mongol'skikh narodov* [Bartold V. V. Works on the history and Philology of the Turkic and Mongolian peoples]. M.: Nauka, 2002. S. 5–18 (in Russian).

Kliashturnyi S. G. Istoriiia Tsentral'noi Azii i pamiatniki runicheskogo pis'ma [History of Central Asia and the monuments of the runic letters.]. SPb.: St. Petersburg state University, 2003. 560 s. (in Russian).

Kliashturnyi S. G. Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti i etnokul'turnaia istoriiia Tsentral'noi Azii [Ancient Turkic Monuments of written language and ethno-cultural history of Central Asia]. SPb.: St. Petersburg state University, 2006. 591 s. (in Russian).

Kormushin I. V. Tiurkskie eniseiskie epitafii: teksty i issledovaniia [Turkic the Yenisei epitaphs: texts and studies]. M.: Nauka, 1997. 303 s. (in Russian).

Koroľ G. G. Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki [Art of the medieval nomads of Eurasia]. M. — Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008. 332 s. (in Russian).

Kradin N. N. Kochevye obshchestva (problemy formatsionnoi kharakteristiki) [Nomadic societies (problems of the formation characteristics)]. Vladivostok: Dalnauka, 1992. 240 s. (in Russian).

Malov S. E. Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti [Monuments of ancient türkic writing]. M.; L.: Nauka, 1951 447 s. (in Russian).

Leont'ev N. V. O buddiiskikh motivakh v srednevekovoii torevtike Khakasii (po materialam kolleksii Minusinskogo kraevedcheskogo muzeia) [About Buddhist motifs in medieval torevtics of Khakassia (on materials of the collection of Minusinsk regional Museum)]. *Istoriko-kul'turnye sviazi narodov Iuzhnoi Sibiri* [Historical and cultural relations of the peoples of southern Siberia]. Abakan: HSIHLL, 1988. S. 184–196 (in Russian).

Mason V. M. Kul'turogenез drevnei Tsentral'noi Azii [The cultural Genesis of ancient Central Asia]. SPb: St. Petersburg state University, 2006. 384 s. (in Russian).

Melioranskii P. M. Ob orkhonskikh i eniseiskikh nadgrobykh pamiatnikakh [About Orkhon and Yenisei tombstones]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* [Journal of the Ministry of national education]. 1898. T. 6. S. 262–292 (in Russian).

Nikitin A. B. Khristianstvo v Tsentral'noi Azii (drevnost' i srednevekove) [Christianity in the Central Asia (antiquity and the middle ages)]. *Vostochnyi Turkestan i Sredniaia Aziia* [East Turkestan and Central Asia]. M.: Nauka, 1984. S. 121–137 (in Russian).

Pozdneev D. Istoricheskii ocherk uigurov [Historical sketch of the Uyghurs]. SPb., 1899 (in Russian).

Poliakov P. A. Islam sredi tiurkov, mongolov, indusov i kitaitsev [Islam among Turks, Mongols, Indians and Chinese]. *Izvestiia OAIE pri imperatorskom Kazanskom universitete* [Izvestiya OAIE at the Imperial Kazan University]. Kazan', 1895. T. XII. V. 6. S. 541–561 (in Russian).

Radlov V. V. Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika [From Siberia: the diary pages]. M.: Nauka, 1989. 749 s. (in Russian).

Rybakov N. I. Dopolnitel'nye materialy o religii kyrgyzov Eniseia VIII–X vv. [Additional materials about religion of the Kyrgyz of the Yenisei VIII–X centuries]. *Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive* [Worldview of the population of southern Siberia and Central Asia in historical retrospect]. Barnaul: Alt. un-ta publishing House, 2015. V. VIII. S. 93–101 (in Russian).

Rybakov N. I. Diplomaticheskie kontakty karlukov Semirech'ia i kyrgyzov Eniseia: nachalo IX v. [Diplomatic contacts of the Karluks to the Zhetysu and the Kyrgyz of the Yenisei: the beginning of the ninth century]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2017. № 1–2 (10–11). S. 56–66 (in Russian).

Surovtsev M. N. O vladychestve kidanei v Srednei Azii: istoriko-politicheskii obzor deiatel'nosti kidanei ot nachal'nykh izvestii o poiavlenii naroda i osnovaniia im dinastii Liao do padeniia sei poslednei na Zapade [About the rule of the Khitan in Central Asia: historical and political overview of the activities of the Khitan from the initial news of the appearance of the people and the founding of their Liao dynasty until the fall of this last in the West]. *Istoriia zheleznoi imperii* [History of the iron Empire]. Novosibirsk: Nauka, 2007. S. 195–310 (in Russian).

Taskin V. S. Vvedenie [Introduction]. *Materialy po istorii siunnu (po kitaiskim istochnikam)* [Materials on the history of Xiongnu (according to Chinese sources)]. M.: Nauka, 1968. S. 3–33 (in Russian).

Khafizova K. Sh. N. Ia. Bichurin i ego vklad v izuchenie istorii narodov Tsentral'noi Azii [Bichurin and his contribution to the study of the history of the peoples of Central Asia]. *Bichurin N. Ia. Sobranie svedeniia o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii, v drevnie vremena* [Bichurin N. Ya. Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. Almaty, 1998. T. I. S. V–XXV (in Russian).

Khrapovitskii M. D. Zapiski o narode Liao [Notes on the people Liao // History of the iron Empire]. *Istoriia zheleznoi imperii* [History of the iron Empire]. Novosibirsk: Nauka, 2007. S. 311–315 (in Russian).

Shcherbak A. M. Tiurkskaia runika. Proiskhozhdenie drevneishei pis'mennosti tiurok, granitsy ee rasprostraneniia i osobennosti ispol'zovaniia [Turkic runes. The origin of ancient writing of the Turks, the boundaries of its distribution and usage]. SPb.: Nauka, 2001. 147 s. (in Russian).

Appelgren-Kivalo. Alt-Altische Kunstdenkmaeler [Alt-Altische Kunstdenkmaeler]. Helsingfors, 1931 (in German)

Цитирование статьи:

Дашковский П. К. Кочевые народы Центральной Азии эпохи Средневековья в исторических исследованиях российских ученых второй половины XIX — начала XX в. // *Народы и религии Евразии*. 2020. № 4 (25). С. 34–49.

Citation:

Dashkovskiy P. K. The nomadic nations of Central Asia of the Middle ages in historical research of russian scientists of the second half of XIX — early XX century archeology and ethno-kultural history. *Nations and religions of Eurasia*. 2020. № 4 (25). P. 34–49.

УДК 902/904

DOI: 10.14258/nreur(2020)4–03

Е. А. Нарудцева

Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул (Россия)

С. С. Радовский

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

Н. Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ Э. М. МЕДНИКОВОЙ В РАЗВИТИИ АРХЕОЛОГИИ АЛТАЯ¹

Статья посвящена рассмотрению результатов археологических исследований Эльвины Михайловны Медниковой в контексте изучения конкретных периодов древней и средневековой истории Алтая. Определено значение материалов, полученных в ходе разведочных работ и раскопок сотрудницы музея во второй половине 1960-х — начале 1980-х гг., для развития археологии региона. Установлено, что Э. М. Медниковой были исследованы комплексы целого ряда общностей, выделенных по материалам Алтая. Наибольшую роль полевые работы Эльвины Михайловны сыграли в изучении андроновской (федоровской), большепереченской и сrostкинской археологических культур. За более чем десятилетний период активных исследований сотрудница музея провела раскопки и сборы на трех десятках памятников, давших значимый, а иногда уникальный материал, который позволил расширить представления о древней и средневековой истории Алтая. К сожалению, далеко не все результаты данных изысканий введены в научный оборот и проанализированы на современном уровне. В связи с этим перспективной является дальнейшая работа, направленная на качественную публикацию и разноплановую интерпретацию материалов полевых исследований Э. М. Медниковой.

Ключевые слова: Алтай, Э. М. Медникова, археологические исследования, экспедиции, история науки, древность, Средневековье, музей.

---

¹ * Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект № 20–18–00179 «Миграции и процессы этнокультурного взаимодействия как факторы формирования полиэтничных социумов на территории Большого Алтая в древности и средневековье: междисциплинарный анализ археологических и антропологических материалов»).

E. A. Narudtseva

Altai State Museum of Local Lore, Barnaul (Russia)

S. S. Radovsky

Altai State University, Barnaul (Russia)

N. N. Seregin

Altai State University, Barnaul (Russia)

TO THE QUESTION OF THE IMPORTANCE OF FIELD RESEARCH OF E. M. MEDNIKOVA IN THE DEVELOPMENT OF ARCHEOLOGY IN ALTAI

The article is devoted to the consideration of the results of archaeological research by Elvina Mikhailovna Mednikova in the context of studying specific periods of the ancient and medieval history of Altai. The significance of the materials obtained during exploration and excavations of a museum employee in the second half of the 1960s — early 1980s for the development of archeology in the region is determined. It was established that E. M. Mednikova investigated complexes of a number of communities identified on the basis of Altai materials. Elvina Mikhailovna's fieldwork played the greatest role in the study of the Andronovo (Fedorovo), Bolsherechye and Srostki archaeological cultures. For more than a ten-year period of active research, an employee of the museum has carried out excavations and collections on three dozen monuments, which have provided significant and sometimes even unique material that has expanded the understanding of the ancient and medieval history of Altai. Unfortunately, not all the results of these studies have been introduced into scientific circulation and analyzed at the modern level. In this regard, further work aimed at high-quality publication and diversified interpretation of the materials of field studies by E. M. Mednikova.

Keywords: Altai, E. M. Mednikova, archaeological research, expeditions, history of science, antiquity, the Middle Ages, museum

---

Нарудцева Елена Александровна, младший научный сотрудник Алтайского государственного краеведческого музея, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: narudtseva@mail.ru.

Радовский Святослав Сергеевич, старший лаборант Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: radovskiy1996@mail.ru.

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** nikolay-seregin@mail.ru.

Narudtseva Elena Aleksandrovna, junior researcher at the Altai State Museum of Local Lore, Barnaul (Russia). **Contact address:** narudtseva@mail.ru.

Radovsky Svyatoslav Sergeevich, senior laboratory assistant at the Museum of Archeology and Ethnography of Altai of Altai State University, Barnaul (Russia).

Contact address: radovskiy1996@mail.ru.

Seregin Nikolay Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Museology of Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** nikolay-seregin@mail.ru.

К настоящему времени накоплен обширный опыт в области изучения древней и средневековой истории Алтая по материалам раскопок археологических комплексов. Ключевую роль в этом процессе сыграли исследователи, внесшие в разные годы вклад в формирование источниковой базы. Одним из таких специалистов была Э. М. Медникова, работы которой, несомненно, имели большое значение для развития представлений об археологии рассматриваемого региона.

В 1965 г. Эльвина Михайловна Медникова заняла должность археолога в Алтайском краевом краеведческом музее (АККМ, ныне Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ)) [Паршикова, 2016: 49] и развернула активную полевую деятельность по исследованию археологических комплексов от эпохи камня до Средневековья. Во второй половине 1960-х — начале 1980-х гг. Эльвиной Михайловной осуществлялись разведки, раскопки, а также выезды на места обнаружения случайных находок. В отдельной статье авторами охарактеризованы основные этапы археологических изысканий Э. М. Медниковой [Нарудцева, Радовский, Серегин, 2020]. Настоящая публикация, представляющая своего рода продолжение данной работы, посвящена рассмотрению результатов исследований сотрудницы АККМ в контексте изучения конкретных периодов древней и средневековой истории Алтая.

Небольшую часть археологического собрания АГКМ, сформированную Э. М. Медниковой, составляют находки каменного века. Серия предметов обнаружена сотрудницей музея в результате сборов на отвалах раскопа Усть-Канской пещеры. По итогам проведенных работ получено 120 каменных изделий, которые, по мнению А. Л. Кунгурова [1993: 54], относятся к мустьерскому времени (около 50 тыс. лет назад). В Кытмановском районе Э. М. Медниковой была открыта и исследована стоянка эпохи верхнего палеолита Тараба, находящаяся между селами Ясашино и Улус-Тараба. В ходе исследования памятника обнаружены фрагменты костей ископаемых животных и 33 предмета каменной индустрии [Медникова, Маркин, 2001: 79–82].

Материалы эпохи бронзы, полученные Э. М. Медниковой, происходят из грунтового могильника Подтурино, находящегося в черте г. Барнаула [Бородаев, 1977: 4; Тишкин, Тишкина, 1995: 106–110; Кунгуров, Сингаевский, 2006: 22–25]. В течение ряда лет на данном памятнике исследовательницей осуществлялись раскопки погребений и сборы подъемного материала [Бородаев, Кунгуров, 1980: 90–92; Бородаев, Кирюшин, Кунгуров, 1983: 16; Кунгуров, Сингаевский, 2006: 39–41]. В результате проведенных работ сформирована выразительная коллекция керамики, относящейся к андроновской (фedorовской) культуре (см. рис. 1). В последующие годы эти материалы использовались при характеристике погребального обряда и материальной культуры населения Верх-

ней Оби эпохи развитой бронзы [Кирюшин, Лузин, 1993: 67–94; Кирюшин, Папин, Федорук, 2015: 30–31].

Рис. 1. Керамические сосуды из могильника Подтурино (АГКМ. ОФ 12903/13, ОФ 14779/1). Фото авторов

Важные материалы, которые могут являться свидетельством контактов населения федоровской и саргаринско-алексеевской культур, получены Э. М. Медниковой в результате многолетних исследований городища Елбанка, находящегося в верхнем течении Чарыша. Условия залегания фрагментов керамики на данном памятнике позволяют предположить их происхождение из погребений, разрушенных в результате сооружения городища в более позднее время. По мнению М. Т. Абдулганеева [2001: 73], зафиксированные особенности орнаментации керамических сосудов демонстрируют черты как андроновской (федоровской) культуры развитой бронзы, так и саргаринско-алексеевской культуры позднего бронзового века Казахстана и прилегающих районов Алтайского края. Такой синтез традиций позволяет рассматривать возможность взаимодействия данных групп населения, а также реконструировать отдельные стороны сложных процессов формирования культур финальной бронзы на территории Алтая [Абдулганеев, 2001: 73].

Материалы раскопок Э. М. Медниковой внесли особый вклад в формирование источниковой базы по истории носителей большереченской культуры переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку. Показательными в этом плане являются результаты исследований Бобровского грунтового могильника, находящегося в Первомайском районе Алтайского края. Большое количество погребений, вскрытых на рассматриваемом памятнике, стало основанием для развернутой характеристики особенностей обрядовой практики и материальной культуры населения, оставившего некрополь [Шамшин, Фролов, Медникова, 1996: 70–71; Тур, Фролов, 2001б: 104] (см. рис. 2). Наряду с другими археологическими объектами Верхнего Приобья указанного времени материалы данного комплекса были использованы для определения гене-

зиса населения обозначенной общности. Установлено, что именно результаты раскопок Бобровского могильника наиболее наглядно демонстрируют ирменский и андронидный (еловский, корчажнинский) компоненты, принявшие участие в формировании большереченской культуры [Тур, Фролов, 2001а: 69–81]. Помимо этого, материалы обозначенного некрополя привлекались при выявлении общих и особенных черт погребального обряда населения Верхнего Приобья переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку [Фролов, 2008: 96–99].

Рис. 2. Керамическая посуда из Бобровского грунтового могильника (АГКМ. ОФ 12700/170, ОФ 12700/165). Фото авторов

К рассматриваемому периоду также относятся материалы второго культурно-хронологического комплекса уже упомянутого городища Елбанка (рис. 3).

Рис. 3. Бронзовый наконечник стрелы и фрагмент костяного (рогового) псаля из второго культурно-хронологического комплекса городища Елбанка (АГКМ. ОФ 12985/498, ОФ 12985/468). Фото авторов

Особенности орнаментации керамики, а также остальные находки позволили датировать укрепленное поселение ближнеелбанским этапом большереченской культуры (VIII–VII вв. до н. э.) [Тишкин, Медникова, 1993: 133–136; Абдулганеев, 2001: 74]. По мнению М. Т. Абдулганеева, данный памятник является одним из наиболее ранних большереченских городищ, сформированных в результате реакции местного населения на вторжения инородных групп с территории Восточного и Северного Казахстана. Данное предположение позволяет уточнить механизмы этнокультурных взаимодействий, которые обусловили появление на территории лесостепного и предгорного Алтая племен сакского круга.

В русле обозначенной тематики определенное значение имеют также сборы, проведенные Э. М. Медниковой в окрестностях с. Крестьянка Мамонтовского района Алтайского края. Обнаруженные фрагменты керамики демонстрируют черты, характерные для большереченской культуры, таежного северного населения позднего бронзового века и общностей степного Алтая финальной бронзы. Эти материалы в определенной степени позволяют уточнить границы проникновения в местную среду «таежных» компонентов [Папин, 1996: 98–100].

Рис. 4. Керамические сосуды и каменная курильница из Новоалтайского могильника (АГКМ. ОФ 13471/13, ОФ 13471/32, ОФ 13471/17). Фото авторов

Значительные по объему исследования были проведены Эльвиной Михайловной на комплексах Алтая скифо-сакского времени. Показательными являются материалы

аварийных раскопок Новоалтайского могильника (см. рис. 4). Своеобразие погребального обряда и особенные характеристики сопроводительного инвентаря, зафиксированные в ходе раскопок памятника, не позволяют представить его однозначную интерпретацию [Дашковский, 1998: 132; Кунгуров, 2006: 344; Фролов, 2006: 63–66; 2008: 399]. Имеются основания для предположения о том, что рассматриваемый некрополь является одним из комплексов, представляющих собой результат смешения различных групп населения каменной и староалейских культур [Фролов, 2008: 167–173].

Расширить представления об этнокультурных процессах на территории Верхнего Приобья в скифо-сакское время позволили исследования Э. М. Медниковой поселения Обские Плесы-I. Расположение данного комплекса на площади Бобровского могильника, относящегося к предшествующему хронологическому периоду, вероятно, свидетельствует об отсутствии у носителей староалейской культуры представлений о преемственности с ранее проживавшим в этой местности населением (большереченская культура) [Шамшин, Фролов, Медникова, 1996: 69–71; Фролов, 2008: 142–143].

Определенное значение для реконструкции исторической ситуации на Алтае в скифо-сакское время имеют материалы третьего культурно-хронологического горизонта городища Елбанка. По мнению М. Т. Абдулганеева [2001: 74], керамический комплекс данного памятника имеет как черты, присущие быстринской культуре, так и признаки, характерные для населения Верхней Оби рассматриваемого периода. Обозначенная ситуация позволяет предположить наличие контактов указанных обществ на данной территории, а также расширить ареал распространения быстринской культуры на юго-запад до устья Чарыша.

Уникальный комплекс находок скифской эпохи представляют материалы, полученные Э. М. Медниковой из разрушенного кургана (клада) у с. Новообинка Петропавловского района Алтайского края [Иванов, Медникова, 1982: 89–95]. Коллекция изделий включает железный меч, 11 бронзовых наконечников стрел, бронзовый и железный крюки, бронзовый нож, железный псалий, двое бронзовых удила, а также фрагменты других изделий (см. рис. 5).

Указанные вещи имеют аналогии в материалах пазырыкской культуры Горного Алтая, тасмолинской культуры Казахстана, а также сарматских комплексах Приуралья и сакских памятниках Приаралья [Могильников, Медникова, 1985: 179–185]. Эти яркие материалы демонстрируют значительные перспективы дальнейших археологических исследований в одном из наименее изученных районов Алтайского края, а также позволяют поставить вопрос о культурной принадлежности объектов на данной территории, находящейся на стыке лесостепной и предгорной зоны. Кроме того, обнаружение железных предметов в комплексе у с. Новообинка свидетельствует о распространении таких изделий в степной части Алтая по меньшей мере с VI в. до н. э. [Могильников, Медникова, 1985: 184].

Исследования Э. М. Медниковой на площади неоднократно обозначавшегося в настоящей статье городища Елбанка имели определенное значение для изучения кулайской культуры. Керамика, обнаруженная в составе четвертого комплекса памятника, типична для рассматриваемой группы населения, что позволяет расширить ареал распространения данной общности на юг левобережья Оби [Абдулганеев, 2001: 74–75].

Рис. 5. Материалы комплекса Новообинка (АГКМ. ОФ 13093а).
Фото авторов

Рис. 6. Орудия труда из пятого культурно-хронологического комплекса городища Елбанка (АГКМ. ОФ 12909/75, ОФ 12985/465). Фото авторов

Эпохой Средневековья датируется пятый культурно-хронологический комплекс городища Елбанка (рис. 6). Первоначально находки различных изделий и фрагментов керамики были отнесены к монгольскому времени [Абдулганеев, 2001: 75–81]. Более детальный анализ этих материалов стал основанием для их датировки в рамках позднего этапа сrostкинской культуры (вторая половина XI–XII вв. н. э.) [Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016: 221; Горбунов, 2017: 230]. Рассмотренный комплекс данного городища расширяет представления об устройстве укрепленных поселений населением Алтая в конце раннего Средневековья. Кроме того, к IX–XI вв. н. э. отнесены материалы, собранные Э. М. Медниковой у пос. Лесная Дача Первомайского района [Фролов, Горбунов, 2006: 298].

Отдельного упоминания заслуживает участие Э. М. Медниковой в археологических исследованиях, осуществленных в зоне строительства Гилевского водохранилища. В связи со значительным масштабом реализованных работ, а также включением в них большого числа специалистов из различных научных и культурных учреждений, оценить роль Эльвины Михайловны в этих изысканиях довольно затруднительно. Тем не менее, представляется возможным осуществить суммарную характеристику результатов, полученных при активном участии в раскопках сотрудницы АККМ, а также значение данных исследований в развитии археологии Алтая.

В период археологических раскопок в зоне строительства Гилевского водохранилища участниками Алейской экспедиции изучено большое количество памятников различных эпох. Так, осуществленные в течение ряда лет работы позволили обозначить своеобразие комплексов андроновской (федоровской) культуры на данной территории и с определенной долей вероятности обосновать близость рассматриваемой общности

с населением Восточного и Центрального Казахстана в период развитой бронзы [Могильников и др., 1973: 229–230]. Изучение памятников раннего железного века способствовало фиксации специфики традиций населения северо-западных предгорий Алтая в обозначенный период. Установлено, что данный район в скифскую эпоху являлся зоной активных этнокультурных контактов, что определило своеобразие местного населения, имевшего черты носителей различных культур сопредельных территорий [Могильников, 1999: 134–135, 137–138].

Наиболее представительной группой памятников, исследованных в зоне строительства Гилевского водохранилища, являются комплексы раннего Средневековья [Могильников и др., 1973: 229–230; Медникова и др., 1975: 222–223; Медникова, Могильников, Суразаков, 1976: 261–262]. Полученные материалы развернуто представлены в обобщающей монографии, в которой нашли отражение различные аспекты интерпретации объектов, имеющих большое значение для реконструкции истории кочевников северо-западных предгорий Алтая в конце I — начале II тыс. н. э. [Могильников, 2002].

Таким образом, Э. М. Медниковой были исследованы комплексы целого ряда общностей, выделенных по материалам Алтая. Наибольшую роль полевые работы Эльвины Михайловны сыграли в изучении андроновской (федоровской), большебереченской и сrostкинской археологических культур. За более чем десятилетний период активных исследований сотрудница музея провела раскопки и сборы на трех десятках памятников, давших значимый, а иногда уникальный материал, который позволил расширить представления о древней и средневековой истории Алтая. К сожалению, далеко не все результаты данных изысканий введены в научный оборот и проанализированы на современном уровне. В связи с этим перспективной является дальнейшая работа, направленная на качественную публикацию и разноплановую интерпретацию материалов полевых исследований Э. М. Медниковой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулганеев М. Т. Культурно-хронологические комплексы городища Елбанка // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2001. № 3. С. 73–80.

Бородаев В. Б. Археологические памятники в районе г. Барнаула // 250 лет горного производства на Алтае. Барнаул : Полиграфист, 1977. С. 3–9.

Бородаев В. Б., Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л. Археологические памятники на территории Барнаула // Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул : Алт. книж. изд-во, 1983. С. 7–30.

Бородаев В. Б., Кунгуров А. Л. Новые материалы к археологической карте Барнаульского Приобья // Древняя история Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1980. С. 73–92.

Горбунов В. В. История поступления археологических коллекций эпохи Средневековья с территории Алтая в собрание Алтайского государственного краеведческого музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Вып. XXIII. С. 227–235.

Горбунов В. В., Тишкин А. А., Кунгуров А. Л. Поселения сrostкинской культуры на территории Лесостепного Алтая: идентификационные признаки // Известия Алтайского гос. ун-та. 2016. № 4 (92). С. 218–229.

Дашковский П. К. Материалы эпохи бронзы и раннего железа из Новоалтайского музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 130–133.

Иванов Г. Е., Медникова Э. М. Новообинский курган // Археология и этнография Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 89–95.

Кирюшин Ю. Ф., Лузин С. Ю. Андроновский могильник Подтуруно // Культура народов Евразийских степей в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 67–94.

Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Федорук О. А. Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. 108 с.

Кунгуров А. Л. Три палеолитические коллекции из фондов АККМ // Алтайский сборник. Вып. XVII. Барнаул : Изд-во ГИПП «Алтай», 1993. С. 54–58.

Кунгуров А. Л. Памятники археологии Первомайского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Азбука, 2006. Вып. XV. С. 327–385.

Кунгуров А. Л., Сингаевский А. Т. Археологические памятники города Барнаула. Барнаул : Азбука, 2006. 200 с.

Медникова Э. М., Маркин М. М. Тарабинская стоянка возле с. Улус-Тараба (по материалам раскопок 60-х годов) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Азбука, 2001. Вып. XII. С. 79–82.

Медникова Э. М., Могильников В. А., Суразаков А. С. Работы на Верхнем Алее // Археологические открытия 1975 г. М. : Наука, 1976. С. 261–262.

Медникова Э. М., Могильников В. А., Уманский А. П., Шемякина А. С., Сергин В. Я. Работы Алейской экспедиции // Археологические открытия 1974 г. М. : Наука, 1975. С. 222–223.

Могильников В. А. К характеристике раннего железного века северо-западных предгорий Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 134–138.

Могильников В. А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М. : Наука, 2002. 362 с.

Могильников В. А., Конников Б. А., Лунев В. Б., Медникова Э. М., Отт В. В., Уманский А. П., Чагаева А. С. Алейская экспедиция // Археологические открытия 1972 г. М. : Наука, 1973. С. 229–230.

Могильников В. А., Медникова Э. М. Находки металлических изделий раннего железного века из Новообинки // Советская археология. 1985. № 1. С. 179–185.

Нарудцева Е. А., Радовский С. С., Серегин Н. Н. Основные этапы археологических исследований Э. М. Медниковой на Алтае // Народы и религии Евразии. 2020. № 1 (20). С. 56–68.

Папин Д. В. Керамика с крестовым штампом из Мамонтовского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VII. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 98–100.

Паршикова Т. С. Археологические исследования Э. М. Медниковой в 1960-е гг. // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. Вып. II. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. С. 49–51.

Тишкин А. А., Медникова Э. М. Некоторые изделия с городища Елбаны // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. I. С. 133–136.

Тишкин А. А., Тишкина Т. В. Комплекс аварийных археологических памятников близ Туриной Горы // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 106–110.

Тур С. С., Фролов Я. В. О происхождении большереченской культуры Верхнего Приобья переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа (VIII–VI вв. до н. э.) // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001а. С. 69–81.

Тур С. С., Фролов Я. В. Основные результаты комплексного анализа материалов погребальных памятников Верхнего Приобья переходного от бронзы к железу времени в свете проблем происхождения большереченской культуры // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001б. С. 104–106.

Фролов Я. В. Особенности погребальной обрядности большереченской культуры (топография и планиграфия могильников, погребальные сооружения) // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 96–99.

Фролов Я. В. Материалы скифского времени из Новоалтайского могильника // Современные проблемы археологии России. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. II. С. 63–66.

Фролов Я. В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. — II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул : Азбука, 2008. 479 с.

Фролов Я. В., Горбунов В. В. Аварийные раскопки погребения сrostинской культуры на могильнике Лесной // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Азбука, 2006. Вып. XV. С. 298–302.

Шамшин А. Б., Фролов Я. В., Медникова Э. М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 69–88.

REFERENCES

Abdulganeev M. T. *Kul'turno-khronologicheskie komplekсы gorodishcha Elbanka* [Cultural and chronological complexes of the Elbanka settlement]. *Drevnosti Altaia* [Antiquities of Altai]. Gorno-Altai: GAGU, 2001, no. 3. S. 73–80 (in Russian).

Borodaev V. B. *Arheologicheskie pamyatniki v rajone g. Barnaula* [Archaeological monuments in the area of Barnaul]. *250 let gornogo proizvodstva na Altae* [250 years of mining in Altai]. Barnaul: Poligrafist, 1977. S. 3–9 (in Russian).

Borodaev V. B., Kiryushin YU.F., Kungurov A. L. *Arheologicheskie pamyatniki na territorii Barnaula* [Archaeological sites on the territory of Barnaul]. *Pamyatniki istorii i kul'tury Barnaula* [Monuments of history and culture of Barnaul]. Barnaul: Alt. knizh. izd-vo, 1983. S. 7–30 (in Russian).

Borodaev V. B., Kungurov A. L. *Novye materialy k arheologicheskoy karte Barnaul'skogo Priob'ya* [New materials for the archaeological map of the Barnaul Ob region]. *Drevnyaya istoriya Altaya* [Ancient history of Altai]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-та, 1980. S. 73–92 (in Russian).

Dashkovskij P. K. *Materialy epohi bronzы i rannego zheleza iz Novoaltajskogo muzeяa* [Materials of the Bronze Age and Early Iron Age from the Novo Altai Museum]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraяa* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1998. Vol. IX. S. 130–133 (in Russian).

Frolov Ia. V., Gorbunov V. V. *Avariinye raskopki pogrebeniia srostinskoi kul'tury na mogil'nike Lesnoi* [Emergency excavations of the burial of the Srostinsky culture at the Lesnaya burial ground]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraia* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul: Azbuka, 2006, Vol. XV. S. 298–302 (in Russian).

Frolov YA. V. *Materialy skifskogo vremeni iz Novoaltajskogo mogil'nika* [Materials of the Scythian time from the Novoaltaisk burial ground]. *Sovremennyye problemy arheologii Rossii* [Modern problems of archeology in Russia]. T. II. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2006. S. 63–66 (in Russian).

Frolov YA. V. *Osobennosti pogrebal'noj obryadnosti bol'sherechenskoj kul'tury (topografiya i planografiya mogil'nikov, pogrebal'nye sooruzheniya)* [Features of the burial rituals of the Bolsherechensk culture (topography and planigraphy of burial grounds, burial structures)]. *Gumanitarnyye issledovaniya na poroge novogo tysyacheletiya* [Humanities research on the threshold of the new millennium]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2001. S. 96–99 (in Russian).

Frolov YA. V. *Pogrebal'nyj obryad naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya v VI v. do n. e. — II v. n. e. (po dannym gruntovyh mogil'nikov)* [Funeral rite of the population of the Barnaul Ob region in YOU c. BC — And V. not. (according to data from ground burial grounds)]. Barnaul: Azbuka, 2008. 479 s. (in Russian).

Gorbunov V. V. *Istoriia postupleniia arkheologicheskikh kollektcii epokhi srednevekov'ia s territorii Altaia v sobranie Altaiskogo gosudarstvennogo kraevedcheskogo muzeяa* [The history of the receipt of archaeological collections of the Middle Ages from the territory of Altai in the collection of the Altai State Museum of Local Lore]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraia* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2017, Vol. XXIII. S. 227–235 (in Russian).

Gorbunov V. V., Tishkin A. A., Kungurov A. L. *Poseleniya srostkinskoj kul'tury na territorii Lesostepnogo Altaya: identifikacionnye priznaki* [Settlements of the Srostkinskaya culture on the territory of the Forest-Steppe Altai: identification signs]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Altai State University]. 2016. № 4 (92). S. 218–229 (in Russian).

Ivanov G. E., Mednikova E. M. *Novoobinskii kurgan* [Novoobinsk mound]. *Arkheologiya i etnografiya Altaia* [Archeology and Ethnography of Altai]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1982. S. 89–95 (in Russian).

Kiryushin YU. F., Luzin S. YU. *Andronovskij mogil'nik Podturino* [Andronovsky burial ground Podturino]. *Kul'tura narodov Evrazijskikh stepej v drevnosti* [Culture of the peoples of the Eurasian steppes in antiquity]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1993. S. 67–94 (in Russian).

Kiryushin YU. F., Papin D. V., Fedoruk O. A. *Andronovskaya kul'tura na Altae (po materialam pogrebal'nyh kompleksov)* [Andronovo culture in Altai (based on materials from burial complexes)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2015. 108 s. (in Russian).

Kungurov A. L. *Pamiatniki arkheologii Pervomaiskogo raiona Altaiskogo kraia* [Monuments of archeology of Pervomaisky district of Altai Krai]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul: Azbuka, 2006. Vol. XV. S. 327–385 (in Russian).

Kungurov A. L. *Tri paleoliticheskie kolleksii iz fondov AKKM* [Three paleolithic collections from AKKM funds]. *Altaiskii sbornik* [Altai collection]. Barnaul: Izd-vo GIPP "Altai", 1993, Vol. XVII. S. 54–58 (in Russian).

Kungurov A. L., Singaevskij A. T. *Arheologicheskie pamyatniki goroda Barnaula* [Archaeological monuments of the city of Barnaul]. Barnaul: Azbuka, 2006. 200 s. (in Russian).

Mednikova E. M., Markin M. M. *Tarabinskaia stoianka vozle s. Ulus-Taraba (po materialam raskopok 60-kh godov)* [Tarabinskaya site near the village Ulus-Taraba (based on excavations from the 60s)]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul: Azbuka, 2001, Vol. XII. S. 79–82 (in Russian).

Mednikova E. M., Mogil'nikov V. A., Surazakov A. S. *Raboty na Verkhnem Alee* [Works on the Upper Alley]. *Arkheologicheskie otkrytiia 1975 g.* [Archaeological discoveries of 1975]. Moscow: Nauka, 1976. S. 261–262 (in Russian).

Mednikova E. M., Mogil'nikov V. A., Umanskii A. P., Shemiakina A. S., Sergin V. Ia. *Raboty Aleiskoi ekspeditsii* [The work of the Aleic expedition]. *Arkheologicheskie otkrytiia 1974 g.* [Archaeological discoveries of 1974]. Moscow: Nauka, 1975. S. 222–223 (in Russian).

Mogil'nikov V. A. *K karakteristike rannego zheleznoogo veka severo-zapadnyh predgorij Altaya* [On the characteristics of the early Iron Age of the northwestern foothills of Altai]. *Itogi izucheniya skifskoj epohi Altaya i sopredel'nyh territorij* [Results of the study of the Scythian era of Altai and adjacent territories]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1999. S. 134–138 (in Russian).

Mogil'nikov V. A. *Kochevniki severo-zapadnyh predgorij Altaya v IX–XI vekah* [Nomads of the north-western foothills of Altai in the XI–XI centuries]. M.: Nauka, 2002. 362 s. (in Russian).

Mogil'nikov V. A., Konnikov B. A., Lunev V. B., Mednikova E. M., Ott V. V., Umanskii A. P., Chagaeva A. S. *Aleiskaia ekspeditsiia* [Aleic expedition]. *Arkheologicheskie otkrytiia 1972 g.* [Archaeological discoveries of 1972]. Moscow: Nauka, 1973. S. 229–230 (in Russian).

Mogil'nikov V. A., Mednikova E. M. *Nakhodki metallicheskih izdelii rannego zheleznoogo veka iz Novoobinki* [Findings of metal products of the early Iron Age from Novobinka]. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet archeology]. 1985, no. 1. S. 179–185 (in Russian).

Narudceva E. A., Radovskij S. S., Seregin N. N. *Osnovnye etapy arheologicheskikh issledovanij E. M. Mednikovoj na Altae* [The main stages of archaeological research by E. M. Mednikova in Altai]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia]. 2020. № 1 (20). S. 56–68 (in Russian).

Papin D. V. *Keramika s krestovym shtampom iz Mamontovskogo raiona* [Ceramics with a cross stamp from the Mamontovsky district]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1996, Vol. VII. S. 98–100 (in Russian).

Parshikova T. S. *Arkheologicheskie issledovaniia E. M. Mednikovoi v 1960-e gg.* [Archaeological research E. M. Mednikova in the 1960s]. *Mezhdistsiplinarnoe izuchenie arkheologii Zapadnoi*

Sibiri i Altaia [Interdisciplinary study of archeology of Western Siberia and Altai]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2016a, Vol. II. S. 49–51 (in Russian).

Shamshin A. B., Frolov Ia. V., Mednikova E. M. *Bobrovskii gruntovyi mogil'nik* [Bobrovsky soil burial ground]. *Pogrebal'nyi obriad drevnikh plemen Altaia* [Funeral rite of the ancient tribes of Altai]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1996. S. 69–88 (in Russian).

Tishkin A. A., Mednikova E. M. *Nekotorye izdeliia s gorodishcha Elbany* [Some items from the Elbany fortress]. *Okhrana i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaia* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1993, Ch. I. S. 133–136 (in Russian).

Tishkin A. A., Tishkina T. V. *Kompleks avariinykh arkheologicheskikh pamiatnikov bliz Turinoi Gory* [A complex of emergency archaeological sites near Turin Mountain]. *Problemy okhrany, izucheniia i ispol'zovaniia kul'turnogo naslediiia Altaia* [Problems of the protection, study and use of the cultural heritage of Altai]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1995. S. 106–110 (in Russian).

Tur S. S., Frolov YA.V. *O proiskhozhdenii bol'sherechenskoj kul'tury Verhnego Priob'ya perekhodnogo vremeni ot epohi bronzy k epohe zheleza (VIII–VI vv. do n. e.)* [About the origin of the Bolsherechensk culture of the Upper Ob region of the transitional period from the Bronze Age to the Iron Age (VIII–VI centuries BC)]. *Problemy izucheniya drevnej i srednevekovoj istorii* [Problems of studying ancient and medieval history]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2001a. S. 69–81 (in Russian).

Tur S. S., Frolov YA.V. *Osnovnye rezul'taty kompleksnogo analiza materialov pogrebal'nykh pamyatnikov Verhnego Priob'ya perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v svete problem proiskhozhdeniya bol'sherechenskoj kul'tury* [The main results of a comprehensive analysis of materials from burial sites of the Upper Ob region of the transition from bronze to iron time in the light of the problems of the origin of the Bolsherechensk culture]. *Gumanitarnye issledovaniya na poroge novogo tysyacheletiya* [Humanities research on the threshold of the new millennium]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2001b. S. 104–106 (in Russian).

Цитирование статьи:

Narudtseva E. A., Radovskiy S. S., Seregin N. N. К вопросу о значении полевых исследований Э. М. Медниковой в развитии археологии Алтая // Народы и религии Евразии. 2020. № 4 (25). С. 50–64.

Citation:

Narudtseva E. A., Radovsky S. S., Seregin N. N. To the question of the importance of field research of E. M. Mednikova in the development of archeology in Altai. Nations and religions of Eurasia. 2020. № 4 (25). P. 50–64.

УДК 902/904

DOI: 10.14258/nreur(2020)4-04

Н. Н. Серегин*Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

АРХЕОЛОГИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОМПЛЕКСОВ¹

Статья посвящена характеристике истории исследования и интерпретации археологических памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Учтен значительный объем сведений о результатах изучения погребальных и «поминальных» комплексов второй половины I тыс. н. э., расположенных в разных частях обширного региона. Обоснована периодизация, предполагающая выделение четырех основных этапов в истории исследования памятников тюрок: 1) XVIII в. — начало XX в.; 2) 1920-е — 1940-е гг.; 3) 1950-е — начало 1990-х гг.; 4) вторая половина 1990-х гг. — начало XXI в. Для обозначенных периодов характерны особенности методологии и методики работ, различная интенсивность практических и теоретических изысканий, уровень интерпретации имеющихся сведений. Установлено, что наиболее разработанными являются вопросы исследования предметного комплекса кочевников. Кроме того, значительное количество публикаций посвящено решению проблем хронологии конкретных объектов и периодизации культуры кочевников. Наименее изученными остаются проблемы реконструкции сложных процессов формирования и эволюции общности тюрок по археологическим материалам.

Ключевые слова: тюрки, Центральная Азия, история исследований, археологические памятники, периодизация, интерпретация.

N. N. Seregin*Altai State University, Barnaul (Russia)*

ARCHEOLOGY OF THE EARLY MEDIEVAL TURKS OF CENTRAL ASIA: MAIN STAGES OF RESEARCH AND INTERPRETATIONS OF THE COMPLEXES

The article presents the characteristics of the history of research and interpretation of archaeological sites of the early medieval Turks in Central Asia. A significant amount

¹ Работа подготовлена в рамках государственного задания Алтайского государственного университета, проект № 748715Ф.99.1. ББ97АА00002 «Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности».

of information on the results of the study of burial and «memorial» complexes of the second half of the I millennium AD, located in different parts of the vast region, was taken into account. The author created the periodization, which implies the allocation of four main stages in the history of the study of the Turkic sites: 1) the XIX century — the beginning of the XX century; 2) 1920s — 1940s; 3) 1950s — early 1990s; 4) the second half of the 1990s — the beginning of the XXI century. The designated periods are characterized by the peculiarities of the methodology and methodology of work, different intensity of practical and theoretical research, the level of interpretation of the available information. It has been established that the most developed are the issues of research of the subject complex of nomads. In addition, a significant number of publications are devoted to solving the problems of the chronology of specific objects and the periodization of the culture of nomads. The problems of reconstruction of the complex processes of formation and evolution of the Turks' community based on archaeological materials remain the least studied.

Keywords: Turks, Central Asia, history of research, archaeological sites, periodization, interpretation

---

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** nikolay-seregin@mail.ru

Seregin Nikolay Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Museology of Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** nikolay-seregin@mail.ru

---

Изучение этногенетических и социокультурных процессов, происходивших на территории Центральной Азии в раннем Средневековье, основывается главным образом на исследовании материалов раскопок археологических памятников. Это обусловлено фрагментарностью письменных источников, в которых представлены лишь отдельные сюжеты истории кочевников. Одной из ярких общностей народов рассматриваемого региона второй половины I тыс. н. э. является культура ранне-средневековых тюрок. Основным источником для реконструкции истории ее носителей выступают археологические комплексы — погребения, «поминальные» объекты (мемориалы элиты номадов, «рядовые» оградки, изваяния, балбалы и другие сопроводительные сооружения), наскальные изображения. Важным аспектом их изучения представляется анализ процесса накопления материалов, полученных в ходе полевых исследований, а также рассмотрение выводов, ставших результатом интерпретации памятников. Проведение такой работы позволит не только охарактеризовать сформированную источниковую базу и суммировать ключевые выводы ученых, но также будет способствовать определению приоритетных направлений дальнейших изысканий и обозначению путей решения вопросов, остающихся дискуссионными.

Специального исследования, посвященного анализу истории изучения археологических комплексов ранне-средневековых тюрок Центральной Азии, до сих пор не предпринималось. В ряде работ археологов представлен опыт рассмотрения основных эта-

пов исследований памятников на отдельных территориях [Гаврилова, 1965: 5–6; Кызласов, 1969: 5–14; Кубарев, 1984: 4–11; Митько, 1995: 5–6; Войтов, 1996: 11–22; Худяков, 2004: 6–14; Кубарев, 2005: 6–9; Серегин, Матренин, 2014: 61–116; Идэрхангай, 2017: 8–10]. Кроме того, результаты раскопок погребальных и «поминальных» комплексов тюрок, а также раннесредневековых наскальных изображений учтены в специальных монографиях по истории археологического изучения Сибири [Белокобыльский, 1986; Демин, 1989; Борисенко, Худяков, 2005; Китова, 2007; Матющенко, 2009; Артюх, 2010].

В целом, несмотря на то, что различные аспекты истории изучения археологических памятников раннесредневековых тюрок затрагивались в целом ряде работ, многие вопросы в этом направлении по-прежнему рассмотрены лишь частично. В большинстве исследований представлена лишь общая история археологических раскопок без выявления основных тенденций в интерпретации материалов, а также в развитии методики исследований. Фрагментарным является опыт осмысления развития знаний о комплексах рассматриваемой общности на обширных территориях Центральной Азии, так как ученые в большинстве случаев ограничивались рассмотрением процесса исследования памятников в отдельных регионах. Наконец, отсутствует разработанная схема периодизации истории изучения археологических комплексов раннесредневековых тюрок, что также не способствует эффективной систематизации обширного накопленного опыта.

Учитывая огромный объем имеющихся данных, необходимо признать, что результаты анализа обозначенных историографических аспектов требуют развернутого изложения в работе монографического характера. Поэтому в настоящей статье представлены только основные вехи в изучении и интерпретации комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии с краткой характеристикой выделенных этапов и определением ключевых тенденций исследовательского процесса.

Анализ работ исследователей позволяет выделить четыре этапа в процессе накопления и интерпретации археологических материалов по культуре раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Для каждого из периодов характерны особенности методологии и методики работ, различная интенсивность практических и теоретических изысканий, уровень интерпретации имеющихся сведений и др. Характеристики выделенных этапов в значительной степени определялись спецификой развития исторической и археологической науки, а также общей социально-экономической ситуацией в различных частях Центрально-Азиатского региона.

Первый этап (XVIII в. — начало XX в.) — время первоначального ознакомления ученых с раннесредневековыми материалами Центральной Азии. Основной объем полученных материалов связан с выявлением и фиксацией каменных изваяний, а также немногочисленными раскопками «поминальных» комплексов второй половины I тыс. н. э. Кроме того, в рамках рассматриваемого периода были впервые раскопаны погребения раннесредневековых тюрок. Важными событиями, определившими на многие годы направления развития отечественной и зарубежной тюркологии, стали открытия «элитных» мемориалов тюрок Монголии и дешифровка рунической письменности. Завершение первого этапа связано с началом систематических исследований археологических комплексов раннесредневековых номадов Центральной Азии в 1920-е гг. и по-

лучением значительного объема материалов, анализ которых дал возможность для реконструкции различных аспектов истории кочевников данного обширного региона.

Отдельно отметим большое значение раскопок, осуществленных В. В. Радловым на комплексе Катанда в юго-западной части Алтая. В 1865 г. известным ученым исследованы несколько небольших курганов, четыре из которых не были потревожены и относились к культуре тюрок, а также четыре каменные оградки и впускные захоронения второй половины I тыс. н. э. [Захаров, 1926: 76, 81; Радлов, 1989: 448–449]. Анализ материалов, полученных в ходе экспедиции, позволил В. В. Радлову выделить несколько этапов в древней и средневековой истории Сибири. Памятники культуры тюрок не обозначены в каком-либо из них, однако общая логика построений ученого позволяет утверждать, что данные объекты, наряду с «киргизскими могилами», отнесены к «новейшей эпохе железного века». Отметим, что в настоящее время актуальным остается осуществление полной публикации результатов исследований В. В. Радлова на Алтае.

Хорошо известна также роль ученого в процессе исследования «элитных» тюркских комплексов на территории Монголии. Результатом его изысканий, а также работ других специалистов, осуществленных в данном регионе в конце XIX в., стало обоснование назначения таких объектов как мемориальных памятников верхушки каганатов и их идентификация с конкретными фигурами политической истории тюрок, дешифровка рунической письменности и прочтение обнаруженных текстов, а также подтверждение того, что подобные сооружения не являются единичными. Полученные сведения показали перспективы дальнейших исследований истории раннесредневековых тюрок по археологическим материалам.

Второй этап (1920–1940-е гг.) — осуществление первых крупных исследований погребальных и «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок на Алтае, в Туве, Минусинской котловине. Реализация подобных изысканий в Монголии была связана, главным образом, с изучением мемориальных памятников элиты номадов. Результаты интерпретации материалов раскопок комплексов стали основой для создания ряда обобщающих работ.

Начало нового этапа в исследовании археологических памятников Алтае-Саянского региона, в том числе комплексов раннего Средневековья, связано с работами экспедиций С. А. Теплоухова. Наиболее масштабные изыскания были им реализованы на территории Минусинской котловины. Отряд Минусинской экспедиции под руководством С. А. Теплоухова проводил раскопки в 1920–1921 гг. и 1923–1925 гг. [Белокобыльский, 1986: 117]. Важно отметить, что археолог изначально предполагал осуществить работы на небольшой по площади территории, однако насыщенной различными по хронологии и культурной принадлежности памятниками. Именно в результате таких исследований могла быть прослежена преемственность в развитии культур и специфика исторической ситуации в регионе [Белокобыльский, 1986: 133]. Наряду с комплексами различных хронологических периодов, раскопаны и памятники раннесредневековых тюрок. В 1924 г. исследованы пять погребений у с. Батени на Енисее, а в 1925 г. — одиночный курган на р. Таштык.

В 1926–1927 гг. и 1929 гг. в соседнем регионе археологические работы проводились Тувинской археологической экспедицией, руководителем которой также являл-

ся С. А. Теплоухов [Китова, 2007: 79]. Сведения о погребениях тюрок, исследованных С. А. Теплоуховым на некрополях Бай-Даг и Улуг-Хову, а также раннесредневековых оградках, раскопанных на комплексах Саадак-Терек и Элегест, частично введены в научный оборот Л. Р. Кызласовым [1979: 132–135, 188–191].

Раскопки в Минусинской котловине в районе с. Батени, а также в Туве позволили С. А. Теплоухову осуществить систематизацию памятников от энеолита до эпохи Средневековья и представить их культурную, хронологическую и этническую характеристику. Памятники раннего Средневековья не были включены в какую-либо археологическую культуру, однако распределены по этапам с обозначением датировки и этнической принадлежности [Теплоухов, 1929: 55, 58]. Погребения тюрок отнесены ученым к VII–X вв. По мнению С. А. Теплоухова [1929: 55], коренным населением Минусинской котловины были кыргызы, которых в VII в. покорили «турки».

В это же время после долгого перерыва осуществлялись раскопки памятников раннесредневековых тюрок на Алтае. Работы на ряде памятников, в том числе и относящихся ко второй половине I тыс. н. э., проведены в 1924–1925 гг. Алтайской экспедицией этнографического отдела Русского музея под руководством С. И. Руденко и при участии А. Н. Глухова. В ходе исследований участников экспедиции обнаружена и раскопана серия «поминальных» объектов, расположенных в долинах рек Бугузун, Чулышман, Улаган и Балыктуюль (Восточный Алтай). Наиболее значимыми для развития раннесредневековой археологии не только Алтая, но и всей Центральной Азии стали исследования погребений и оградок на комплексе Кудыргэ, расположенном в низовьях р. Чулышман, в восточной части региона [Руденко, Глухов, 1927].

По точному замечанию А. А. Гавриловой [1965: 3], после выхода статьи С. И. Руденко и А. Н. Глухова материалы раскопок памятника Кудыргэ так или иначе упоминались практически во всех работах, посвященных различным аспектам раннесредневековой археологии. До сих пор данный комплекс остается одним из крупнейших комплексов тюрок. Несмотря на неизбежные на тот момент неточности в интерпретации результатов раскопок могильника, выводы и наблюдения, сделанные С. И. Руденко и А. Н. Глуховым, представляли большой интерес для современников. Отметим, что в последующие годы хронология известного памятника, а также этнокультурная атрибуция погребальных и «поминальных» объектов комплекса неоднократно становились предметом специального рассмотрения целого ряда специалистов.

К 1920-м гг. относится начало систематических исследований на территории Монголии экспедиций, организованных Академией наук СССР совместно с местными исследователями. В 1925 г. И. Боровкой [1927] впервые раскопано тюркское погребение на обозначенной территории, а также изучены мемориальные комплексы. Исследования «поминальных» памятников элиты каганатов в это время осуществлены Б. Я. Владимирцовым [1927], который представил первый опыт классификации таких объектов.

Серия тюркских погребений и оградок в конце 1920-х — 1930-е гг. раскопана П. М. Грязновым на Алтае. Кроме того, им совместно с Е. Р. Шнейдером [1929] обобщены сведения о каменных изваяниях Минусинской котловины, в том числе о нескольких раннесредневековых скульптурах. Объекты второй половины I тыс. н. э. учтены М. П. Грязновым в разработанной периодизации древних и средневековых культур Алтая.

Масштабные исследования памятников различных хронологических периодов, в том числе объектов раннего Средневековья, осуществлены в 1928–1940 гг. Саяно-Алтайской экспедицией под руководством С. В. Киселева. В ходе этих работ изучена представительная серия погребальных и «поминальных» комплексов тюрок Алтая и Минусинской котловины [Киселев, 1929; Евтюхова, Киселев, 1941]. Тюркские захоронения в последнем из обозначенных регионов исследованы под руководством В. П. Левашовой [1952].

В целом, к середине XX в. была сформирована определенная источниковая база для изучения и интерпретации археологических комплексов раннесредневековых тюрок, включавшая главным образом памятники Алтая, Минусинской котловины и Монголии. Материалы исследований, частично опубликованные археологами, стали известны широкому кругу специалистов. Памятники раннего Средневековья были отдельно рассмотрены в ряде обобщающих работ, в которых получил отражение опыт хронологической и этнокультурной атрибуции объектов, а также наблюдения о специфике социальной организации раннесредневековых кочевников [Евтюхова, 1948; Киселев, 1949]. Вместе с тем практически неизвестными археологам оставались погребальные и «поминальные» комплексы тюрок на территории Тувы. Материалы раскопок С. А. Теплоухова в указанном регионе были опубликованы значительно позже. Именно на этой территории в последующие годы проводились наиболее интенсивные исследования археологических памятников раннего Средневековья. Весьма перспективными оставались также раскопки тюркских погребений в Монголии, остающейся в этом плане «белым пятном» на археологической карте Центральной Азии.

Третий этап (1950-е — начало 1990-х гг.) — время наиболее интенсивных исследований археологических комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Развитие науки в начале данного периода в значительной степени связано с общим послевоенным экономическим подъемом в России, а также сложением группы специалистов-археологов в Монголии. Главной тенденцией третьего периода стало преимущественное развитие региональной тематики, заключавшееся в рассмотрении различных аспектов истории раннесредневековых кочевников Центральной Азии на основе изучения памятников отдельных территорий. Характерной чертой научной деятельности археологов в рамках данного этапа было стремление к историчности выводов, сделанных на основе анализа материалов раскопок. Этому способствовало активное привлечение сведений письменных источников, главным образом, китайских династийных хроник и тюркских рунических текстов. К рассматриваемому периоду относится публикация ряда крупных работ, в которых были обобщены обширные накопленные материалы.

Конец 1940-х — 1950-е гг. в истории археологических исследований в различных частях Центральной Азии связаны в значительной степени с продолжением намеченных ранее работ. Это объяснялось как вынужденным перерывом в уже организованных изысканиях на ряде комплексов, так и очевидными перспективами в доисследовании некоторых известных объектов. Одним из таких памятников стал могильник Кудыргэ, материалы раскопок которого имели огромное значение для развития представлений по раннесредневековой археологии региона. В 1948 г. работы на данном погребально-поминальном комплексе были продолжены А. А. Гавриловой при содействии С. И. Ру-

денко. В последующие годы А. А. Гавриловой осуществлены работы и на других памятниках Алтая. Анализ полученных материалов с использованием результатов раскопок на сопредельных территориях отражен в обобщающей монографии [Гаврилова, 1965].

В послевоенные годы наиболее интенсивные раскопки погребальных и «поминальных» комплексов тюрок осуществлялись на территории Тувы. В 1950–1960-е гг. в данном регионе проводились исследования под руководством С. И. Вайнштейна, А. Д. Грача, Л. Р. Кызласова, М. Х. Маннай-оола. В работах археологов представлен опыт определения хронологии изученных памятников, интерпретации каменных изваяний и оградок, реконструкции этнокультурной истории региона [Грач, 1961; Вайнштейн, 1966; Кызласов, 1969].

К середине XX столетия относится начало следующего этапа в изучении раннесредневековой археологии Монголии. Он связан главным образом с работами местных специалистов, к этому времени накопивших необходимый опыт полевых работ и продолживших исследования памятников региона самостоятельно, а также совместно с учеными из социалистических стран. Новые сведения о погребальных и «поминальных» комплексах тюрок Монголии получены в 1950–1960-е гг. в ходе исследований Ц. Доржсурэна, Д. Навана, Х. Пэрлээ, Н. Сэр-Оджава, И. Эрдели.

Значительный объем материалов по культуре раннесредневековых тюрок получен в результате работ «новостроечных» экспедиций. Серия тюркских погребений исследована участниками Красноярской экспедиции Института археологии АН СССР в Минусинской котловине. Большое количество курганов, «поминальных» объектов и наскальных изображений раннего Средневековья изучено в ходе изысканий Саяно-Тувинской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в Туве. Результаты анализа массива новых материалов представлены в серии тематических публикаций [Трифонов, 1971; Длужневская, 1976; Овчинникова, 1982].

Интенсивные исследования памятников тюрок в 1970-е — начале 1990-х гг. проводились на Алтае. Изучение раннесредневековых погребальных и «поминальных» комплексов, а также наскальных изображений в данном регионе осуществлялось А. П. Бородовским, А. С. Васютиным, А. М. Илюшиным, С. М. Киреевым, Ю. Ф. Кирюшиным, В. Д. Кубаревым, В. А. Кочеевым, Ю. Т. Мамадаковым, А. И. Мартыновым, Е. А. Миклашевич, О. А. Митько, В. А. Могильниковым, В. И. Молодиным, С. В. Неверовым, Е. А. Окладниковой, Д. Г. Савиновым, В. И. Соеновым, А. И. Соловьевым, С. С. Сорокиным, А. С. Суразаковым, Ю. В. Тетериним, Ю. С. Худяковым, А. В. Эбелем. Определенный объем материалов по культуре тюрок получен в ходе работ на территории Минусинской котловины и Тувы, реализованных Г. П. Данченко, Э. Н. Киргиниковым, Л. Р. Кызласовым, О. А. Митько, Ю. А. Плотниковым, А. И. Поселяниным, Д. Г. Савиновым, Ю. В. Тетериним, Ю. С. Худяковым.

Увеличение объема сведений о памятниках тюрок Монголии в 1969–1989 гг. связано с работами совместной Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции. В ходе исследований В. Е. Войтова, С. Г. Кляшторного, В. А. Лившиц, Н. Сэр-Оджава получены значительные результаты в области выявления новых, а также детального изучения уже известных мемориалов знати раннесредневековых кочевников. В 1979–1982 гг. серия «рядовых» оградок раннего Средневековья обследована Ю. С. Худяко-

вым. Раскопки нескольких тюркских погребений в разных частях страны проведены Х. Лхагвасурэном, Д. Наваном, Ю. С. Худяковым, Д. Цэвээндоржем.

Разноплановая интерпретация накопленных обширных материалов осуществлена рядом специалистов. В большей части работ представлен опыт систематизации памятников тюрков, изученных в отдельных регионах [Сэр-Оджав, 1970; Худяков, 1979; Васютин, 1983; Кубарев, 1984]. Кроме того, подготовлена серия обобщающих исследований, посвященных анализу результатов раскопок археологических комплексов тюрков Центральной Азии [Могильников, 1981; Савинов, 1984; Худяков, 1986; Овчиникова, 1990].

Таким образом, 1950-е — начало 1990-х гг. стали весьма важным периодом в изучении археологических памятников раннесредневековых тюрков Центральной Азии, имеющим определяющее значение для формирования и развития представлений по различным аспектам истории кочевников. В результате полевых исследований, осуществленных в это время, был накоплен обширный материал, демонстрирующий вариативность культуры кочевников на различных территориях ее распространения во второй половине I — начале II тыс. н. э. В работах целого ряда ученых состоялась систематизация этих сведений, что заложило основы для дальнейших исследований в обозначенном направлении. Не менее важным стало определение дискуссионных вопросов, требующих детальной проработки. Многие из них были раскрыты в статьях и монографиях археологов конца XX — начала XXI вв.

Четвертый этап (вторая половина 1990-х гг. — начало XXI в.). Во второй половине 1990-х гг. объем археологических исследований во многих частях Центральной Азии существенно сократился. В определенной степени это было связано с недостатком финансирования экспедиций. Однако одной из основных причин, затруднивших проведение раскопок в ряде регионов, прежде всего в Республике Алтай, стала сложная этносоциальная обстановка, проявившаяся, в том числе, в противодействии осуществлению полевых исследований. Работы археологических экспедиций осложнялись негативным отношением к ним местного населения, в значительной степени сформированным искусственно. К сожалению, определенная степень напряженности между археологами и жителями Республики Алтай, несмотря на отдельные позитивные тенденции в этом плане, сохраняется [Плетц и др., 2014]. Очевидно, проводившиеся в рамках рассматриваемого периода сравнительно немногочисленные исследования были сосредоточены преимущественно в северной части обозначенного региона, где ситуация несколько более спокойная. Кроме того, в большей степени в это время изучались «поминальные» комплексы, а раскопки погребений стали возможными, главным образом, только в ходе охранных археологических работ в зонах строительства хозяйственных объектов.

Напротив, в Монголии в обозначенный период наблюдается активизация археологических изысканий. Изменение политической ситуации в стране в начале 1990-х гг. серьезным образом отразилось на проводимых полевых исследованиях. С этого времени в стране работают многочисленные экспедиции ученых из стран ближнего и дальнего зарубежья — Бельгии, Великобритании, Германии, Италии, Казахстана, Кореи, США, Турции, Франции, Японии и др. Эти исследования, осуществляе-

мые на высоком уровне и с применением современных методик, не только позволили получить и ввести в научный оборот значительный объем материалов, но также послужили важным стимулом для развития археологической науки в Монголии в целом. Результатом работ совместных экспедиций монгольских исследователей и зарубежных специалистов стали исследованные памятники различных хронологических периодов, в том числе серия погребений и «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок. Наряду с исследованиями, осуществляемыми совместно с зарубежными учеными, монгольские археологи проводят и самостоятельные работы в разных частях страны.

Ключевой тенденцией современного этапа в изучении археологических комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии является не интенсивность раскопок, а в большей степени повышение уровня интерпретации уже накопленных обширных материалов. Важным моментом стало появление серии обобщающих работ. В большом количестве статей, ряде монографий и диссертационных сочинениях представлены результаты исследований, посвященных анализу специфики формирования и развития культуры кочевников во второй половине I тыс. н. э. [Митько, 1995; Худяков, 2004; Кубарев, 2005; Тишкин, Горбунов, 2005; Горбунов, 2006; Шелепова, 2009; Идэрхангай, 2017].

В результате полевых работ, проведенных в разных частях Центрально-Азиатского региона, сформирована представительная источниковая база археологических памятников, отражающая различные этапы истории тюрок. К настоящему времени раскопаны более 400 погребений, а также свыше 450 «поминальных» комплексов, включающих различные сооружения. В музейных центрах, локализованных главным образом в России и Монголии, хранится значительный объем коллекций, демонстрирующих материальную культуру раннесредневековых кочевников. Накоплена огромная информация о результатах разноплановых обследований тюркских комплексов. Нет сомнений в том, что информационный потенциал этих обширных данных реализован далеко не полностью.

Проведенный историографический анализ позволил определить степень изученности различных аспектов исследования археологических памятников тюрок Центральной Азии. Установлено, что наиболее разработанными являются вопросы исследования предметного комплекса кочевников. Кроме того, значительное количество публикаций посвящено решению проблем хронологии конкретных объектов и периодизации культуры кочевников. Наименее изученными остаются проблемы реконструкции сложных процессов формирования и эволюции различных элементов материальной и духовной культуры тюрок. Перспективы расширения и детализации представлений об истории тюрок связаны с проведением точечных полевых исследований в слабо изученных частях Центральной Азии. Наиболее важными являются раскопки погребальных и «поминальных» комплексов на территории Монголии, а также в Китае (Синьцзян). Не меньшее значение имеет выявление и исследование памятников тюрок в Казахстане и Средней Азии, что позволит более подробно рассматривать историю недолгого пребывания кочевников в данных регионах, а также процессы последующей трансформации их традиций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Артюх Е. А. Алтайский период в научной деятельности В. В. Радлова. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. 295 с.

Белокобыльский Ю. Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований (XVIII — первая треть XX в.). Новосибирск : Наука, 1986. 168 с.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск : изд. НГУ, 2005. 270 с.

Боровка Г. И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. Л. : Изд-во АН СССР, 1927. С. 43–88.

Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // Советская этнография. 1966. № 3. С. 60–81.

Васютин А. С. Культурные памятники древних тюрок Горного Алтая (VII–X вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1983. 16 с.

Владимирцов Б. Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. Л. : Изд-во АН СССР, 1927. С. 1–42.

Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в кульново-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М. : Изд-во ГМВ, 1996. 152 с.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 146 с.

Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М. : Изд-во восточной литературы, 1961. 94 с.

Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. Т. IV, вып. 2. 1929. С. 63–93.

Демин М. А. Первооткрыватели древностей. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1989. 120 с.

Длужневская Г. В. Сопроводительный инвентарь и вопросы половозрастной дифференциации древнетюркского общества (по материалам погребального обряда) // Из истории Сибири. 1976. Вып. 21. С. 193–200.

Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан : ХакНИИЯЛИ, 1948. 110 с.

Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. 1941. Вып. 16. С. 75–117.

Захаров А. А. Материалы по археологии Сибири (раскопки В. В. Радлова в 1965 г.) // Труды ГИМ. 1926. Вып. 1. С. 71–106.

Идэрхангай Т.-О. Тюркские оградки Монгольского Алтая: систематизация, хронология и интерпретация : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 26 с.

Киселев С. В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник гос. музея им. Н. М. Мартыанова в г. Минусинске. 1929. Т. IV, вып. 2. С. 1–162.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. 364 с.

Китова Л. Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): Изучение памятников эпохи металла. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2007. 272 с.

Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск : Наука, 1984. 230 с.

Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М. : Изд-во МГУ, 1969. 211 с.

Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М. : Изд-во МГУ, 1979. 207 с.

Левашова В. П. Два могильника кыргыз-хакасов // Материалы и исследования по археологии СССР. М. : Наука, 1952. № 24. С. 121–136.

Матющенко В. И. 300 лет сибирской археологии. Омск : Изд-во ОмГУ, 2009. 550 с.

Митько О. А. Население территории Среднего Енисея в эпоху Средневековья (VI–XVI вв.) (по данным погребальной обрядности) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1995. 23 с.

Могильников В. А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М. : Наука, 1981. С. 28–43. (Археология СССР).

Овчинникова Б. Б. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве // Советская археология. 1982. № 3. С. 210–218.

Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.

Плетц Г., Соенов В. И., Константинов Н. А. Робинсон Э. Международное значение репатриации «укокской принцессы» (готова ли российская археология к диалогу с коренными народами?) // Древности Сибири и Центральной Азии. 2014. № 7 (19). С. 17–45.

Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М. : Наука, 1989. 749 с.

Руденко С. И., Глухов А. Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. 1927. Т. III, вып. 2. С. 37–52.

Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. 175 с.

Серегин Н. Н., Матренин С. С. Археологические комплексы Алтая II в. до н. э. — XI в. н.э.: история исследований и основные аспекты интерпретации. Барнаул : Азбука, 2014. 230 с.

Сэр-Оджав Н. Эртний Турэгууд (VI–VIII зуун). Улаанбаатар : Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1970. 115 т.

Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. 1929. Т. IV, вып. 2. С. 41–62.

Тишкин А. А., Горбунов В. В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Трифонов Ю. И. Древнетюркская археология Тувы // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1971. Вып. 15. С. 112–122.

Худяков Ю. С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Наука, 1979. С. 194–206.

Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 152 с.

Шелепова Е. В. Ритуальные памятники кочевников Алтая поздней древности и раннего Средневековья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2009. 24 с.

REFERENCES

- Artiukh E. A. *Altaiiskii period v nauchnoi deiatel'nosti V. V. Radlova* [Altai period in the scientific activity of V. V. Radlova]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2010. 295 s. (in Russian).
- Belokobyĭskii Iu. G. *Bronzovyi i rannii zheleznyi vek Iuzhnoi Sibiri. Istoriiia idei i issledovaniia (XVIII — pervaiia tret' XX v.)* [Bronze and Early Iron Age of Southern Siberia. History of ideas and research (XVIII — first third of XX century)]. Novosibirsk: Nauka, 1986. 168 s. (in Russian).
- Borisenko A. Iu., Khudiakov Iu. S. *Izuchenie drevnostei Iuzhnoi Sibiri nemetskimi uchenymi XVIII–XIX vv.* [Study of Antiquities of Southern Siberia by German Scientists of the 18th — 19th centuries]. Novosibirsk: NGU, 2005. 270 s. (in Russian).
- Borovka G. I. *Arkheologicheskoe obsledovanie srednego techeniia r. Toly* [Archaeological survey of the middle reaches of the river Tola]. *Severnaia Mongoliia. Predvaritel'nye otchety lingvisticheskoi i arkheologicheskoi ekspeditsii o rabotakh, proizvedennykh v 1925 godu* [Northern Mongolia. Preliminary reports of the linguistic and archaeological expeditions on the work done in 1925]. L.: Izd-vo AN SSSR, 1927. S. 43–88 (in Russian).
- Demin M. A. *Pervootkryvateli drevnostei* [Discoverers of antiquities]. Barnaul: Alt. kn. izd-vo, 1989. 120 s. (in Russian).
- Dluzhnevskaiia G. V. *Soprovoditel'nyi inventar' i voprosy polovozrastnoi differentsiatsii drevnetiurkского obshchestva (po materialam pogrebal'nogo obriada)* [Accompanying inventory and issues of gender and age differentiation of ancient Turkic society (based on materials of the funeral rite)]. *Iz istorii Sibiri* [From the history of Siberia]. 1976, no. 21. S. 193–200 (in Russian).
- Evtiukhova L. A. *Arkheologicheskie pamiatniki eniseiskikh kyrgyzov (khakasov)* [Archaeological sites of the Yenisei Kyrgyz (Khakass)]. Abakan: KhakNIIIaLI, 1948. 110 s. (in Russian).
- Evtiukhova L. A., Kiselev S. V. *Otchet o rabotakh Saiano-Altaiiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1935 g.* [Report on the work of the Sayan-Altai archaeological expedition in 1935]. *Trudy GIM* [Works of the State Historical Museum]. 1941, no. 16. S. 75–117 (in Russian).
- Gavrilova A. A. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiiskikh plemen* [Kudyrge burial ground as a source on the history of Altai tribes]. M.; L.: Nauka, 1965. 146 s. (in Russian).
- Grach A. D. *Drevnetiurkские izvaiianiia Tuvy* [Ancient Turkic statues of Tuva]. M.: Izd-vo vost. lit-ry, 1961. 94 s. (in Russian).
- Griaznov M. P., Shneider E. R. *Drevnie izvaiianiia Minusinskikh stepei* [Ancient statues of the Minusinsk steppes]. *Materialy po etnografii* [Ethnographic materials]. 1929, T. IV, V. 2. S. 63–93 (in Russian).
- Iderkhangai T.-O. *Tiurkskie ogradki Mongol'skogo Altaia: sistematizatsiia, khronologiia i interpretatsiia: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Turkic enclosures of the Mongolian Altai: systematization, chronology and interpretation: Author's abstract. dis. ... cand. hist. sciences]. Barnaul, 2017. 26 s. (in Russian).
- Khudiakov Iu. S. *Drevnie tiurki na Enisee* [Ancient Tuks on Enisei river]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2004. 152 s. (in Russian).

Khudiakov Iu. S. Kok-tiurki na Srednem Enisee [Kok-Turks on the Middle Yenisei]. *Novoe v arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [New in archeology of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Nauka, 1979. S. 194–206 (in Russian).

Kiselev S. V. Materialy arkheologicheskoi ekspeditsii v Minusinskii krai v 1928 g. [Materials of an archaeological expedition to the Minusinsk region in 1928]. *Ezhegodnik gos. muzeia im. N. M. Mart'ianova v g. Minusinske* [Yearbook of the state Museum named after N. M. Martyanov in Minusinsk]. 1929, T. IV, no. 2. S. 1–162 (in Russian).

Kiselev S. V. *Drevniaia istoriia Iuzhnoi Sibiri* [Ancient history of Southern Siberia]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1949. 364 s. (in Russian).

Kitova L. Iu. *Istoriia sibirskoi arkheologii (1920–1930-e gody): Izuchenie pamiatnikov epokhi metalla* [History of Siberian Archeology (1920–1930s): Study of the Monuments of the Metal Age]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2007. 272 s. (in Russian).

Kubarev G. V. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov)* [The culture of the ancient Turks of Altai (based on materials of burial monuments)]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2005. 400 s. (in Russian).

Kubarev V. D. *Drevnetiurkskie izvaianiia Altaia* [Ancient Turkic sculptures of Altai]. Novosibirsk: Nauka, 1984. 230 s. (in Russian).

Kyzlasov L. R. *Istoriia Tuvy v srednie veka* [History of Tuva in the Middle Ages]. M.: Izd-vo MGU, 1969. 211 s. (in Russian).

Kyzlasov L. R. *Drevniaia Tuva (ot paleolita do IX v.)* [Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th century)]. M.: Izd-vo MGU, 1979. 207 s. (in Russian).

Levashova V. P. Dva mogil'nika kyrgyz-khakasov [Two burial grounds of the Kyrgyz-Khakass]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR]. 1952, no. 24. S. 121–136 (in Russian).

Matiushchenko V. I. *300 let sibirskoi arkheologii* [300 years of Siberian archeology]. Omsk: Izd-vo OmGU, 2009. 550 s. (in Russian).

Mit'ko O. A. *Naselenie territorii Srednego Eniseia v epokhu srednevekov'ia (VI–XVI vv.) (po dannym pogrebal'noi obriadnosti): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The population of the territory of the Middle Yenisei in the Middle Ages (VI–XVI centuries) (according to funeral rituals): Author's abstract. dis. ... cand. hist. sciences]. Novosibirsk, 1995. 23 s. (in Russian).

Mogil'nikov V. A. Tiurki [Turks]. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia* [The steppes of Eurasia in the Middle Ages]. M.: Nauka, 1981. S. 28–43 (in Russian).

Ovchinnikova B. B. Pogrebenie drevnetiurkskogo voina v Tsentral'noi Tuve [Burial of an ancient Turkic warrior in Central Tuva]. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet archeology]. 1982, no. 3. S. 210–218 (in Russian).

Ovchinnikova B. B. *Tiurkskie drevnosti Saiano-Altai v VI–X vv.* [Türkic antiquities of Sayan-Altai in the 6th–10th centuries]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1990. 223 s. (in Russian).

Pletts G., Soenov V. I., Konstantinov N. A., Robinson E. *Mezhdunarodnoe znachenie repatriatsii "ukokskoi printsessy" (gotova li rossiiskaia arkheologiia k dialogu s korennymi narodami?)* [The international significance of the repatriation of the "Ukok princess" (is Russian archeology ready for dialogue with indigenous peoples?)]. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii* [Antiquities of Siberia and Central Asia], 2014, no. № 7 (19). S. 17–45 (in Russian).

Radlov V. V. *Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika* [From Siberia: Diary Pages]. M.: Nauka, 1989. 749 s. (in Russian).

Rudenko S. I., Glukhov A. N. Mogil'nik Kudyrge na Altae [Kudyrge burial ground in Altai]. *Materialy po etnografii* [Ethnographic materials]. 1927, T. III, no. 2. S. 37–52 (in Russian).

Savinov D. G. *Narody Iuzhnoi Sibiri v drevnetiurkskuiu epokhu* [The peoples of southern Siberia in the ancient Turkic era]. L.: Izd-vo LGU, 1984. 175 s. (in Russian).

Seregin N. N., Matrenin S. S. *Arkheologicheskie komplekсы Altaia II v. do n. e. — XI v. n. e.: istoriia issledovaniia i osnovnye aspekty interpretatsii* [Archaeological complexes of Altai of II century BC–XI century AD: History of Research and Main Aspects of Interpretation]. Barnaul: Azbuka, 2014. 230 s. (in Russian).

Ser-Odzhav N. *Ertnii Tureguud (VI–VIII zuun)* [Ancient Turks (VI–VIII centuries)]. Ulaanbaatar: Shinzhlekh Ukhaany Akademiin khevel, 1970. 115 s. (in Mongolian).

Shelepova E. V. *Ritual'nye pamiatniki kochevnikov Altaia pozdnei drevnosti i rannego srednevekov'ia: Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [Ritual monuments of Altai nomads of late antiquity and early Middle Ages: Author's abstract. diss. ... cand. hist. sciences]. Barnaul, 2009. 24 s. (in Russian).

Teploukhov S. A. Opyt klassifikatsii drevnikh metallicheskiikh kul'tur Minusinskogo kraia [The experience of classification of ancient metal cultures of the Minusinsk region]. *Materialy po etnografii* [Ethnographic materials]. 1929, T. IV, no. 2. S. 41–62 (in Russian).

Tishkin A. A., Gorbunov V. V. *Kompleks arkheologicheskikh pamiatnikov v doline r. Biike (Gornyi Altai)* [A complex of archaeological sites in the valley of the river. Biike (Mountain Altai)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 200 s. (in Russian).

Trifonov Iu. I. *Drevnetiurkskaia arkheologiiia Tuvy* [Ancient Turkic archeology of Tuva]. *Uchenye zapiski TNIIALI* [Scientific notes of TNIIYALI]. 1971, no. 15. S. 112–122 (in Russian).

Vainshtein S. I. *Nekotorye voprosy istorii drevnetiurkskoi kul'tury (v sviazi s arkheologicheskimi issledovaniiami v Tuve)* [Some questions of the history of ancient Turkic culture (in connection with archaeological research in Tuva)]. *Sovetskaia etnografiia* [Soviet ethnography]. 1966, no. 3. S. 60–81 (in Russian).

Vasiutin A. S. *Kul'tovye pamiatniki drevnikh tiurok Gornogo Altaia (VII–X vv.): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Cult monuments of the ancient Turks of the Altai Mountains (VII–X centuries): Author's abstract. dis. ... cand. hist. sciences]. Kemerovo, 1983. 16 s. (in Russian).

Vladimirtsov B. Ia. *Etnologo-lingvisticheskie issledovaniia v Urge, Urginskom i Kenteiskom raionakh* []. *Severnaia Mongoliia. Predvaritel'nye otchety lingvisticheskoi i arkheologicheskoi ekspeditsii o rabotakh, proizvedennykh v 1925 godu* [Northern Mongolia. Preliminary reports of the linguistic and archaeological expeditions on the work done in 1925]. L.: Izd-vo AN SSSR, 1927. S. 1–42 (in Russian).

Voitov V. E. *Drevnetiurkskii panteon i model' mirozdaniia v kul'tovo-pominal'nykh pamiatnikakh Mongolii VI–VIII vv.* [Ancient Turkic pantheon and the model of the universe in the cult-memorial monuments of Mongolia in the 6th-8th centuries.]. M.: Izd-vo GMV, 1996. 152 s. (in Russian).

Zakharov A. A. *Materialy po arkheologii Sibiri (raskopki V. V. Radlova v 1965 g.)* [Materials on the archeology of Siberia (excavations by V. V. Radlov in 1965)]. *Trudy GIM* [Works of the State Historical Museum]. 1926, no. 1. S. 71–106 (in Russian).

Цитирование статьи:

СерEGIN Н. Н. Археология раннесредневековых тюрок Центральной Азии: основные этапы исследований и интерпретации комплексов // Народы и религии Евразии. 2020. № 4 (25). С. 65–79.

Citation:

Seregin N. N. Archeology of the early medieval turks of Central Asia: main stages of research and interpretations of the complexes. Nations and religions of Eurasia. 2020. № 4 (25). P. 65–79.

УДК 903.2

DOI: 10.14258/Nreur(2020)4–05

Д. В. Папин*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия)*

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОГО И ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ¹

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия населения археологических культур завершающей стадии бронзового века Алтая и корреляция их с хронологическими позициями базовых памятников. Отдельный вопрос в работе занимает проблематика радиоуглеродного датирования и соотнесение с археологическими представлениями. Рассматриваются как единичные, так и массовые радиоуглеродные даты для археологических памятников эпохи поздней бронзы. Установлено, что для данного периода хронологические рамки, полученные на основе радиоуглеродного датирования, не соответствуют археологическим представлениям, сформировавшимся в 70–80-е гг. XX в. в научной среде. По полученным датировкам начальный период эпохи поздней бронзы относится ко времени не позднее XIV в. до н. э., а конец эпохи — к X в. до н. э. Автором представлено обоснование хронологии для всех археологических культур региона. Приводятся примеры соотношения различных культурных компонентов на археологических памятниках. Корреляция полученных данных с результатами соседних территорий показала совпадение основных хронологических линий.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, степной и лесостепной Алтай, этнокультурное взаимодействие, хронология.

D. V. Papin*Institute of archeology and ethnology SB RAS, Novosibirsk (Russia)*

PROBLEMS OF ETHNIC AND CULTURAL INTERACTION OF THE POPULATION STEPPE AND FOREST-STEPPE ALTAI IN THE LATE BRONZE AGE

The article deals with the interaction of the population of archaeological cultures of the final stage of the Bronze Age of Altai and their correlation with the chronological positions of

¹ Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0329–2019–0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

the basic monuments. A separate issue in the work is occupied by the problem of radiocarbon dating and correlation with archaeological concepts. Both single and massive radiocarbon dates for archaeological sites of the Late Bronze Age are considered. It was found that for this period, the chronological framework obtained on the basis of radiocarbon dating does not correspond to the archaeological concepts formed in the 70–80s of the XX century in the scientific community. According to the dates obtained, the initial period of the Late Bronze Age dates back to no later than the XIV century BC, and the end of the era by the X century BC. The article presents the rationale for the chronology for all archaeological cultures of the region. Examples of the correlation of various cultural components on archaeological sites are given. Correlation of the obtained data with the results of neighboring territories showed the coincidence of the main chronological lines.

Keywords: the Late Bronze Age, steppe and forest-steppe Altai, ethnocultural interaction, chronology.

Папин Дмитрий Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий Барнаульской лабораторией археологии Южной Сибири ИАЭТ СО РАН, Новосибирск (Россия). *Адрес для контактов:* papindv@mail.ru

Papin Dmitry Valentinovich, candidate of historical sciences, senior researcher, Head, Barnaul Laboratory of Archeology of Southern Siberia, IAE SB RAS, Novosibirsk (Russia). *Contact address:* papindv@mail.ru

---

Территория степного и лесостепного Алтая на начальном этапе периода поздней бронзы характеризуется изменением культурной парадигмы, на смену андроновскому культурному единству приходит свита археологических культур, отличавшихся значительной вариабельностью. Во многом это было обусловлено тем, что региональная позиция Алтая связана со стыком двух крупных культурно-исторических провинций, с одной стороны — степных пространств Центральной Азии, а с другой — лесостепной полосы Западной Сибири, где долины Оби и Иртыша выступали естественными транспортными коридорами, обеспечивающими обмен человеческими и материальными ресурсами.

К настоящему времени вопросы генезиса позднебронзового населения и судьбы андроновских традиций относятся к числу самых дискуссионных. Недостаточно проработан вопрос появления новых культурных образований, что во многом обусловлено скудностью источниковой базы и отсутствием переходных типов, недостаточно представлены радиоуглеродные даты, в том числе и из закрытых комплексов. Термин «постандоновские» культуры скорее отражает хронологическую позицию, нежели культурное содержание.

К сожалению, в большинстве случаев не фиксируется четкая стратиграфия, позволяющая хронологически разграничить культурные горизонты, что в свою очередь порождает споры по соотношению тех или иных комплексов. Примером таких дискуссий может являться проблема соотношения бегазы-дандыбаевских, саргаринско-алексеевских, ирменских, черкакульских, донгальских и бурлинских древностей для территории степного Алтая или корчажкинских и ирменских — для лесостепного Алтая.

При отсутствии надежных реперов основные выводы делаются на основе анализа изменения орнаментальных схем и выявления направлений эволюции керамических комплексов [Папин, Федорук, 2005; Ситников, 2015]. Как правило, такие построения грешат определенной долей условности и трудно коррелируют между собой. Поэтому исследователи при разработке как внутренней хронологии периода, так и отдельных памятников испытывают определенные трудности.

Изначально хронологическая позиция рассматриваемого периода строилась на синхронизации бронзовых изделий региона с хорошо датированными материалами Китая. Основные подходы к проблематике периода поздней бронзы рассматривали данное время в рамках XII–IX (VIII) вв. до н. э., это даты ирменской и карасукской культур (М. Ф. Косарев, Ю. Ф. Кирюшин, А. В. Матвеев, В. И. Матющенко, В. И. Молодин, А. Б. Шамшин и др.) [Молодин, 1985; Шамшин, 1989; Матвеев, 1993; Зах, 1997: 132]. Нижняя граница была обусловлена андроновской (федоровской) культурой, а верхняя — переходным временем от бронзы к железу.

Корпус источников степного Алтая рассматриваемого периода представлен в основном поселениями. Наиболее изученными являются Бурла III, Гусиная Ляга, Жарково-3, Калиновка-II, Калиновка-IV, Миронов Лог-2, Новоильинка-1, Рублево-VI, Советский Путь, Суслово-1, Чекановский Лог-1, а так же грунтовый могильник Рублево VIII [Папин, Федорук, 2005; 2007b; Ситников, 2015]. Анализ керамики является важнейшим культурно диагностирующим индикатором, когда дифференцировать материалы на основе стратиграфических наблюдений невозможно. В этом плане наиболее перспективными являются поселения Жарково 3 и Рублево-VI. Так же, как и для большинства объектов степного Алтая, было выявлено, что разделить керамический комплекс на основе стратиграфического и планиграфического анализа не представляется возможным, так как вся керамика залегает совместно, за исключением андроновского строительного горизонта, зафиксированного на Жарково 3 [Папин, Степанова, Федорук, 2018].

Анализ декора, техники орнаментации и морфологии сосудов позволил выделить восемь групп керамики, которые были соотнесены с культурными традициями эпохи поздней бронзы региона. Основная группа керамики соответствует саргаринско-алексеевской культуре, самостоятельные линии развития представлены донгальской и ирменской группами, которые фиксируются в меньшем количестве. Кроме того, были выделены так называемые гибридные группы: саргаринско-дандыбаевская и ирмено-донгальская. Для степного Алтая ирменская традиция выступила в качестве местной, а саргаринско-алексеевская и донгальская традиции являются пришлыми. Процесс взаимодействия пришлых групп с ирменской культурой нашел отражение в ирмено-донгальской и группе сосудов с каннелюрами по шейке. Единичные находки бегазы-дандыбаевской и «круговой» посуды являются признаком импорта в среде саргаринско-алексеевской культуры [Папин, Степанова, Федорук, 2018].

Использование подходов технико-технологического анализа на уровне отдельных групп позволило установить местные и пришлые традиции и выявить направление межкультурных связей. Основной технологический уровень керамического производства, связанный с использованием дресвы, был зафиксирован в материалах обоих поселений, что свидетельствует о хорошей корреляции результатов.

При изготовлении донгальской, саргаринско-дандыбаевской, саргаринско-алексеевской керамики добавлялась дресва, но ирмено-донгальская и донгальская группы демонстрируют два различных подхода в использовании минеральных добавок с аналогичной технологической функцией [Папин, Степанова, Федорук, 2018]. В ирмено-донгальской керамике отсутствуют смешанные рецепты, так как под влиянием ирменской традиции происходит замещение дресвы шамотом в «донгале», который был сформирован на основе гончарной традиции Центрального Казахстана, для которой характерна дресва.

Степной Алтай в эпоху поздней бронзы входил в зону влияния саргаринско-алексеевской и ирменской культур. Причем взаимопроникновение было достаточно глубоким, так, например, самые западные ирменские памятники находятся на правом берегу Иртыша, в районе современного Павлодара. К сожалению, в настоящее время отсутствуют достоверные стратиграфические данные, позволяющие судить о взаимных хронологических позициях появления данных культур в регионе, но, как показал анализ керамики, процесс взаимодействия протекал в то время, когда обе культуры существовали в фазе своего максимального развития. Для обоих культурных образований степной Алтай не являлся местом генезиса, а был освоен в процессе широтного распространения. По всей видимости, скотоводческий характер хозяйства позволял и «саргаринцам», и «ирменцам» достаточно комфортно уживаться вместе, что приводило к активному взаимодействию.

Другим важным явлением, повлиявшим на культурное развитие региона, было появление традиций бегазы-дандыбаевской культуры. Керамика данной культуры единично встречается на ирменских и саргаринско-алексеевских памятниках лесостепного и степного Алтая, как правило, вместе с немногочисленными фрагментами «станковой» керамики, изготовленной на гончарном круге. Только на территории среднего течения Бурлы находки посуды этих групп существенно преобладают над остальными, что позволило выделить комплексы «бурлинского» типа памятников [Удодов, 1994].

Раскопки последних лет на Бурле 3 показали, что доля бегазы-дандыбаевской керамики существенно выше, чем на окружающих саргаринских поселках, а в керамической коллекции памятника преобладает круговая посуда, аналогичная керамике культуры Намазга 6. Зафиксированы факты смешения местных и пришлых традиций на уровне технологического производства керамики. Это позволяет предположить миграцию населения, обладавшего навыками изготовления керамики на гончарном круге и имевшей активные контакты с носителями бегазы-дандыбаевской культуры. Центр импульса, предположительно, находился в Средней Азии [Ломан, Папин, Федорук, 2017]. Также в материалах памятника выделяется керамика, находящая аналогии в пахомовской культуре Барабинской лесостепи. Воздействие «бурлинского» центра распространилось практически на всю территорию степного-лесостепного Алтая, но уже к финалу бронзового века эта традиция затухает. Пришлое население не оказало существенно влияния на процессы культурогенеза.

Завершающий этап бронзового века в регионе связан с «донгальскими» комплексами. «Донгальская» керамика является следствием дальнейшего развития саргаринско-алексеевской посуды. В пользу этого говорит обнаружение немногочисленных «донгальских» фрагментов керамики в культурном слое позднебронзовых поселений вперемеш-

ку с саргаринско-алексеевской посудой, а также сама орнаментация донгальских сосудов, являющаяся, на наш взгляд, промежуточным звеном между орнаментальными схемами сагаргаринско-алексеевской и раннескифской керамики [Папин, Федорук, 2007а].

Надо отметить, что выявленные в последние годы памятники переходного времени от бронзы к железу в Кулундинской степи демонстрируют определенную близость керамических комплексов к донгальской традиции, что прежде всего выражается в использовании таких идентичных элементов орнамента, как валик и жемчужник. Различие заключается в формах сосудов: для памятников начального этапа раннего железного века это баночные формы, для «донгала» — профилированные с отогнутым наружу венчиком. В этом плане они находятся в типологической близости с керамикой большереченской культуры переходного времени Верхнего Приобья. Это позволяет синхронизировать их и датировать концом IX–VIII вв. до н.э.

Как было указано выше, разработка вопросов хронологии эпохи поздней бронзы Алтая опирается в первую очередь на результаты анализа керамических серий. И в связи с этим важным является привлечение данных радиоуглеродного анализа. Нужно отметить, что полученные результаты носят единичный характер, ни для одного объекта не получена более или менее представительная серия, доступная для статистического исследования.

Наиболее компактная серия выявлена на основе изучения образцов с ирменского поселения Цыганкова Сопка I: СОАН 2876–975±50 гг. до н.э., СОАН 2998–985±60 гг. до н.э., СОАН 2999–760±30 гг. до н.э., СОАН 3000–975±55 гг. до н.э. Для ирменских курганов могильника Телеутский Взвоз I было получено две даты: СОАН 6861–1395±55 гг. до н.э. (№ 13, погребение 1) и СОАН 6862–1150±55 гг. до н.э. (№ 16, погребения 1, 2). С грунтового могильника Малый Гоньбинский Кордон 1/5 происходит дата СОАН 6860–1020±65 гг. до н.э. (погребение 16).

Массив дат для саргаринско-алексеевской культуры представлен образцами с поселения Рублево 6 и грунтового могильника Рублево 8. В первом случае результат был получен по костям животных: СОАН 4989 1050±45 гг. до н.э. и СОАН 4990 1120±90 гг. до н.э., почвенным образцам: СОАН 4986 865±50 гг. до н.э., СОАН 4987 995±35 гг. до н.э. и СОАН 4988 1040±50 гг. до н.э., СОАН-4742 1265±90 гг. до н.э. и древесине СОАН 4741 1385±45 гг. до н.э. [Папин, 2015]. Определения для позднебронзовых погребений грунтового могильника Рублево VIII были выполнены по костям человека, полученные значения укладываются в рамках XI–IX вв. до н.э. (UBA-26766, 25767, СОАН-7821).

Для «бурлинских» памятников разброс дат оказался более существенным — Бурла III: UBA24078 XVI–XIII вв. до н.э., UBA 24079 XVI–XV вв. до н.э., Кайгородка III СОАН 2693 1370±30 гг. до н.э.

В радиоуглеродной хронологии памятников периода поздней бронзы степного-лесостепного Алтая наиболее раннюю позицию занимают памятники «бурлинского типа». Для ирменской культуры к более раннему времени относятся курганный могильник Телеутский Взвоз-I СОАН 6861–1395±55 гг. до н.э., СОАН 6862–1150±55 гг. до н.э. и поселение Гусиная Ляга СОАН 6882 1275±65 гг. до н.э. Поселение Цыганкова Сопка I оказалась самым поздним в этом ряду синхронизируя с МГК-1/5 СОАН 6860–1020±65 гг. до н.э. (могила 16).

Таким образом, мы видим, что памятники «бурлинского» типа отражают наиболее раннее проникновение мигрантов с запада на территорию степного Алтая. И если для Бурлы 3 мы не фиксируем взаимодействия пришлого населения и носителей «ирменской культуры», то на следующем этапе, по материалам Рублево 6 и Жарково 3, эти процессы отражены в полной мере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Зах В. А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск : Наука. Сибирское предприятие РАН, 1997.

Ломан В. Г., Папин Д. В., Федорук А. С. Связи населения юга Западной Сибири и Средней Азии в эпоху поздней бронзы (по материалам керамических комплексов) // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2017. № 49. С. 32–36.

Матвеев А. В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск : Изд-во Алт. ун-та, 1993. 180 с.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.

Папин Д. В. Хронология памятников эпохи поздней бронзы степного и лесостепного Алтая // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2015. № 2–6 (62). С. 135–138.

Папин Д. В., Федорук А. С. Памятники эпохи поздней бронзы степной Кулунды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. вып. XIV. С. 147–152.

Папин Д. В., Федорук А. С. О своеобразии памятников финальной бронзы Степного Алтая // Экология древних и традиционных обществ : материалы Всероссийской научной конференции. Тюмень : Вектор Бук, 2007а. С. 121–124.

Папин Д. В., Федорук А. С. Погребальный обряд древнего населения степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы // Кадырбаевские чтения : материалы Международной научной конференции. Актобе : ПринтА, 2007b. С. 81–86.

Папин Д. В., Степанова Н. Ф., Федорук А. С. Керамика эпохи поздней бронзы степного Обь-Иртышского междуречья как источник для реконструкции процессов этнокультурного взаимодействия // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 19–31.

Ситников С. М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул : Изд-во АлтГПУ, 2015. 254 с.

Удодов В. С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1994. 21 с.

Шамшин А. Б. Переходное время от эпохи бронзы к эпохе раннего железа в Барнаулском Приобье (VIII–VI вв. до н. э.) // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1989. С. 116–129.

REFERENCES

Zakh V. A., 1997. Epokha bronzy Prisalair'ia (po materialam Izyilinskogo arkheologicheskogo mikroraiona) [The Bronze Age of the Salair region (based on materials from the Izolinsky archaeological micro district)]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe predpriiatie RAN (in Russian).

Matveev A. V., 1993 Irmenskaia kul'tura v lesostepnom Priob'e [Irmen culture in the Ob region]. Novosibirsk: Izd-vo Novosibirsk gos. un-t. 180 s. (in Russian).

Loman V. G., Papin D. V., Fedoruk A. S., 2017. Sviasi naseleniia iuga Zapadnoi Sibiri i Srednei Azii v epokhu pozdnei bronzy (po materialam keramicheskikh kompleksov) [Connections of the population of the south of Western Siberia and Central Asia in the Late Bronze Age (based on materials of ceramic complexes)]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, no 49. S. 32–36 (in Russian).

Molodin V. I., 1985. Baraba v epokhu bronzy [Baraba in Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka. 200 s. (in Russian).

Papin D. V., 2015 Khronologii pamiatnikov epokhi pozdnei bronzy stepnogo i lesostepnogo Altaia [Chronology of sites of the Late Bronze Age of the steppe and forest-steppe Altai]. Vestnik Kemerovskogo gos. un-ta. № 2–6 (62). S. 135–138 (in Russian).

Papin D. V., Fedoruk A. S., 2005. Pamiatniki epokhi pozdnei bronzy stepnoi Kulundy [Monuments of the Late Bronze Age of the Kulunda]. Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo nasledii Altaia. Barnaul: Altaiskii gosuniversitet. XIV. S. 147–152 (in Russian).

Papin D. V., Fedoruk A. S. 2007a. O svoeobrazii pamiatnikov final'noi bronzy Stepnogo Altaia [On the originality of the monuments of the final bronze of Steppe Altai]. Ekologii drevnikh i traditsionnykh obshchestv. Tiumen': Vektor Buk. S. 121–124 (in Russian).

Papin D. V., Fedoruk A. S., 2007b. Pogrebal'nyi obriad drevnego naseleniia stepnogo Ob' — Irtysh'ia v epokhu pozdnei bronzy [The funeral rite of the ancient population of the steppe Ob-Irtyshia in the Late Bronze Age]. Kadyrbaevskie chteniia. Aktobe: PrintA' S. 81–86 (in Russian).

Papin D. V., Stepanova N. F., Fedoruk A. S. 2018 Keramika epokhi pozdnei bronzy stepnogo Ob' — Irtyshskogo mezhdurech'ia kak istochnik dlia rekonstruktsii protsessov etnokul'turnogo vzaimodeistviia [Ceramics of later bronze, steppe Ob-Irtysh interduit as a source for reconstruction of the processes of ethno-cultural interaction]. Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. № 3 (42). S. 19–31 (in Russian).

Sitnikov S. M., 2015. Kul'tura sargarinsko-alekseevskogo naseleniia lesostepnogo i stepnogo Altaia [Culture of the Sargarin-Alekseev population of the forest-steppe and steppe Altai]. Barnaul: AltGPU/ 254 s. (in Russian).

Shamshin A. B., 1989. Perekhodnoe vremia ot epokhi bronzy k epokhe rannego zheleza v Barnaul'skom Priob'e (VIII–VI vv. do n. e.) [The transition period from the Bronze Age to the Early Iron Age in the Barnaul Ob region (VIII–VI centuries BC)]. Zapadnosibirskaia lesostep' na rubezhe bronzovogo i zheleznoogo vekov. Tiumen': Izd-vo Tium. gos. un-t. S. 116–129 (in Russian).

Цитирование статьи:

Папин Д. В. Проблемы этнокультурного взаимодействия в период поздней бронзы степного и лесостепного Алтая // Народы и религии Евразии. 2020. № 4 (25). С. 80–86.
Citation:

Papin D. V. Problems of ethnocultural interaction during the late bronze period of the steppe and forest-steppe Altai. Nations and religions of Eurasia. 2020. № 4 (25). P. 80–86.

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 39

DOI: 10.14258/nreur(2020)4–06

М. Б. Кожя, А. Ю. Балтабаева

---

*Международный казахско-турецкий университет им. Ходжа Ахмеда Ясави,
Туркестан (Казахстан)*

ТУРКЕСТАНСКАЯ ЛЕГЕНДА О НОЕВОМ КОВЧЕГЕ НА ВЕРШИНЕ ГОРЫ КАЗЫКУРТ¹

Целью статьи является изложение результатов исследования вопроса о времени появления сказаний казахов и узбеков района Средней Сырдарьи об остановке Ноева ковчега на вершине туркестанской горы Казыкурт, которая отличается от традиционных представлений как христиан, так и мусульман. Основными источниками по данной теме служат сообщения арабских, тюркских и русских путешественников, восточных авторов, фольклорные, этнографические и археологические материалы, данные топонимики. Работа основана на комплексном, междисциплинарном подходе к изучению прошлого. Автор на основе анализа информации К. Миллера о Казыкурте, зафиксированное в материалах поездки в 1738–1739 гг. в Ташкент, высказывает предположение о существовании туркестанских сказаний о всемирном потопе в период позднего Средневековья. Появление легенды об остановке Ноева ковчега на вершине Казыкурта связывается с распространением ислама среди тюркоязычных племен. Высказано предположение о том, что в среде тюркоязычных кочевников района Средней Сырдарьи где-то в период XIV–XVI вв. происходила адаптация рассказов Рабгузи о ковчеге Ноя, приставшего к местной сакральной горе. Традиция паломничества к горе Казыкурт сохраняется в настоящее время.

---

¹ Работа выполнена в рамках грантового проекта МОН РК / Комитет науки РК AP05132474 «Модернизация культурного наследия Великого Шелкового пути на основе комплексного исследования памятников культуры (на примере Туркестанского региона)».

Ключевые слова: Ноев ковчег, легенда, топонимы, археологические и этнографические памятники, казахи и узбеки, паломничество, гора Казыкерт, Туркестан, Казахстан, Средняя Азия.

M. B. Kozha, A. Yu. Baltabayeva

International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yassawi, Turkistan (Kazakhstan)

TURKESTAN LEGEND OF NOAH'S ARK ON TOP OF MOUNT KAZYGURT

The purpose of this article is to present the results of a study of the question of the time of appearance of the legends of the Kazakhs and Uzbeks of the Middle Syr Darya to stop Noah's ark on top of the Turkestan mountains Kazygurt, which differs from the traditional views both Christians and Muslims. The main sources on the topic are reports in Arabic, Turkish and Russian travelers, East of the authors, folklore, ethnographic and archaeological materials, these place names. The work is based on an integrated, interdisciplinary approach to the study of the past. The author based on the analysis of the message by K. Miller on Kazykurt recorded in the materials travel in 1738–1739 in Tashkent, Turkestan prove the existence of legends about the great flood in the late middle ages. There is reason to associate the appearance of the legends of the stop of Noah's ark on top of Kazygurt with the spread of Islam among the Turkic tribes. It is proposed that among the Turkic-speaking nomads somewhere in the period of XIV–XVI centuries there was an adaptation of short stories Ragusa about the ark of Noah to the local sacral mountain. The tradition of pilgrimage to the mountain Kazygurt retained at this time.

Keywords: Noah's ark, legend, place names, archaeological and ethnographic monuments, Kazakhs and Uzbeks, pilgrimage, mountain Kazygurt, Turkestan, Kazakhstan, Central Asia.

Кожа Мухтар Бакадырулы, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института археологии, Международный казахско-турецкий университет им. Ходжа Ахмеда Ясави, Туркестан (Казахстан). **Адрес для контактов:** mukhtar_kozha@mail.ru.

Балтабаева Алена Юлдашқызы, кандидат философских наук, ассоциированный профессор, руководитель отдела организации научно-исследовательской работы, Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави, Туркестан (Казахстан). **Адрес для контактов:** alyona.baltabayeva@ayu.edu.kz

Kozha Mukhtar Bakadyrula, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Institute of Archeology, Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi, Turkestan (Kazakhstan). **Contact address:** mukhtar_kozha@mail.ru

Baltabayeva Alyona Yuldashkyzy, PhD professor, Head of Research Organization of the International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yassawi, Turkistan (Kazakhstan). **Contact address:** alyona.baltabayeva@ayu.edu.kz

Среди жителей Южного Казахстана распространены сказания о том, что после всемирного потопа именно к вершине Казыкурта причалил ковчег Нуха (пророка Ноя). Информация об этой неординарной легенде нашла отображение в энциклопедическом издании России начала XX в.: «...двурогая вершина Казыкурт, замечательная не столько своей вышиной (около 5000 футов), сколько широкой известностью среди мусульманского населения края как место погребения святого Казыкурта и остановки Ноева ковчега после потопа. Об этом Туркестанском Арарате сложен ряд легенд и преданий, и киргизские (казахские. — *авт.*) певцы, играя на кобызе и домбре, до сих пор перечисляют в своих песнях животных, спасшихся в ковчеге на вершине Казыкурта» [Россия, 1913: 606].

Возникает вопрос: как миф, чья реальная основа, связанная с потопом в древнейшей Месопотамии, оказался привязанным к горе Казыкурт на территории Южного Казахстана? В научной литературе, основываясь на данных топонимики и легенды, было высказано предположение, что гора, имеющая легенду о всемирном потопе, была названа первыми несторианскими миссионерами и воспринята как святое, сакральное место христиан, которое получило переосмысление в форме — «стан на горе», «горное поселение», «горная пристань». В связи с этим предполагалось, что «образование топонима *gargird* могло произойти в период распространения в Центральной Азии христианства несторианского толка, хронология которого, по мнению большинства современных ученых, ведет начало с IV в. н.э». Считается, что существовавшие древние ритуальные обряды посещения горы Казыкурт были канонизированы христианами, а позже и мусульманами [Байтанаев, 2003:76–79; Калдыбеков, 2005: 54–55].

Однако здесь не учтено, что сказание о Казыкурте противоречит традиционным представлениям о месте остановки ковчега как христиан, так и мусульман. Согласно распространенным в Европе воззрениям Арарат является местом, куда пристал библейский Ной [Новосельцев, 1978: 61–62], по мусульманской версии — гора Джуди. Известный среднеазиатский историк Абулгази (1603–1664) прямо указывал, что «ковчег остановился на горе Джуди, в стране Сирийской, вблизи города Мосула» [Абуль-Гази-Багадур-хан, 1996:165].

Следует также отметить, что указанная этимология оронима Казыкурт противоречит наличию на территории Казахстана еще двух гор, носящих название Казыкурт [Топонимика Казахстана, 2010: 482]. Необходимо иметь в виду, что легенда об остановке Ноева ковчега относится только к туркестанской горе Казыкурт. Наличие по крайней мере трех гор с одинаковым названием в различных регионах дает основание предположить, что Казыгурт — представляет, скорее всего, архаичный географический термин, служивший для обозначения какой-то особенности горы. Вероятно, второй компонент сложного гибридного оронима имеет финно-угорское происхождение и сохранился в саамском языке. В географическом словаре части Кольского полуострова читаем, что термин *курт* по саамски — «борозда в горах» [Баркан, 2012: 7]. Это соответствует характерной особенности горы Казыгурт — наличию на вершине горы углубления, которое местное население считает местом стоянки корабля Ноя (см. рис. 1). Поэтому ороним Казкурт можно объяснить как «гора с бороздой» [Кожа, 2014: 222], «место стоянки корабля Ноя».

Рис. 1. Так называемое место стоянки корабля Ноя. Казыкурт

Для выяснения вопроса о времени появления сказания о Ноевом ковчеге на вершине Казыкурта важны сообщения источников об указанном топониме. Впервые Казыкурт фиксируется как населенный пункт *Газкерд* на пути из Шаша (Ташкента) в Испиджаб (Сайрам) в сочинении арабского географа IX в. Ибн Хордадбега, который, как считается, использовал данные, восходящие к середине или к концу VIII в. [Волин, 1960: 74].

Немного позже этот топоним отмечен Кудама ибн Джаффаром при описании маршрута из Шаша до Испиджаба: «От города Шаша до военного лагеря внутри стены 2 фарсаха, отсюда до Газкерда 5 фарсахов. От Газкерда по пустыне до Испиджаба 4 фарсаха» [Волин, 1960: 76]. Расстояние в 4 фарсаха (около 32 км) приблизительно соответствует местоположению горы Казыкурт от Испиджаба (современное с. Сайрам). В X в. о Газкерде как о населенном пункте писали арабские географы аль-Истахри и ал-Макдиси [Волин, 1960: 78, 83]. Предполагается, что Газкерд восходит к названию горы, у подножия которой располагалось селение Газкерд [Байтанаев, 2003: 76–79].

В тюркоязычной рукописи, датируемой серединой XIV в., упоминается суфийский шейх Исмаил ата Казыгуртский [Исламизация, 2013: 25, 128, 371], что свидетельствует либо о месте его рождения или проживания в селении Казыгурт. Следует отметить отсутствие в указанных источниках какой-либо информации о сакральности горы Казыкурт.

Как гора туркестанский Казыкурт впервые упомянут в книге Зайн ад-Дина Васифи «Удивительные события» в описании похода Убайдуллах-хана. Автор указал, что хан остановился «в первый день священного месяца мухарамма» 1537 г. у подножия горы Казыкурт, где «возносил мольбу к чертогу внимающего молитвам» [Материалы по истории, 1969: 179].

В русских источниках гора Казыкурт впервые встречается в материалах поездки в 1738–1739 гг. поручика К. Миллера и геодезиста А. Кушелева в Ташкент: «От Таш-

кента, расстоянием верст с 50, есть гора, которая называется Казгурт-ата, т. е. Отец горам. Об оной говорят, будто на ней стал Ковчег Ноев, и ныне-де лежит на той горе великая окаменелая доска» [Путевые дневники; 2007: 49]. Это сообщение К. Миллера служит доказательством существования туркестанских сказаний о всемирном потопе, где, судя по тексту записи, в иерархии гор Казыкурт занимал верхнюю ступень («отец горам») и являлся местом остановки Ноева ковчега, от которого сохранилась «на той горе великая окаменелая доска». Несколько позже «г. Казгурт-ата», скорее всего, на основе данных экспедиции К. Миллера, появилась на карте русского картографа И. Исленьева, составленной в 1777 г.

Через 70 лет топоним Казыкурт в форме Козыгурт фиксирует Филип Назаров в своем отчете о путешествии в Коканд в 1813 г. В описании маршрута движения каравана от Шымкента в направлении Ташкента указывается: «на другой день дошли до высочайшей горы Козыгурт, на высоте коей, утверждают азиаты, будто находится днище Ноева ковчега. Так как гора сия имеет <бесчисленное> множество хребтов и ущелий, в коих скрываются хищники, то я не мог быть на ней» [Назаров, 1968: 33].

Первое научное описание горы Казыкурт дал знаменитый путешественник Н. А. Северцев, посетивший этот район в 1864 г. Ученый отметил, что крутой двуглавый пик, поднимающийся над равниной, почти вдвое выше предшествующей ему части хребта, и что именно этот-то собственно пик, а не весь завершающийся им хребет, носит у местных жителей имя Казыкурт-ата, которое Гумбольдт присвоил мнимому меридиональному хребту, продолжению Болора между Сырдарьей и истоками Арыси. Н. А. Северцев указал, что у жителей городов Шымкент, Сайрам и у казахов-кочевников вершина Казыкурт-ата, выделяющаяся своим видом, считается той самой горой, где остановился Ноев ковчег [Северцев, 1947: 97–98].

Таким образом, в сообщениях авторов IX–XIV вв. о Казыкурте нет каких-либо свидетельств сакраментальности рассматриваемой горы. Первое документально установленное указание сакральности горы Казыкурт относится к 1738 г., что свидетельствует о бытовании легенды в период позднего Средневековья. Указание в сочинении автора XVI в. о молитвах хана у подножия горы было связано с наступлением у мусульман «священного месяца мухарамма» и, скорее всего, не связано с сакральностью Казыкурта.

Культ горы Казыкурт, скорее всего, сформировался в среде древних кочевников-скотоводов региона [Байтанаев, 2003: 76–79]. «Прекрасные пастбища, свежая ключевая вода и прохладный воздух привлекают на гребень Казыкурта множество кочевников с их стадами; даже в июне, когда мне пришлось быть на вершинах Казыкурта, гребень его и все широкие луговые долины, спускающиеся к югу и северу, уже заняты были многочисленными аулами киргиз (казахов. — *авт.*), а разжиревший скот, особенно толстые верблюды, свидетельствуют о благодетельном влиянии казыкуртовских пастбищ», — писал географ И. В. Мушкетов о своем посещении этого места в 1874 г. [1886: 442].

Наиболее ранними археологическими памятниками на горе Казыкурт являются курганы древних кочевников. Примечательна цепочка из трех курганов с каменными насыпями диаметром от четырех до шести метров, расположенная на гряде, примыкающей почти перпендикулярно к южному склону посередине седловины Казыкурта.

Аналогичные погребальные сооружения, исследованные в непосредственной близости к Казыкурту, датируются V–III вв. до н. э. [Байтанаев, 2003: 80–81]. К периоду ранних кочевников следует отнести случайную находку 2020 г. у подножия горы на территории с. Енбекши (рис. 2).

Рис. 2. Керамическая кружка. Казыкурт

Согласно сказанию, записанному по просьбе известного этнографа и фольклориста А. Диваева местным жителем М. Махдибаевым, до появления Ноева ковчега гора Казыкурт являлась местом проживания святого Казыкурт-ата: «В нашем отечестве с древнейших времен сохранилось предание, пересказываемое старцами из поколения в поколение, что святой Казыкурт-ата-аулие, был создан всемогущим Творцом одновременно с землей и небом... А остановился корабль на этой горе потому лишь только, что на нем обитал св. Казыкурт-ата. С тех пор гора и стала так называться» [Диваев, 1896: 2].

Рядом с курганами располагается выложенный из камней крест шириной 4 м и длиной 32 м. Существовали различные толкования происхождения креста. По одной из версий — это ритуальное сооружение последователей пророка Заратуштры. Однако детальное обследование каменного креста Б. Байтанаевым опровергло мнение о его древнем происхождении. В интернете были выявлены материалы, свидетельствующие о его возведении в 30-х гг. XX в. [Байтанаев, 2003: 79–86]. Следует отметить отсутствие упоминания креста в описаниях И. В. Мушкетова о горе Казыкурт [1886: 442].

Есть основания связать появление легенды об остановке Ноева ковчега на вершине Казыкурта с распространением ислама среди тюркоязычных племен. Распространение ислама на территории Казахстана было длительным историческим процессом, начавшимся с арабских завоеваний в VIII в. Еще в начале XIII в. хорезм-шах Мухаммед (1200–1220) воевал с кипчаками-язычниками на Сырдарье. Лишь в XIV в. произошло обращение большей части населения степных районов улуса Джучи в мусульманство [Ерофеева, 2017: 61–70].

Примерно в первой половине XIII в. появилась одна из первых тюркоязычных версий «Сказания о пророках» Рабгузи, где красочно описываются действия Ноя по спа-

сению своих последователей, животных и растений в период потопа. Выбор горы Рабгузи объясняет тем, что «гора Джуди была ниже всех гор. Прочие горы гордились, думая, что ковчег остановиться на них. Джуди со смирением говорила: а я не достойна этой чести. Бог всевышний прибавил ей вышины, и ковчег остановился на ней» [Остроумов, 1874: 125]. Схожий критерий выбора горы для ковчега озвучен в казыкуртовском сказании: «Хотя гора Казыкурт и была невысока, но, по своему положению (святости), она стояла выше всех гор вселенной, потому что во время мук от всемирного потопа, когда весь мир скрылся под водою, вершина ея осталась не потоплена водой и на ней остановился корабль Ноя» [Диваев, 1896: 2].

В основе туркестанского сказания о потопе, скорее всего, лежит мусульманская версия Рабгузи. Произведение Рабгузи имело широкое распространение у тюркских народов. Как считают специалисты, сочинение автора XIV в. отличается от арабских и персидских версий сказаний о пророках и вобрало в себя довольно значительный пласт старотюркского фольклора [Каюмова, 2006: 331–332]. Рабгузи, судя по нисбе, родился и жил в местности Рабати-Угузи, что локализуется на месте археологического памятника Рабат вблизи старого русла Сырдарьи, известного как Огузсай (Туркестанская область, Отрарский район РК) [Қожа, 2006: 33–36].

Можно предположить, что в среде тюркоязычных кочевников где-то в XIV–XVI вв. происходила адаптация рассказов Рабгузи о ковчеге Ноя к местной сакральной горе. Местные жители называют это место «Кеме калган» — «место, где остался корабль». И предание о всемирном потопе казахи и узбеки района Средней Сырдарьи стали связывать не с горой Джуди в далекой Аравии, а с туркестанской горой Казыгурт. Причем акцент в степных преданиях делался на спасении верблюда, лошади, коровы, барана, имевших первостепенное значение для насельников Дешти-Кипчака.

В конце XIX в. известный этнограф и фольклорист А. Диваев опубликовал легенду о Казыкуртовском ковчеге, которое распевалось в стихотворной форме:

На вершине Казыкурта остановился корабль,
Если бы не был он великим, святым, то зачем бы ему останавливаться?
На вершине Казыкурта спасся сирота-верблюжонок,
Покровителем его был Увайс-иль-Кара!
На вершине Казыкурта остановился корабль,
Если бы не был он великим, святым, то зачем бы ему останавливаться?
На вершине Казыкурта спасся паршивый жеребенок,
Покровителем его был Джылкы-ата!
На вершине Казыкурта остановился корабль,
Если бы не был он великим, святым, то зачем бы ему останавливаться?
На вершине Казыкурта спаслась телка, страдающая поносом,
Покровителем ея был Занги-баба!
На вершине Казыкурта остановился корабль,
Если бы не был он великим, святым, то зачем бы ему останавливаться?
На вершине Казыкурта спасся годовалый барашек,
покрытый коростой, покровителем его был Чопан-ата!
[Диваев, 1896: 5–9].

Легенда о горе Казыгурт как месте остановки знаменитого ковчега была известна и в других регионах Казахстана. Об этом можно судить по записям проживавшего в Центральном Казахстане М-Ж. Копеева (1858–1931), который слышал в детстве от стариков легенду про остановку ковчега Ноя на вершине Казыгурт. По преданиям Наурыз как праздник начали отмечать спасшиеся в ковчеге люди [Көпейұлы, 2008: 47]. Гора Казыгурт как место остановки Ноева ковчега была известна и местным узбекам, о чем писали Н. А. Северцев и Н. А. Маев [Северцев, 1947: 97–98; Маев, 1872: 26]. Известный советский узбекский писатель Айбек, рассказывая о своем детстве в дореволюционный период, пишет о том, как группа узбеков (среди них и его отец) из Ташкента совершила восхождение на вершину горы, умалчивая цель этой поездки [Айбек, 1964: 92, 98–102].

Рис. 3. Могила Акбура-ата. Казыгурт

У подножия горы имеются несколько святых мест. На юго-западном подножье горы располагается могила Акбура-ата (рис. 3). Сюда приезжают бездетные женщины или те, у которых часто умирают дети. Они совершают обряд поклонения святому месту, приносят в жертву скот, ночуют и просят дать им потомство. У села Акбастау есть пещера — обитель святого Козди-ата. В пещере лежит камень — место, где Козди-ата исполнял свои молитвы. Рядом с пещерой течет родник и находится могила этого святого. Считается, что святое место помогает незрячим. Шилтер-ата — это сакральное место, где по легенде остановились на ночлег и затем исчезли неведомо куда сорок святых — «Ғайып ертең қырық шілтен». В этом предании слышатся отголоски суфийских представлений о мусульманских святых «гайб» (араб. — «отсутствующий, исчезнувший, скрывшийся»). У святого места бьют из земли три родника, которые считаются целебными. Недалеко растёт тутовое дерево, возле которого паломники читают молитвы. Выше располагается скала высотой почти 10 м, у которой обычно остаются на ноч-

лег паломники. Она расколота на две части, одну часть называют Ата — отец, вторую Ана — мать. Паломники пробираются через узкую расщелину между ними. Считается, что грешные люди застревают в расщелине, или же обитающая в ней змея святого не пропускает грешников [Кожа, 2011: 444–453].

После приобретения независимости Постановлением Президиума Верховного Совета Казахстана от 4 мая 1993 г. административная единица Южно-Казахстанской области, где располагается гора Казыгурт — Ленинский район, был переименован в Казыгуртский. С конца 90-х гг. XX в. гора Казыгурт вновь стала объектом паломничества и туризма. Прежде всего это связано с активной деятельностью паломнических движений Казахстана, для которых открытие новых маршрутов к святым местам стало доходным делом [Калдыбеков, 2005: 55]. У подножия горы в 2018 г. в областном масштабе отметили праздник Наурыз. Местные власти планируют создание современного паломническо-туристического комплекса у подножия горы Казыгурт.

ББЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абуль-Гази-Багадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакимф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Стэнли Лэнь-Пуль. Мусульманские династии. Москва ; Ташкент ; Бишкек, 1996. 544 с.

Айбек. Детство. Ташкент, 1964. 247 с.

Байтанаев Б. А. Древний Испиджаб. Шымкент ; Алматы, 2003. 136 с.

Баркан В. Ш. Географический словарь части Кольского полуострова. Мончегорск, 2012. 66 с.

Волин С. Л. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах // Труды института истории, археологии и этнографии. Т. VIII. Алма-Ата, 1960. С. 72–92.

Диваев А. А. Легенда о Казыкуртовском ковчеге // Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. Т. 5. Ташкент, 1896. С. 1–11.

Ерофеева И. В. Исторические этапы исламизации тюркоязычного населения Казахстана // Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом Шелковом пути. Алматы, 2017. С. 61–70.

Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии. Т. 1. Алматы ; Блумингтон : Дайк-Пресс, 2013. 640 с.

Калдыбеков Б. Н. Священные горы Казахстана как объект культурного наследия // Сохранение и использование объектов культурного и смешанного наследия современной Центральной Азии. Алматы, 2005. С. 51–60.

Каюмова И. ар-Рабгузи // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь. Т. 1. М. : Восточная литература, 2006. С. 331–332.

Кожа М. Казыгурт // Историческая топонимика Казахстана. Алматы, 2014. С. 221–223.

Кожа М. Священная гора Казыгурт // От Алтая до Каспия: атлас памятников и достопримечательностей природы, истории и культуры Казахстана. Т. 2. Алматы, 2011. С. 444–453.

Көпейұлы М. Ж. Көп томдық шығармалар жинағы. Т. 8. Алматы, 2008. 144 с. (на казахском языке).

Қожа М. Ортағасырлық Отырар. Аңыздар, деректер, зерттеулер. Түркістан: Туран, 2006. 239 с. (на казахском языке).

Маев Н. А. Топографический очерк Туркестанского края. Орография и гидрография края // Материалы для статистики Туркестанского края: ежегодник. Вып. 1. СПб., 1872. С. 3–115.

Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата : Наука, 1969. 651 с.

Мушкетов И. В. Туркестан. Географическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 г. по 1880 г. Т. 1. СПб., 1886. 749 с.

Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М. : Наука, 1968. 69 с.

Новосельцев А. П. О местонахождении библейской «горы Арарат» // Восточная Европа в древности и Средневековье. М. : Наука, 1978. С. 61–66.

Остроумов Н. Критический разбор мухаммеданского учения о пророках // Миссионерский противомусульманский сборник. Вып. IV. Казань, 1874. 239 с.

Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века // История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 6. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 516 с.

Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Туркестанский край. СПб., 1913. 861 с.

Северцев Н. А. Путешествия по Туркестанскому краю. М. : ОГИЗ, 1947. 304 с.

Топонимика Казахстана: энциклопедический справочник. Алматы : Аруна, 2010. 816 с.

REFERENCES

Abul' — Gazi-Bagadur-khan. Rodoslovnnoe drevo tiurkov. Ioakinf. Istoriia pervykh chetyrekh khanov doma Chingisova. Stenli Lən' — Pul'. Musul'manskie dinastii. Moskva-Tashkent-Bishkek, 1996. 544 s. (in Russian).

Aibek. Detstvo. Tashkent, 1964. 247 s. (in Russian).

Baitanaev B. A. Drevnii Ispidzhab. Shymkent-Almaty, 2003. 136 s. (in Russian).

Barkan V. Sh. Geograficheskii slovar' chasti Kol'skogo poluostrova. Monchegorsk, 2012. 66 s. (in Russian).

Volin S. L. Svedeniia arabskikh istochnikov IKh-KhVI vv. o doline reki Talas i smezhnykh raionakh // Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii. T. VIII. Alma-Ata, 1960. S. 72–92. (in Russian).

Divaev A. A. Legenda o Kazykurtovskom kovchege // Sbornik materialov dlia statistiki Syrdar'inskoi oblasti. T.5. Tashkent, 1896. S. 1–11 (in Russian).

Erofeeva I. V. Istoricheskie etapy islamizatsii tiurkoiazыchnogo naseleniia Kazakhstana // Religii Kazakhstana i Tsentral'noi Azii na Velikom Shelkovom puti. Almaty, 2017. S. 61–70 (in Russian).

Islamizatsiia i sakral'nye rodoslovnnye v Tsentral'noi Azii. Tom 1. Almaty; Blumington: Daik-Press, 2013. 640 s. (in Russian).

Kaldybekov B. N. Sviashchennye gory Kazakhstana kak ob'ekt kul'turnogo nasledii // Sokhranenie i ispol'zovanie ob'ektov kul'turnogo i smeshannogo nasledii sovremennoi Tsentral'noi Azii. Almaty, 2005. S. 51–60 (in Russian).

Kaiumova I. ar-Rabguzi // Islam na territorii byvshei Rossiiskoi imperii. Entsiklopedicheskii slovar'. T.1. M.: Vostochnaia literatura, 2006. S. 331–332 (in Russian).

Kozha M. Kazykurt // Istoricheskaia toponimika Kazakhstana. Almaty, 2014. S. 221–223 (in Russian).

Kozha M. Sviashchennaia gora Kazygurt // Ot Altaia do Kaspiia. Atlas pamiatnikov i dostoprimechatel'nostei prirody, istorii i kul'tury Kazakhstana. T. 2. Almaty, 2011. S. 444–453 (in Russian).

Kөпейлы M. Zh. Көп томдық шырғармалар жинағы. 8 т. Almaty, 2008. 144 с. (na kazakhskom iazyke).

Қозға М. Ортағасырлық Отырар. Аңыздар, деректер, зерттеулер. Түркістан: Туран, 2006. 239 с. (na kazakhskom iazyke).

Maev N. A. Topograficheskii ocherk Turkestanskogo kraia. Orografiia i gidrografiia kraia // Ezhegodnik. Materialy dlia statistiki Turkestanskogo kraia. Vyp.1. SPb., 1872. S. 3–115 (in Russian).

Materialy po istorii kazakhskikh khanstv KhV — KhVIII vekov (Iz vlecheniia iz persidskikh i tiurkskikh sochinenii). Alma-Ata: Nauka, 1969. 651 s. (in Russian).

Mushketov I. V. Turkestan. Geograficheskoe i orograficheskoe opisanie po dannym, sobrannym vo vremia puteshestvii s 1874 g. po 1880 g. T.1. SPb., 1886. 749 s. (in Russian).

Nazarov F. Zapiski o nekotorykh narodakh i zemliakh srednei chasti Azii. M.: Nauka, 1968. 69 s. (in Russian).

Novosel'tsev A. P. O mestonakhozhdenii bibleiskoi "gory Ararat" // Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. M.: Nauka, 1978. S. 61–66 (in Russian).

Ostroumov N. Kriticheskii razbor mukhammedanskogo ucheniia o prorokakh // Missionerskii protivomusul'manskii sbornik. Vyp. IU. Kazan', 1874. 239 s. (in Russian).

Putevye dnevniki i sluzhebnye zapiski o poezdках po iuzhnym stepiam. KhVIII — KhIKh veka // Istoriiia Kazakhstana v russkikh istochnikakh KhVI — KhKh vv. T.6. Almaty: Daik-Press, 2007. 516 s. (in Russian).

Rossiiia. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva. Turkestanskii krai. SPb., 1913. 861 s. (in Russian).

Severtsev N. A. Puteshestviia po Turkestanskomu kraiu. M.: OGIZ, 1947. 304 s. (in Russian).

Toponimika Kazakhstana. Entsiklopedicheskii spravochnik. Almaty: Aruna, 2010. 816 s. (in Russian).

Цитирование статьи:

Козжа М. Б., Балтабаева А. Ю. Туркестанская легенда о Ноевом ковчеге на вершине горы Казыкurt // Народы и религии Евразии. 2020. № 4 (25). С. 87–97.

Citation:

Kozha M. B., Baltabayeva A. Yu. Turkestan legend of Noah's ark on top of mount Kazygurt. Nations and religions of Eurasia. 2020. № 4 (25). P. 87–97.

УДК 94 (47) +94 (574)

DOI: 10.14258/nreur(2020)4-07

О. Е. Гундова

Министерство образования и науки Алтайского края, Барнаул (Россия)

РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА XVIII — СЕРЕДИНЫ XIX В. ОБ ЭКОНОМИКЕ КАЗАХОВ¹

В статье анализируются оценки российской интеллектуальной элиты XVIII — середины XIX в. экономической деятельности казахского народа. Актуальность работы обусловлена слабой изученностью хозяйственно-экономической деятельности казахов как неотъемлемой составляющей процесса восприятия населения степи российскими чиновниками, учеными и путешественниками рассматриваемого периода в историографии.

На данный процесс оказывали влияние несколько факторов: политические и социально-экономические изменения в казахском обществе, явившиеся результатом российской политики в регионе, доминирование философии Просвещения в мировоззрении имперских интеллектуалов. В рассматриваемый период оценки хозяйственной деятельности населения степи не были статичны и непрерывно эволюционировали. Если в начале XVIII столетия экономика казахского народа виделась наблюдателям только как скотоводство и мена товаров, то в середине XIX в. она оценивалась очевидцами как совокупность скотоводства, земледелия, рыболовства, отходничества, торговли. Помимо диверсификации видов экономической деятельности казахов, российскими наблюдателями отмечалось социальное расслоение казахского общества и появление новых социальных категорий населения.

Ключевые слова: казахская степь, образ степи, образ казахов, присоединение Казахстана к Российской империи, политика Российской империи в Казахстане, русско-казахские отношения, межэтническое восприятие.

¹ Статья выполнена при поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ 2693.2020.6 проект «Государственное регулирование социальных процессов в Центрально-Азиатском регионе России имперского и советского периодов»).

O. E. Gundova

Ministry of Education and Science of the Altai Krai, Barnaul (Russia)

RUSSIAN INTELLECTUAL ELITE OF THE XVIII — MIDDLE OF XIX CENTURIES ABOUT THE ECONOMY OF THE KAZAKHS

The article analyzes the assessments of the Russian intellectual elite of the XVIII — the middle of XIX centuries of the economic activity of the Kazakh people. The relevance of the work is due to the poor study of the economic and economic activities of the Kazakhs as an integral part of the perception of the steppe population by Russian officials, scientists and travelers of the period under consideration in historiography.

This process was influenced by several factors: political and socio-economic changes in Kazakh society, resulting from Russian politics in the region, the dominance of the philosophy of the Enlightenment in the worldview of imperial intellectuals. During the period under review, the assessments of the economic activity of the steppe population were not static and evolved continuously. If at the beginning of the 18th century the economy of the Kazakh people was seen by observers only as cattle breeding and the exchange of goods, then in the middle of the 19th century it was assessed by eyewitnesses as a combination of cattle breeding, agriculture, fishing, seasonal work and trade. In addition to diversifying the types of economic activity of Kazakhs, Russian observers noted the social stratification of Kazakh society and the emergence of new social categories of the population.

Keywords: Kazakh steppe, image of the steppe, image of Kazakhs, accession of Kazakhstan to the Russian Empire, policy of the Russian Empire in Kazakhstan, Russian-Kazakh relations, interethnic perception

---

Гундова Ольга Евгеньевна, магистр зарубежного регионоведения, старший инспектор сектора информационной политики и связей с общественностью отдела мониторинга, анализа и прогнозирования Министерства образования и науки Алтайского края, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** olga.gundova13@gmail.com

Gundova Olga Evgenievna, Master of Regional Studies, Senior Inspector of the Information Policy and Public Relations Sector of the Monitoring, Analysis and Forecasting Department of the Ministry of Education and Science of the Altai Krai, Barnaul (Russia).

Contact address: olga.gundova13@gmail.com

В современной историографии образ казахской степи и ее населения в российской общественной мысли XVIII — середины XIX в. стал предметом нескольких исследований, однако в них делается акцент на восприятии русскими путешественниками степи как «чуждого» пространства, а ее жителей как «диких разбойников» [Сухих, 2007; Файзуллина, 2014; Горбунова, 2019]. Вместе с тем хозяйственно-экономическая деятельность казахов как составляющая восприятия их российской общественностью исследователями почти не освещена.

На процесс перцепции российскими путешественниками представителей других народов в XVIII — середине XIX в. оказывали влияние устойчивые ментальные конструкции, выполнявшие роль «посредника» между наблюдателем и наблюдаемой им реальностью [Куприянов, 2006: 127]. В рассматриваемый период такой установкой являлась просветительская картина мира. В соответствии с ней россияне признавали культурное многообразие народов империи и оценивали уровень их развития, располагая на условной цивилизационной шкале. Если просвещение (как эталонный уровень развития знаний) являлось точным мерилем степени развития наций, то относительная степень просвещения непросвещенного этноса определялась такими признаками, как пища, половые отношения и отношение к земле (т. е. хозяйственно-культурный тип) [Слезкин, 2005: 127–133].

Помимо ментальных конструкций, на восприятие экономической деятельности казахского народа на наблюдателей оказывали влияние политические и социально-экономические изменения в казахском обществе, вызванные российской политикой в Степи. Конец XVII — начало XVIII в. в России характеризуется активизацией внешней политики на юго-восточном направлении. С этого времени и до середины XIX в. она характеризовалась закреплением военных позиций государства сначала в приграничной с казахской степью зоне, а затем и на собственно ее территории. В течение XVIII столетия был возведен ряд крепостей, составивших Иртышскую, Колывано-Кузнецкую и Бухтарминскую укрепленные линии [Лысенко, Анисимова, Тарасова, Стурова, 2014: 102]. Экономическая политика России в казахской степи определялась торговыми интересами империи, нуждавшейся в новых рынках сбыта и заинтересованной в развитии торговли с государствами Средней Азии и Индией. Казахской степи отводилась роль «врат» в среднеазиатский регион [Сулейменов, Басин, 1981: 28–37], что явилось одной из причин включения в 1730–1740-х гг. Младшего и Среднего казахских жузов в состав Российской империи.

С этого времени в России начало формироваться представление об экономической деятельности казахского народа. Прежде всего наблюдатели фиксировали, что основой экономической деятельности казахов выступало кочевое скотоводство. Так, А. И. Тевкелев считал, что «онье орды кочевныя, хлеба не пашут, а довольствуютца скотом» [История Казахстана, 2005: 91]. Именно скот, по мнению путешественников, выступал в качестве главной статьи вывоза из степи и являлся самым востребованным казахским товаром на российском рынке. Сама торговля казахов с соседними народами носила меновый характер [История Казахстана, 2005: 388; Кирилов, 1830: 314]. Отметим, что в первой половине XVIII в. исследователи ничем не объясняли преобладание кочевого скотоводства в экономике казахского народа, а только лишь фиксировали его. Что касается иных видов экономической деятельности, то очевидцы свидетельствовали о набегах кочевников на российское приграничье с целью грабежа и захвата пленных для их последующей продажи [Татищев, 2012: 20–21]. Таким образом, на момент присоединения казахского этнорегиона к России экономика казахов оценивалась имперскими интеллектуальными кругами как основанная исключительно на скотоводстве с неразвитыми товарно-денежными отношениями.

Причиной формирования столь расплывчатого образа степи, на наш взгляд, явилась крайне низкий уровень знаний имперской элиты об экономике новых территорий.

В первой половине XVIII в. изучение казахской степи и ее населения было обусловлено конкретными интересами и потребностями российской внешней политики. Накопление сведений о казахском народе осуществлялось лицами, которые по долгу службы взаимодействовали с ним, подготавливали описательные и картографические работы (С. У. Ремезов, А. Бекович-Черкасский, И. Д. Бухгольц и др.) [История отечественного востоковедения, 1990: 38–39, 44–45]. Для преодоления проблемы неизученности этих территорий перед созданной в 1734 г. Оренбургской экспедицией была поставлена задача географического, геологического и этнографического исследования казахской степи [Лысенко, Анисимова, Тарасова, Стурова, 2014: 103].

После включения степных территорий в состав России интерес образованной части российского общества к казахской проблематике значительно возрос. С середины XVIII в. изучение новоприобретенного этнорегиона в империи было обусловлено не только практическими потребностями государства, но и изменениями, произошедшими под влиянием философии Просвещения в общественном сознании [Куприянов, 2006: 127–128].

В рассматриваемый период в России сложилось два направления историографии казахского этнорегиона: академическое и практическое. Представителями первого направления являлись, как правило, известные исследователи общеевропейского масштаба (В. Н. Татищев, П. С. Паллас, И. Г. Георги, А. И. Левшин и др.). Практическое направление историографии региона было представлено в основном официальными лицами — военными и чиновниками пограничной администрации (П. И. Рычков, И. Г. Андреев, С. Б. Броневский и др.) [Лысенко, Анисимова, Тарасова, Стурова, 2014: 103].

В первую очередь очевидцы отмечали у казахов развитое кочевое скотоводство, которое составляло «богатство» казахского народа, важнейшую отрасль его экономики и основывалось на разведении лошадей и овец, верблюдов, коз, крупного рогатого скота [Паллас, 1773: 581; Рычков, 1887: 101]. Преобладание скотоводства в хозяйственной деятельности казахского народа, по мнению путешественников второй половины XVIII в., было результатом природно-климатических условий степной местности. Так, И. Г. Георги считал, что казахский народ «о земледелии <...> которое и без того в большей части сухих и солончаками изобильных степей было бы неприбыльно <...> и не думает» [Георги, 2007: 234]. Среди прочих отраслей хозяйства казахов-кочевников некоторые российские исследователи называли охоту, домашние промыслы (изготовление предметов обихода, обработку скотоводческого сырья, слабо развитое кузнечное ремесло), но только в качестве побочных занятий [Паллас, 1773: 585; Георги, 2007: 236–238].

Большое внимание в своих трудах российские наблюдатели уделяли торговле и изучению казахского рынка. По их оценкам, главными статьями вывоза из степи были скот и продукты животноводства (невыделанные кожи, верблюжья шерсть, войлок), пушнина, а также невольники [Георги, 2007: 244; Рычков, 1887: 233]. Из России в степь ввозились пользовавшиеся широким спросом у казахского населения русские ткани — шерстяные и хлопчатобумажные, металлические изделия (кухонная утварь, швейная фурнитура, украшения и др.), продукты питания (мука, крупы, сахар и др.). Из среднеазиатских государств казахи покупали текстильную продукцию и оружие. Торговля являлась меновой, мерилем стоимости товара выступали овцы [Георги, 2007: 243–244].

По мнению И. Г. Георги, значимую отрасль экономики части казахского общества составляли набеги. В эти занятия были вовлечены не только отдельные «шайки», но и целые аулы («улусы»). Жертвами казахских набегов становились их соседи: каракалпаки, бухарцы, персы, туркмены, калмыки, российские подданные. Последних, по свидетельству ученого, продавали в Бухару для сельскохозяйственных работ. На российские же рынки казахи привозили невольников из туркмен и кызылбашей [Георги, 2007: 237, 244].

Таким образом, к последней четверти XVIII в. оценка экономики казахского этнорегиона в восприятии имперской интеллектуальной элиты не претерпела значительных изменений — в глазах российского общества казахи продолжали оставаться главным образом кочевниками-скотоводами, разбойниками. Вместе с тем расширение межэтнических контактов, научное изучение региона и развитие российско-казахской торговли и транзитной торговли через степь способствовали появлению и распространению в империи знаний о домашних промыслах и внутреннем рынке казахов.

Начиная с 80-х гг. XVIII в. российские власти начали мероприятия по инкорпорации территорий Младшего и Среднего жузов в общегосударственную систему управления империи, результатом которых стали окончательная ликвидация политической самостоятельности казахского этнорегиона, введение новой системы административно-территориального управления, налогообложения и судопроизводства в 20-х гг. XIX в. [Лысенко, Анисимова, Тарасова, Стурова, 2014: 53–60; Сулейменов, Басин, 1981: 119–123]. Одновременно с политическими преобразованиями обозначились изменения в социально-экономической сфере жизни казахского общества. Углубление процессов социальной и имущественной дифференциации аульной общины, зависимость кочевого хозяйства от природных катаклизмов, российская политика изъятия пастбищных угодий обусловили маргинализацию части казахского общества и способствовали формированию новой социальной категории населения — джатачества. Основным источником существования джатаков стало отходничество [Лысенко, Анисимова, Тарасова, Стурова, 2014: 106–107]. Среди других заметных изменений в экономике и образе жизни казахского народа в начале XIX в. следует назвать устройство постоянных зимних жилищ (кстау), развитие сенокосения, занятие земледелием [Сулейменов, Басин, 1981: 142].

В восприятии очевидцев, скотоводство составляло основу казахской экономики, а скот продолжал считаться «богатством» казахского народа [Андреев, 1998: 33; Ледебур, Бунге, Мейер, 1993: 326]. Как и ранее, ведущую роль скотоводства в экономике казахов исследователи связывали с неблагоприятными для развития земледелия природно-климатическими условиями степи [Левшин, 1996: 380]. Авторы скрупулезно собирали сведения о местах летних и зимних кочевков казахов, времени и маршрутах перекочевков, порядке выпаса скота, его количестве. Кочевой образ жизни казахского народа воспринимался российскими наблюдателями уже не хаотичным перемещением по степи, а выработанной в течение веков четкой схемой движения, привязанной к климату и ландшафту местности.

Очевидцы уже не подвергали сомнению существование в казахской степи земледелия. Так, еще в конце XVIII в. И. Г. Андреев отмечал у населения Среднего жуза существование сельскохозяйственного хозяйства: «киргисцы начинают пахать землю, и сеют хлеб, пшеницу, ячмень и просу» [Андреев, 1998: 77]. Российские исследователи предпри-

мали попытки выявить факторы, влияющие на развитие земледелия в степи. Внимательное акцентировалось на внутренних причинах: природные катаклизмы, массовые падежи скота, а также барымта приводили к обеднению части казахского населения, которая была вынуждена искать новые источники существования и обращалась к занятию земледелием. Я. П. Гавердовский, Е. К. Мейендорф и другие наблюдатели подчеркивали, что занятие земледелием и некоторыми другими промыслами в казахском обществе являлось признаком нищеты [Гавердовский, 2007: 484; Мейендорф, 1975: 39].

Помимо этого, К. А. Мейер отмечал благотворное влияние русских поселенцев на развитие хозяйства казахов: последние начали заниматься земледелием, оценили целесообразность заготовки сена, изъявили желание построить деревянные дома для постоянного проживания в зимнее время [Ледебур, Бунге, Мейер, 1993: 318]. Об успешном опыте усвоения казахами навыков земледелия сообщали и другие очевидцы [Броневский, 2005: 38–39; Гавердовский, 2007: 484–488].

Важное место в казахской экономике, по мнению наблюдателей, в связи с развитием российско-казахской торговли стали занимать охота и рыболовство, к последнему, как и к земледелию, обращалась обедневшая часть степного населения [Гавердовский, 2007: 479–480; Ледебур, Бунге, Мейер, 1993: 327–328]. Среди ремесел авторы выделяли изготовление предметов домашнего обихода, обработку скотоводческого сырья (выделку кож, изготовление армячины, войлока, ковров, веревок и др.), слабо развитую металлообработку [Левшин, 1996: 385–387]. Рассматривая экономическую деятельность отходников-джатаков, наблюдатели отмечали, что данная социальная категория казахов зарабатывала преимущественно выпасом скота в крестьянских и казачьих хозяйствах, а также «воровством, ибо особенно известны как конокрады» [Ледебур, Бунге, Мейер, 1993: 36].

Важное место в публикациях российских путешественников занимали вопросы торговли (русско-казахской, казахско-среднеазиатской, внутри Степи), описание мест и видов торговли (стационарная, ярмарочная и развозная), номенклатура местной и ввозимой в степь продукции. По оценке российских наблюдателей, торговля в регионе находилась в состоянии «младенчества», т. е. неразвитости, отмечался ее меновый характер. Из степи вывозились прежде всего скот и продукты скотоводства (овцы, лошади, рогатый скот, верблюды, козы, козий пух, шерсть, шкуры животных), пушнина [Левшин, 1996: 389]. Среди товаров из России наибольшим спросом пользовались хлеб, ткани, юфтевые кожи, кухонная утварь, швейная фурнитура, табак, предметы роскоши. Из среднеазиатских ханств ввозили хлеб, готовую одежду, ткани, украшения, оружие и боеприпасы. Внутреннюю торговлю в Степи российские авторы оценивали как слабо развитую, преобладал обмен скота и пленных на ввозные товары [Гавердовский, 2007: 492, 494].

По мнению очевидцев, одну из значимых отраслей экономики казахского региона составляла торговля невольниками. Источником их пополнения становились набеги на соседние со Степью территории. Национальный состав рабов был широким — среди них встречались россияне, каракалпаки, калмыки, персы, китайцы. Торговля велась в двух направлениях: среднеазиатском (Хива, Бухара, Ташкент) и российском (приграничные меновые дворы) [Андреев, 1998: 45; Гавердовский, 2007: 495].

С 80-х гг. XVIII в. российские авторы стали обращать внимание на роль в экономике казахов института барымты, который в их понимании трактовался как санкционированный нормами адата угон скота в качестве мести за обиду или компенсации за причиненный ущерб. Социально-экономические последствия действия этого обычая оценивались наблюдателями негативно. Так, И. Г. Андреев отмечал, что в результате многолетней взаимной барымты «одна сторона другую до того доводит, что уже все табуны у нее отгонят и приведена будет в крайнее разорение и бедность» [Андреев, 1998: 58].

Таким образом, в начале XIX столетия в оценках имперской интеллектуальной элиты экономика казахского народа основывалась на кочевом скотоводстве, пушном промысле и набегах. По мнению наблюдателей, земледелие, рыболовство и другие промыслы не играли в хозяйственной деятельности казахского народа значительной роли. Торговля, несмотря на возросшие масштабы, оценивалась исследователями как неразвитая и не включалась ими в число главных отраслей экономики жителей степи. Барымта как норма обычного права рассматривалась наблюдателями, с одной стороны, как разрушительный фактор для экономики, с другой — как средство обогащения для отдельной части казахского общества.

В 1830–1840-х гг. обозначились новые тенденции в политике империи в казахском этнорегионе. Российскими властями был взят курс на создание многоуровневой структуры местного самоуправления и введение выборных начал в Степи, реализованный введением Положений об управлении оренбургскими киргизами 1844 и 1859 гг., внесением в 1855 г. поправки в Устав о сибирских киргизах [Лысенко, Анисимова, Тарасова, Стурова, 2014: 66–76]. Происходили изменения в структуре экономики казахского народа. Значительное развитие получило земледелие, как у пограничной линии, так и во внутренних районах степи. Ремесло из домашнего промысла превратилось в отдельную экономическую отрасль, наметилась специализация ремесленного производства в различных районах. Большое распространение получило ростовщичество, что способствовало переходу части казахского населения в социальную категорию джатаков [Бекмаханов, 1992: 56–71]. Внешняя политика России на юго-восточном направлении в 30–60-е гг. XIX в. характеризовалась наращиванием военного и политического присутствия в Степи, вызванным обострением англо-русского соперничества в Центральной Азии и стремлением прекратить набеги среднеазиатских ханств. К середине 1860-х гг. Старший казахский жуз был включен в состав Российской империи [Бекмаханов, 1992: 115–116; Сулейменов, Басин, 1981: 126–130].

Накопление на протяжении XVIII — середины XIX в. знаний о казахском народе в российском обществе обусловило к 1860-м гг. новые оценки имперскими интеллектуалами хозяйственной деятельности населения Степи. Главным занятием казахского народа очевидцы считали кочевое скотоводство, что, по их мнению, было обусловлено природно-географическими особенностями степи. Анализируя состояние хлебопашества в степи, российские наблюдатели выделяли переложное и орошаемое земледелие. Среди выращиваемых казахами культур авторы называли просо, ячмень, пшеницу, рожь, упоминали о попытках разведения хлопка, марены, риса. В целом, авторы позитивно оценивали развитие земледелия в регионе [Мейер, 1865: 97–99, 106, 112, 130].

Значительное распространение получило рыболовство. К занятию рыбной ловлей прибегала обедневшая часть казахского общества. Так, Н. И. Красовский отмечал, что этим промыслом занимаются «почти исключительно джатаки». Вместе с тем автор упомянул о существовании рыбопромышленников из числа состоятельных казахов, однако их количество было невелико — подавляющая часть улова приходилась на долю казаков и русских крестьян [Красовский, 1868: 131]. По свидетельству российских наблюдателей, широкий размах у населения степи получило отходничество. Казахи чаще сего нанимались в хозяйства казаков и русских поселенцев в качестве пастухов, реже — для земледельческих работ или рыбного промысла. Также жители степи нередко предлагали свои услуги по сопровождению и охране караванов российских и среднеазиатских торговцев [Бларамберг, 1848: 103–104]. Среди других занятий казахов наблюдатели отмечали охоту, домашние промыслы: выделку кожи, изготовление войлока, армячины и других бытовых предметов, слабо развитое кузнечное, паяльное, ювелирное дело [Бларамберг, 1848: 100–101; Гейнс, 1897: 157–162].

Важное место в экономике казахского народа занимала торговля невольниками. Помимо набегов на своих соседей, источником пополнения рабства для казахов стало служить пиратство на Каспийском море. Г. С. Карелин сообщал о захвате в плен только в 1830–1831 гг. более 200 российских моряков [Карелин, 1883: 153–157]. Однако в 60-е гг. XIX в. этот вид экономической деятельности потерял свою значимость, авторы упоминали о нем только в прошедшем времени [Гейнс, 1897: 176–177].

Оценивая влияние барымты на экономическую деятельность казахов, наблюдатели подчеркивали деградацию ее как правового института и превращение ее в предлог для грабежа, приобретшего огромные масштабы. Так, А. К. Гейнс отмечал, что обедневшие кочевники «составляли особенные общества грабителей, которые соединялись вместе и под предлогом баранты они угоняли скот у всех богатых киргиз, а нередко производили набеги на соседние земли и на купеческие караваны под предлогом взимания пошлин за пропуск через свои кочевья. Таким образом в степи начало развиваться хищничество во всех его видах и дошло до того, что грабежи начались уже без всяких поводов и такая добыча служила для многих киргизов долгое время единственным источником существования». Вместе с тем автор отмечал значительное сокращение барымты к 1860-м гг., вызванное карательными мерами против нее российского правительства [Гейнс, 1897: 69–71].

Большое внимание в трудах исследователей уделялось вопросам торговли. По свидетельствам путешественников, внутренняя торговля в Степи была меновой, в качестве меры стоимости казахами использовался трехлетний баран. Торговля носила разъездной характер и осуществлялась купцами и их приказчиками. Мелкая торговля в Степи проходила в меновых дворах и лавках в российских фортах. Там русские купцы обменивали сахар, муку, алкоголь, ткани, изделия из металла на казахский скот и продукты скотоводства. Среднеазиатские торговцы привозили в форты преимущественно ткани, одежду, обувь, чай, орехи, сухофрукты и другую продукцию. В целом, отмечалась неизученность внутренней торговли в степи [Мейер, 1865: 172–177]. Из степи в Россию вывозились преимущественно скот и продукты скотоводства: мерлушки, козий пух, конский волос, шерсть и изделия из нее, кожи сырые и выделанные, рыба, пшеница, соль

и другие товары. Среди российской продукции, имевшей значительный спрос у казахов, следует назвать хлеб, табак, чай, глиняную посуду, кредитные билеты, алкоголь, лекарственные средства и прочие товары [Мейер, 1865: 187–194]. Из Средней Азии в Российскую империю ввозили хлопчатобумажные ткани, шелк и изделия из него, украшения, оружие, свинец, порох, серу, селитру [Гейнс, 1897: 176].

Таким образом, к середине XIX в. экономика казахского народа оценивалась российскими исследователями как совокупность развивающихся отраслей. Хотя, по оценкам наблюдателей, ведущую роль в ней играло кочевое скотоводство, значимое место занимали земледелие, рыболовство, отходничество, торговля. Определенные позиции в экономике имели торговля невольниками и барымта, однако к 1860-м гг. в связи с усилением российского военного присутствия в Степи они утратили свое значение.

Насколько вышеописанные оценки хозяйственной деятельности казахского народа были объективны и чем они были обусловлены? Приобщение образованной части российского общества к имперской европейской идентичности способствовало восприятию идеи о принадлежности к «цивилизованному миру» и «цивилизованности», которые противопоставлялись в европейской философии «варварству» восточных народов. В российской интеллектуальной среде началось формирование представлений о «цивилизаторской миссии» по отношению к нерусским народам империи, которая заключалась в том, что «культурную отсталость» можно преодолеть при помощи государственного вмешательства [Джампеисова, 2015: 130–131]. Таким образом, оценки экономической деятельности казахского народа российскими наблюдателями действительно были не лишены налета высокомерия просвещенного европейца по отношению к нецивилизованному кочевнику. Однако не следует считать, что наблюдения путешественников лишены объективных оснований в принципе. Будучи носителями просветительского мировоззрения, исследователи стремились проникнуть в «истинную природу» наблюдаемого ими народа, а потому пытались давать беспристрастное объяснение увиденным явлениям, хотя восприятие сквозь призму просветительских концепций в некоторой степени лишало получаемое знание объективности.

Восприятие экономики коренного населения степи на протяжении XVIII — середины XIX в. не было статичным и эволюционировало под влиянием политических и социально-экономических изменений в казахском обществе, сложившихся в результате российской политики в регионе, так и мировоззренческих взглядов имперской интеллектуальной элиты. Оценки хозяйственной деятельности казахского народа начали формироваться у образованной части российского общества в начале XVIII в. Их появление было связано с активизацией внешней политики на юго-восточном направлении и дальнейшим включением Малого и Среднего жузов в состав Российской империи. Крайне низкий уровень знаний о казахском народе в российской интеллектуальной среде обусловил расплывчатость этих суждений и вызвал необходимость изучения и накопления знаний о казахской степи и ее населении. В течение XVIII — середины XIX в. исследователями было написано большое количество работ, отражающих восприятие экономической деятельности казахов российскими путешественниками. На процесс восприятия имперской интеллектуальной элитой

экономики казахского народа как объективные (политические и социально-экономические изменения в казахском обществе, сложившиеся в результате российской политики в регионе), так и субъективные (просвещенческое мировоззрение имперских интеллектуалов) факторы. В течение рассматриваемого периода наблюдателями постепенно отмечалась диверсификация видов экономической деятельности казахов, социальное расслоение казахского общества и появление новых социальных категорий населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Андреев И. Г. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. Алматы : Гылым, 1998. 280 с.
- Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40 годы XIX века. Алма-Ата : Ызақ университеті, 1992. 400 с.
- Бларамберг И. Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) Орды и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства // Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб. : Типография Департамента Генерального штаба, 1848. Т. 14, ч. 3. 193 с.
- Броневский С. Б. О казахах Средней Орды. Павлодар : ТОО «ЭКО», 2005. 168 с.
- Гавердовский Я. П. Обозрение Киргиз-кайсацкой степи (часть 2-я), или Описание страны и народа киргиз-кайсацкого // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V: Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы : Дайк-пресс, 2007. С. 283–495.
- Гейнс А. К. Собрание литературных трудов Александра Константиновича Гейнса. Т. 1. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1897. 589 с.
- Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб. : Русская симфония, 2007. 808 с.
- Горбунова С. В. Эволюция образа казахов в контексте интеграции степного фронта Российской империи // Вестник Нижневартковского гос. ун-та. 2019. № 3. С. 33–39.
- Джампеисова Ж. Дискурсы о скотоводстве и хлебопашестве в «степной» колониальной политике России в XIX веке // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи. Алматы : Қазақ университеті, 2015. С. 130–143.
- История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. III: Журналы и служебные записки дипломата А. И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759). Алматы : Дайк-пресс, 2005. 484 с.
- История отечественного востоковедения до середины XIX века. М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 435 с.
- Карелин Г. С. Путешествия Г. С. Карелина по Каспийскому морю. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1883. 497 с.
- Кирилов И. К. Изъяснение о Киргиз-Кайсацкой и Каракалпакской ордах: проект // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб. : Типография 2-го Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. IX, № 6571. С. 309–317.

Красовский Н. И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. СПб. : Типографии Траншеля, Ретгера и Шнейдера, 1868. Ч. II. 498 с.

Куприянов П. С. Образы «дикарей» в записках русских путешественников начала XIX века: абстракция и реальность // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 3. М., 2006. С. 124–143.

Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы : Санат, 1996. 656 с.

Ледебур К. Ф., Бунге А. А., Мейер К. А. Путешествие по Алтайским горам и Джунгарской Киргизской степи. Новосибирск : ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993. 415 с.

Лысенко Ю. А., Анисимова И. В., Тарасова Е. В., Стурова М. В. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.). Барнаул : АЗБУКА, 2014. 272 с.

Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М. : Наука, 1975. 182 с.

Мейер Л. Л. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб. : Типографии Э. Веймара и Ф. Персона, 1865. 420 с.

Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской императорской академии наук. Часть первая. СПб. : при Императорской Академии Наук, 1773. 786 с.

Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург : Типография Б. Бреслина, 1887. 405 с.

Слезкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. М. : Новое издательство, 2005. С. 120–154.

Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России в XVIII — начале XX века. Алма-Ата : Наука, 1981. 247 с.

Сухих О. Е. Образ казаха-кочевника в русской общественно-политической мысли в конце XVIII — первой половине XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. 24 с.

Татищев В. Н. Экстракт ис полученных известий о киргис-кайсацких и башкирских оброчениях. 12 августа 1738 г. // История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып 2. Астана : ТОО «Общество инвалидов — Чернобылец», 2012. С. 15–63.

Файзуллина О. О. Образ казахов Оренбургского края в региональной справочной литературе XIX — первой четверти XX в. // Вестник Ленинградского гос. ун-та имени А. С. Пушкина. 2014. Т. 4, № 2. С. 114–122.

REFERENCES

Andreev I. G. Opisanie Srednei Ordy kirgiz-kaisakov [Description of the Middle Horde of the Kirghiz Kaisaks]. Almaty: Gylym, 1998, 280 s. (in Russian).

Bekmakhanov E. B. Kazakhstan v 20–40 gody XIX veka [Kazakhstan in the 20–40s of the XIX century]. Alma-Ata: Џazaǵ universiteti, 1992, 400 s. (in Russian).

Blaramberg I. F. Voенно-statisticheskoe obozrenie zemli kirgiz-kaisakov Vnutrennei (Bukeevskoi) Ordy i Zaural'skoi (Maloi) ordy Orenburgskago vedomstva [Military Statistical Review of the Kyrgyz Kaisak Land of the Inner (Bukeevsky) Horde and Trans-Ural (Lesser) Horde of the Orenburg Office]. Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii [Military Statistical Review of the Russian Empire]. SPb.: v Tipografii Departamenta General'nago shtaba, 1848, Vol.14, P.3, 193 s. (in Russian).

Bronevskii S. B. O kazakhakh Srednei Ordy [About the Kazakhs of the Middle Horde]. Pavlodar: LLP "EKO", 2005, 168 s. (in Russian).

Gaverdovskii Ia. P. Obozrenie Kirgiz-kaisatskoi stepi (chast' 2-ia) ili Opisanie strany i naroda kirgiz-kaisakskogo [Review of the Kyrgyz-Kaisak steppe (part 2) or Description of the country and people of the Kyrgyz-Kaisak]. Istoriia Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov. T. V: Pervye istoriko-etnograficheskie opisaniiia kazakhskikh zemel'. Pervaia polovina XIX veka [History of Kazakhstan in Russian sources of the XVI–XX centuries. Vol. V: The first historical and ethnographic descriptions of the Kazakh lands. First half of the 19th century]. Almaty: Daik-press, 2007. S. 283–495 (in Russian).

Geins A. K. Sobranie literaturnykh trudov Aleksandra Konstantinovicha Geinsa. T. 1 [A collection of literary works by Alexander Konstantinovich Geins. Vol.1]. SPb.: Tipografiia M. M. Stasiulevicha, 1897, 589 s. (in Russian).

Georgi I.-G. Opisanie vsekh obitaiushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov: ikh zhiteiskikh obriadov, obyknovenii, odezhd, zhilishch, uprazhnenii, zabav, veroispovedanii i drugikh dostopamiatnostei [Description of all peoples living in the Russian state, their everyday rituals, wont, clothes, dwellings, exercises, amusements, creeds and other memorabilities]. SPb.: Russkaia simfoniia, 2007. 808 s. (in Russian).

Gorbunova S. V. Evoliutsiia obraza kazakhov v kontekste integratsii stepnogo frontira Rossiiskoi imperii [The evolution of the image of the Kazakhs in the context of the integration of the steppe frontier of the Russian Empire]. Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bulletin of Nizhnevartovsk State University]. 2019, no 3. S. 33–39 (in Russian).

Dzhampeisova Zh. Diskursy o skotovodstve i khlebopashestve v "stepnoi" kolonial'noi politike Rossii v XIX veke [Discourses on cattle breeding and arable farming in the "steppe" colonial policy of Russia in the 19th century]. Kochevye narody Tsentral'noi Evrazii XVIII–XIX vv.: sravnitel'no-istoricheskii analiz politiki Rossiiskoi imperii [Nomadic peoples of Central Eurasia in the 18th — 19th centuries: a comparative historical analysis of the policy of the Russian Empire]. Almaty: Kazak universiteti, 2015. S. 130–143 (in Russian).

Istoriia Kazakhstana v russkikh istochnikakh VI–XX vekov. T. III: Zhurnaly i sluzhebnye zapiski diplomata A. I. Tevkeleva po istorii i etnografii Kazakhstana (1731–1759) [The history of Kazakhstan in Russian sources of the 16th — 20th centuries. Vol. III: Magazines and notes of the diplomat A. I. Tevkelev on the history and ethnography of Kazakhstan (1731–1759)]. Almaty: Daik-Press, 2005, 484 s. (in Russian).

Istoriia otechestvennogo vostokovedeniia do serediny XIX veka [The history of Russian Oriental studies until the middle of the XIX century]. M.: Nauka. Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1990, 435 s. (in Russian).

Karelin G. S. Puteshestviia G. S. Karelina po Kaspiiskomu moriu [Travel of G. S. Karelin on the Caspian Sea]. SPb.: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, 1883, 497 s. (in Russian).

Kirilov I. K. Proekt. Iz'iasnenie o Kirgis-Kaisakskoi i Karakalpakskoi ordakh [Project. Explanation of the Kirgis-Kaisak and Karakalpak hordes]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 12 dekabria 1825 goda [Complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649: the first Assembly: December 12, 1825]. SPb.: Tipografiia 2-go Otdeleniia Sobstv. E. I. V. Kantseliarii, 1830, Vol. IX, № 6571. S. 309–317 (in Russian).

Krasovskii N. I. Materialy dlia geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Oblast' sibirskikh kirgizov [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Siberian Kirghiz region]. SPb.: Tipografii Transhelii, Retgera i Shneidera, 1868, Part II, 498 s. (in Russian).

Kupriianov P. S. Obrazy “dikarei” v zapiskakh russkikh puteshestvennikov nachala XIX veka: abstraktsiia i real'nost' [Images of “savages” in the notes of Russian travelers of the beginning of the 19th century: abstraction and reality]. Rossiia i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriiatiia [Russia and the world through the eyes of each other: from the history of mutual perception]. M., 2006, iss. 3. S. 124–143 (in Russian).

Levshin A. I. O pisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh, ord i stepei [Description of the Kyrgyz-Cossack, or Kyrgyz-Kaisatsky, hordes and steppes]. Almaty: “Sanat”, 1996, 656 s. (in Russian).

Ledebur K. F., Bunge A. A., Meier K. A. Puteshestvie po Altaiskim goram i Dzhungarskoi Kirgizskoi stepi [Traveling in the Altai Mountains and the Dzungarian Kyrgyz steppe]. Novosibirsk: VO “Nauka”, Sibirskaia izdatel'skaia firma, 1993, 415 s. (in Russian).

Lysenko Iu. A., Anisimova I. V., Tarasova E. V., Sturova M. V. Traditsionnoe kazakhskoe obshchestvo v natsional'noi politike Rossiiskoi imperii: kontseptual'nye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX — nachalo XX v.) [Traditional Kazakh society in the national politics of the Russian Empire: conceptual foundations and implementation mechanisms (XIX — early XX centuries)]. Barnaul: Azbuka, 2014. 272 s. (in Russian).

Meiendorf E. K. Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu [Travel from Orenburg to Bukhara]. M.: Nauka, 1975. 182 s. (in Russian).

Meier L. L. Materialy dlia geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Kirgizskaia step' Orenburgskogo vedomstva [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Kyrgyz steppe of the Orenburg department]. SPb.: Tipografii E. Veimara i F. Persona, 1865. 420 s. (in Russian).

Pallas P. S. Puteshestvie po raznym mestam Rossiiskogo gosudarstva po povelenniu Sankt-Peterburgskoi imperatorskoi akademii nauk. Chast' pervaiia [Traveling to different places of the Russian state at the behest of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences. Part one]. SPb.: pri Imperatorskoi Akademii Nauk, 1773. 786 s. (in Russian).

Rychkov P. I. Topografiia Orenburgskoi gubernii [Topography of the Orenburg province]. Orenburg: Tipografiia B. Breslina, 1887. 405 s. (in Russian).

Slezkin Iu. Estestvoispytатели i natsii: russkie uchenye XVIII veka i problema etnicheskogo mnogoobraziia [Naturalists versus Nations: Eighteenth-century Russian scholars confront ethnic diversity]. Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii [Russian Empire in foreign historiography]. M.: Novoe Publ., 2005. S. 120–154 (in Russian).

Suleimenov B. S., Basin V. Ia. Kazakhstan v sostave Rossii v XVIII — nachale XX veka [Kazakhstan as part of Russia in the XVIII — early XX century]. Alma-Ata: Nauka, 1981. 247 s. (in Russian).

Sukhikh O. E. Obraz kazakha-kochevnika v russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli v kontse XVIII — pervoi polovine XIX veka. Avtoref. kand. ist. nauk [The image of a Kazakh nomad in Russian socio-political thought at the end of the XVIII — the first half of the XIX century. Ph.D. Thesis in History]. Omsk, 2007. 24 s. (in Russian).

Tatishchev V. N. Ekstrakt is poluchennykh izvestiev o kirgis-kaisatskikh i bashkirskikh obrascheniakh. 12 avgusta 1738 g. [Extract from limes obtained from Kyrgyz-Kaisatsky and Bashkir subdivisions. August 12, 1738]. Istoriia Kazakhstana v dokumentakh i materialakh: Aʼmanakh [History of Kazakhstan in documents and materials: Almanac]. Astana: TOO “Obshchestvo invalidov — Chernobylets”, 2012, iss. 2. S. 15–63 (in Russian).

Faizullina O. O. Obraz kazakhov Orenburgskogo kraia v regionalʼnoi spravochnoi literature XIX — pervoi chetverti XX v. [The image of the Kazakhs of the Orenburg Territory in the regional reference literature of the XIX — first quarter of the XX century]. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina [The Bulletin of Leningrad State University named after Alexander Pushkin]. 2014, Vol. 4, no 2. S. 114–122 (in Russian).

Цитирование статьи:

Гундова О. Е. Российская интеллектуальная элита XVIII — середины XIX в. об экономике казахов // Народы и религии Евразии. 2020. №4 (25). С. 98–111.

Citation:

Gundova O. E. Russian intellectual elite of the XVIII — middle of XIX centuries about the economy of the kazakhs. Nations and religions of Eurasia. 2020. №4 (25). P. 98–111.

УДК 94

DOI: 10.14258/nreur(2020)4–08

Ю. А. Лысенко

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

ПРОЦЕСС ВОЗВРАЩЕНИЯ БЕЖЕНЦЕВ — УЧАСТНИКОВ ТУРКЕСТАНСКОГО ВОССТАНИЯ 1916 г. ИЗ КИТАЯ ОРГАНАМИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 20-е гг. XX в.¹

Целью статьи является реконструкция процесса реэвакуации органами советской власти в 20-е гг. XX в. из китайской провинции Синьцзян коренных народов Туркестана — казахов и кыргызов, бежавших туда во время восстания 1916 г. Источниковой основой статьи выступили документы делопроизводства советских органов власти, прежде всего отчеты, протоколы совещаний и переписка уполномоченных Народного комиссариата по иностранным делам в Синьцзяне, позволяющие в полном объеме воссоздать общее количество беженцев, их экономическое положение, механизмы их возвращения на родину и проблемы адаптации к новым условиям жизни.

К вопросу о возвращении в СССР беженцев — участников туркестанского восстания 1916 г. советское правительство обратилось после окончания Гражданской войны в 1921 г. Основная организационная работа по выявлению беженцев, проведению среди них разъяснительной работы, урегулированию правовых вопросов с представителями власти Синьцзянской провинции, а также само переселение беженцев в пределы Казахской и Туркестанской автономных Советских Социалистических Республик пришлось выполнять уполномоченным Народного комиссариата по иностранным делам в Кульдже и Чугучаке.

Ключевые слова. Советская Россия, Туркестанское восстание 1916 г., беженцы, кыргызы, казахи, Синьцзян.

---

¹ Работа подготовлена в рамках государственного задания Алтайского государственного университета, проект № 748715Ф.99.1. Б597АА00002 «Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности».

Yu. A. Lysenko

Altai State University, Barnaul (Russia)

THE PROCESS OF RETURNING REFUGEES –PARTICIPANTS OF THE TURKESTAN UPRISING OF 1916 FROM CHINA BY THE ORGANS OF SOVIET POWER IN THE 1920^S OF THE 20TH CENTURY

The aim of the article is to reconstruct the process of re-evacuation by the Soviet authorities in the 1920s of the 20th century indigenous peoples of Turkestan — the Kazakhs and the Kyrgyz from the Chinese province of Xinjiang, who fled there during the uprising of 1916 to fully recreate the total number of refugees, their economic situation, the mechanisms of their return to their homeland and the problems of adaptation to new living conditions. After the end of the civil war in 1921, the Soviet government turned to the question of the return to the USSR of refugees participating in the Turkestan uprising of 1916. The main organizational work is to identify refugees, conduct explanatory work among them, settle legal issues with representatives of the authorities of the Xinjiang province, as well as, in fact, the very resettlement of refugees within the Kazakh and Turkestan Autonomous Soviet Socialist Republics had to be carried out by the Commissioner of the People's Commissariat for Foreign Affairs in Gulja and Chuguchak.

Keywords: Soviet Russia, Turkestan uprising of 1916, refugees, Kyrgyz, Kazakhs, Xinjiang.

Лысенко Юлия Александровна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой востоковедения Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** iulia_199674@mail.ru.

Lysenko Yulia Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** iulia_199674@mail.ru.

В июле 1916 г. в центральноазиатских окраинах России — Степном крае и Туркестане — вспыхнуло восстание коренных народов, направленное против указа императора Николая II о призыве инородцев империи на тыловые работы. Более глубинные причины массовых проявлений недовольства населением региона были связаны с разрушительными последствиями для традиционных обществ Степного края и Туркестана политики государства в регионе, масштабной экспроприацией земельных ресурсов у коренных кочевых этносов для крестьян-переселенцев. Значимость восстанию 1916 г. придавал тот факт, что оно началось в разгар мировой империалистической войны, в условиях разразившегося в стране глубокого системного кризиса. Это позволяло считать его частью общероссийского революционного движения против господствовавшего социально-политического режима. В то же время пред-

ставляется, что по своим причинам, внутреннему содержанию, регионально-локальным особенностям, методам борьбы, характеру внутриэтнического и межэтнического противостояния восстание 1916 г. было более глубоким, противоречивым и сложным социальным явлением в истории центральноазиатских народов Российской империи. Все это, безусловно, вызывает необходимость дальнейшего изучения событий столетней давности, делает данную проблему актуальной и перспективной научной темой.

В изучении восстания 1916 г. исследователи, как правило, акцентировали внимание на анализе его причин и последствий для народов Степного края и Туркестана. В советской историографии в условиях господства марксистско-ленинской методологии оно оценивалось как антиимпериалистическое, антивоенное [Рыскулов, 1924, 1926; Сулейменов, Басин, 1977: 84]. Его главными причинами считались особенности социально-экономического и политического развития Российской империи, предопределившие неизменный рост «колониального гнета военно-феодалного империализма» на коренное население Туркестана и Степного края [Сапаргалиев, 1966; Турсунов, 1962; Усенбаев, 1967]. В зарубежной историографии 1960–1980-х гг. преобладали крайне узкие оценки событий народного восстания народов Степного края и Туркестана в 1916 г. Так, американский исследователь Э. Д. Сокол подчеркивал исключительно религиозную направленность движения «мусульман Средней Азии против русских». По мнению исследователя, в восстании нашла отражение «известная борьба ислама против неверных» [Sokol, 1954: 188]. Исключительно нерешенностью межэтнических проблем объяснял причину событий 1916 г. Ч. Хостлер. Исследователь считал его «самым мощным антирусским восстанием» в истории Российской империи [Charles, 1957: 148].

В современных национальных историографиях государств постсоветской Центральной Азии причины протестного движения коренных народов Степного края и Туркестана в 1916 г. анализируются в контексте политики Российской империи в данном этнорегионе [История Казахстана, 2000: 627]. При этом присутствуют как либеральные оценки данной политики, так и крайне правые, авторы которых пытаются гипертрофировать роль межэтнического противостояния в данных событиях или представить действия колониальной администрации, направленные на подавление восстания, как этноцид [Какеев, 2015: 200–206; Бедельбаев, 2016: 201–205]. В современной российской историографии к событиям восстания 1916 г. в Туркестане, как справедливо отмечает Т. В. Котюкова, сложилось отношение как к теме «периферийной», а главное — «изученной и неактуальной» [Котюкова, 2016: 18]. В то же время появление в последнее время значительного объема документальных сборников, посвященных восстанию 1916 г., способствует выявлению «белых пятен» в его истории [Lysenko et al., 2015: 955–964] и требует их осмысления. Одной из таких тем является проблема возвращения беженцев — участников восстания из Китая на родину в 20–30-х гг. XX в.

Как известно, 6 марта 1917 г. Временное правительство подписало указ об амнистии участников восстания 1916 г. Несколько месяцев спустя началась работа Межведомственного совещания при Военном министерстве для обсуждения вопроса об оказании материальной помощи русскому, казахскому и киргизскому населению Семиреченской области, пострадавшему от «киргизского мятежа» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4639. Л. 103]. Значительное внимание на заседаниях Совещания уделялось вопросу возвра-

щения участников восстания из Синьцзяна, бежавших в китайскую провинцию в период его подавления царскими властями. Туркестанский комитет Временного правительства во главе с Тынышпаевым и Шкапским совместно с Областным киргизским съездом Семиреченской области разработали по поручению Межведомственной комиссии специальный план, согласно которому «для успокоения киргизов, возвращавшихся из пределов Китая», предполагалось «прежде всего, обеспечить их землей, а затем оказывать им материальную помощь и продовольствие». Учитывая тот факт, что беженцы сильно пострадали экономически и «ограблены китайцами донага», каждой бежавшей семье планировалось выплатить по 100 руб. компенсации. Исходя из расчета, что возвратиться из пределов Синьцзяна должно было 50000 семей, Туркестанским комитетом Временного правительства было запрошено 5000000 рублей [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4639. Л. 103об. — 104].

Решение Межведомственного совещания об оказании материальной помощи казахским и киргизским беженцам — участникам восстания 1916 г. было утверждено Постановлением Временного правительства об оказании помощи пострадавшим от «киргизского мятежа» в Семиреченской области 30 сентября 1917 г. [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4639. Л. 176–176об.]. 25 октября 1917 г. Временное правительство обратилось к населению Семиреченской области, в котором содержался призыв к русскому, казахскому и киргизскому народам с просьбой простить взаимные обиды и примириться [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4639. Л. 108–108об.].

Начавшийся процесс возвращения беженцев-участников восстания 1916 г. из Китая в пределы Туркестана был прерван революционными событиями октября 1917 г. и последовавшей Гражданской войной в России 1918–1921 гг. Только после ее окончания уже советское правительство вновь вернулось к данной проблеме. При этом оно руководствовалось сугубо прагматическими задачами: стремясь усилить свое политико-идеологическое влияние среди мусульманского населения Туркестанской АССР, Советская Россия подчеркивала свое стремление максимально «исправить те несправедливости, которые в отношении киргиз были совершены царским правительством», и провести «ряд реформ для ликвидации бедственных для киргиз последствий прежней колонизаторской политики этого правительства, отнявшего у них лучшие пахотные и кочевые угодья в пользу искусственно насаждаемого в известных целях пришлого населения» [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 412].

В ноябре 1921 г. в Кульдже состоялось совещание представителей РСФСР и киргизских беженцев. На нем присутствовали Уполномоченный в Западном Китае Казанский, Уполномоченный в Кульдже Куликов, а также представитель от киргиз-беженцев Бекимов, Аильчинов, врач Якуббаев [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 412]. По итогам совещания удалось выяснить, что за период Гражданской войны переход беженцев в пределы Синьцзяна продолжался активными темпами. Погромная деятельность под советским флагом крестьянской армии Мамонтова в 1918 г., Гражданская война в Семиречье двинули в китайские пределы беженцев-казахов из Сергиопольской, Алакульской волостей Лепсинского уезда, беженцев-киргизов — из Копальского и отчасти Джаркентского уездов. Позднее, в 1920 г., к ним присоединились казахи Боганской, Хабарасийской, Кокпектинской, Чириктинской волостей

Зайсанского уезда Семипалатинской области. Надо отметить, что это движение коснулось в значительном количестве таранчинцев и дунган Джаркентского уезда. Всего к 1921 г. в Синьцзянской провинции находилось до 150 000 беженцев [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 416–419].

Стабилизация политической ситуации в Туркестанской АССР и близость окончания гражданского противостояния послужили сигналом к возврату беженцев на Родину. Громадное большинство уходящих в Россию весной-осенью 1921 г. переходило границу «самотеком», что создавало массу недоразумений. Китайские власти таких нелегалов задерживали, арестовали, а скот отбирали. Те, кто собирался покинуть пределы Синьцзяна официально, согласно распоряжениям китайских властей были обязаны заплатить долги, если они имелись, а также особый налог (5% стоимости перегоняемого скота) [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 421].

Тем не менее, к осени 1922 г. в пределы Туркестанской АССР вернулось около 100 тыс. беженцев. По донесениям уполномоченных Советского правительства в Кульдже и Чугучаке Представительству Народного комиссариата иностранных дел РСФСР в Средней Азии, беженцев, оставшихся в пределах Китая, насчитывалось 46–50 тыс. человек. «В Илийском районе края с Вороталинским районом и Тарбанатаем осталось до 33 000 душ киргиз. В Уч-Турфанском, Аксуйском и Кашгарском районе до 2000 юрт (т. е. 12000 человек), 2000 человек одиночек таранчинцев Джаркентского и Верненского уездов и 1500 человек дунган почти исключительно Пржевальского и Вервенского уезда, расселенные по всей Синьцзянской провинции (Хами, Гучен, Карашаар, Аксу, Уч-Турфан, Кучи и города Илийского края) до 8000 человек» [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 423].

Экономическое положение оставшихся в пределах Синьцзяна беженцев оставалось крайне тяжелым. Во время бегства в 1916 г. из Туркестана они лишились значительной части своего имущества и скота, которые были направлены на выплаты синьцзянским властям в виде взяток за пропуск через границу или просто отняты китайцами. Еще больший урон киргизам и казахам нанес падеж скота зимой с 1919 на 1920 г. Главным же препятствием к отъезду беженцев в Советский Туркестан являлась их задолженность китайско-подданными. Всего по данным уполномоченных Советского правительства в Кульдже и Чугучаке только 40% (20 тыс. человек) оставшихся в Синьцзяне беженцев смогли бы выехать в Россию за свой счет. Остальным 60% (30 тыс. человек) требовалась финансовая помощь советского правительства [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 423–424].

В ноябре 1922 г. Советским правительством было принято решение об ассигновании 25 тыс. руб. золотом на проведение реэвакуации киргизов и казахов — беженцев из Синьцзяна [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 427–428]. В Народном комиссариате иностранных дел (НКВД) была разработана специальная инструкция по реэвакуации беженцев Западного Китая, направленная Уполномоченному НКВД в Средней Азии Л. М. Михайлову. Согласно инструкции, выделенные средства должны были расходоваться исключительно на нужды беженцев, не имеющих возможности выехать в Советскую Россию «вследствие задолженности или отсутствия средств для проезда, то есть а) уплачивается их задолженность (по возможности не вся сумма), б) оплачи-

вается наем перевозочных средств от места нахождения беженца до города Пржевальска, Джаркента или Бахты (в зависимости от района его нахождения) и в) выдаются кормовые деньги из расчета минимальной действительной потребности». Кроме этого, выделенные средства могли расходоваться на доставку валюты до Чугучака и Кульджи, «содержание сотрудников по беженским делам при представительствах НКВД» в Синьцзяне и выплату им командировочных расходов [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 429–430].

Уполномоченный Совнаркома Туркестанской республики Баронбаев, непосредственно участвовавший в реэвакуации киргизских и казахских беженцев из Синьцзяна, вспоминал об этих событиях: «в качестве мер, обставляющих организованность работ, было выдвинуто создание совещания при Уполномоченном НКВД в числе трех человек во главе с Уполномоченным НКВД. Это совещание должно было руководить принципиальной стороной работы, включая и расходование отпущенных средств, одновременно с этим по решению совещания был организован живой, гибкий агитационный аппарат из самих беженцев, цель которого должна была выразиться установлением непосредственной связи между беженской массой и представительством». Члены созданного совещания также проводили работу, связанную с регистрацией беженцев, подготовкой необходимых им документов и официальной отправкой на Родину, осуществляли взаимодействие с китайскими региональными органами власти по данному вопросу [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 431–435].

С начала 1923 г. началась реэвакуация беженцев — казахов и киргизов из Синьцзяна в ТурАССР. По донесениям Уполномоченного НКВД в Средней Азии Л. М. Михайлова, всего «с начала года по 1 июня 1923 г. прошло 892 человека. Из Чугучака в июле направлено 300 юрт бедняков. В августе Кульджинское представительство направит в Джаркент 200 семей. Предполагается к отправке еще 500 семей. На реэвакуацию кириз отправлено в Кульджу 17 тыс. серебром и 6 тыс. золотом на реэвакуацию белых. Белых реэвакуировано из Китая в Алма-Ату более 100 человек. Общее число белых в Кульджинском крае около 600 чел.» [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 431].

В начале 1924 г. советским властям пришлось констатировать, что темпы возвращения на Родину киргизских и казахских беженцев крайне низкие. Одной из центральных причин сложившейся ситуации указывалась плохая осведомленность беженцев о мерах советского правительства, предпринимаемых для их возвращения в Туркестан. В объяснительной записке Уполномоченного НКВД в Кульдже З. И. Печатникова заведующему отделом Среднего Востока НКВД В. М. Цукерману от 9 апреля 1924 г. подчеркивалось «в Кульджинском крае остался преимущественно беднейший батрацкий элемент, не имеющий до сего времени возможности выехать на родину в силу своей бедности и не воспользовавшийся помощью для этого Представительства НКВД вследствие своего неведения об этом и отдаленности от местонахождения последнего, то есть от г. Кульджи. Представительство же, лишённое права объезда своего консульского района, побывать в местах расположения беженцев, произвести регистрацию и оказать необходимую для выезда помощь в настоящее время не в состоянии» [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 449–450].

Среди прочих причин, тормозящих процесс реэвакуации, Уполномоченный НКВД в Средней Азии Л. М. Михайлов называл заинтересованность китайских властей в киргизах-беженцах как объекте обложения поборов и как дешевой рабочей силе; неуверенность состоятельной части киргизов и казахов в неприкосновенности их имущества при возвращении на родину; большая задолженность неимущих беженцев местному китайскому населению, превратившая их фактически в рабов; опасения беженцев быть ограбленными при переходе границы; влияние местной организации «Шанхай», «состоящей из беженской киргизской и мусульманской интеллигенции, тормозящей реэмиграцию» [ЦГА КР. Ф. 2178. Оп. 1. Д. 3. Л. 21–21 об.].

Для устранения всех вышеперечисленных проблем советское руководство принимало значительные меры. С целью организации выезда малоимущих и обедневших казахов и киргизов были увеличены объемы материальной помощи реэвакуированным. Беженцам для переезда предоставлялись подводы от Кульджи до Джаркента Семиреченской области ТурАССР, где они поступали для дальнейшего устройства в беженские комиссии. На дорогу до Джаркента им выдавались денежные средства. Китайским властям Синьцзяна «за пропуск беженцев обоего пола 16 и свыше лет выплачивалось по 10 илийских тецз» [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 450].

Параллельно усиливалась работа по приему и обустройству беженцев в Киргизской (Казахской) АССР и Туркестанской АССР, Автономной Кара-Киргизской области КирАССР. Специально подготовленная Особой комиссией ТурЦИКа инструкция от 8 мая 1921 г. по приему беженцев, прибывающих из Китая в Семиречье, и оказанию им первоначальной помощи была направлена в специально созданные уездные комитеты беженцев. Инструкцией предполагалось создание для пребывающих из Китая беженцев в пограничных уездах Семиреченской области приемо-питательных пунктов. Особо в инструкции подчеркивалось, что принимать беженцев необходимо только по предоставлению последними документов, «удостоверенных Китайским Правительством или Представителями РСФСР в Китае об их личности как беженца». Все реэвакуированные заносились в регистрационную книгу по установленной форме, после чего им выдавалось удостоверение с отметкой о видах помощи, оказанной им приемно-питательным пунктом. Перед отправкой на новое место жительства беженцы подвергались медицинскому осмотру, больные обязательно направлялись в ближайшие медицинские пункты на карантин. Из прошедших все формальные процедуры реэвакуированных формировали группы и направляли в волости и аулы, на места нового жительства [ЦГА КР. Ф. 2178с. Оп.1с. Д. 3. Л. 22–22 об.].

Особо следует отметить, что возвращение на родину казахских и киргизских беженцев, организованное советской властью, приняло классовый характер. Так, например, работа приемно-питательных пунктов и предоставляемая ими помощь дифференцировалась в зависимости от социально-имущественного положения реэвакуированных. «Состоятельные беженцы» лишались «всех видов пособий, кроме продуктов довольствия со стороны питпункта»; неимущие беженцы получали «все виды довольствия, как средства передвижения, так и продукты довольствия первой необходимости», им предоставлялись «материал на одежду и обувь», «подводы за счет Уездкомбежа по уста-

новленной таксе, суточные по 450 р. на взрослых и по 225 р. на детей до 10-летнего возраста» [ЦГА КР. Ф. 2178с. Оп. 1с. Д. 3. Л. 22–22 об.].

Классовую сущность процесса реэвакуации казахских и киргизских скотоводов из Синьцзяна подчеркивали и представили региональной власти. В одном из отчетов Совнаркому СССР отмечалось: «Весь процесс реэвакуации сначала и до конца в общем имеет громадное значение для общественно-политической жизни Тарбагатайского округа. Прежде всего, реэвакуация беженцев носит характер политической борьбы богатых и бедных. На самом деле вопрос закабаления и задолженности в процессе работы вылился в то, что кредиторы, должники вступали в массовые споры, преходящие иногда в кулачные бои и возмущения. Кредитор требовал и не отпускал. Беженец-батрак-должник вырывался от его когтей к свободе открыто, не платя несправедливые долги. Казалось, эта борьба при благоприятных условиях подготовки перейдет в массовый ожесточенный бой между богатыми и бедными. Замечалось, во многих беженцах-киргизах пробуждается сознание, что он несправедливо закабален и растоптан, и нужно сделать решительный шаг к тому, чтобы порвать эти тяжелые цепи» [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 446–448].

Действительно, по данным Уполномоченного НКВД при правительстве РСФСР Ф. А. Ротштейна, по своему социальному составу беженцы делились на три группы. Первую составляла «самостоятельная часть, богатства которой измерялись числом баранов от 50 до 200 на семью. Их 5% от общего числа беженцев. Ко второй группе относилась часть среднего достатка, богатства которой измерялись числом баранов от 10 до 50 на семью. Эта группа составляет 50% от общего числа беженцев. К третьей группе, равняющейся 45% от общего числа беженцев, принадлежали работающие по найму: пастухи, батраки и тому подобные. Эта последняя группа была вся в долгу у китайцев. Она разбросана по всей Синь-Цзянской провинции, обстоятельство, затрудняющее определение местонахождения отдельных беженцев этой группы» [ЦГА КР. Ф. 2178. Оп. 1. Д. 3. Л. 21–21 об.].

Данные обстоятельства требовали от региональных органов советской власти увеличения темпов реэвакуации беднейших слоев беженцев. На протяжении 1925–1926 гг. они значительно увеличили финансирование процесса реэвакуации, оказания материальной помощи беженцам. Во второй половине 1926 г. в Синьцзян была направлена специальная комиссия СНК РСФСР, посетившая главные районы сосредоточения беженцев. В результате произведенного ею обследования было установлено, что к концу 1926 г. в Кашгарско-Аксуйском районе продолжали кочевать 450 юрт, в Урумчинском районе — 50 юрт, в Илийском (Кульджинском) — 1400 юрт. Всего 1900 юрт, приблизительно численностью 11000 человек. Кроме вышеуказанных районов, некоторое количество беженцев имелось в Тарбагатайском (Чугучакском) округе Синьцзяна. Однако из-за частных перекочевок казаков-беженцев учесть их было крайне сложно [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 459].

По заключению Комиссии, за истекшие 1922–1926 гг. основная масса беженцев уже была эвакуирована в СССР. Оставшиеся 1900 юрт принадлежали в основном зажиточным беженцам, «завязавшим новые семейные и экономические связи в Синьцзяне», поэтому рассчитывать на их возвращение на родину не приходилось.

Беженцы-батраки, связанные кабальными отношениями с местными баями, и беднота, «закабаленная китайскими властями для отбывания натуральных повинностей» (в районе Джихо Илийского округа) приблизительно составляли, по данным комиссии, несколько сотен семейств. Китайские власти Синьцзяна охотно готовы были переправить их в СССР при условии ликвидации их кабальных «долгов» [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 459].

На основании полученной информации заседание Особой комиссии по пограничным вопросам в Ташкенте в составе: уполномоченного НКВД в Узбекистане, ПП ОГПУ в Средней Азии, уполномоченного НКТорга СССР в Средней Азии и др., состоявшееся 15 декабря 1926 г. в Ташкенте, постановило: «ввиду возвращения в СССР значительной части беженцев, закончить реэвакуацию беженцев-казаков и киргиз не позднее мая 1927 г.». Этот срок на основании ходатайства консула в Кульдже был продлен до 1 октября 1927 г. [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 460].

Таким образом, вопрос о возвращении в СССР беженцев — участников туркестанского восстания 1916 г. занял важное место в национальной политике советского руководства. Оно обратилось к нему в 1921 г., после окончания Гражданской войны. Всего на территории Синьцзяна к этому времени находилось около 150000 казахских и киргизских беженцев. Основная организационная работа по выявлению беженцев, проведению среди них разъяснительной работы, урегулированию правовых вопросов с представителями власти Синьцзянской провинции, а также, собственно, само переселение беженцев в пределы Казахской и Туркестанской автономных Советских Социалистических Республик пришлось выполнять уполномоченным Народного комиссариата по иностранным делам в Кульдже и Чугучаке. В результате в 1927 г. основной массив беженцев был реэвакуирован в пределы СССР. На территории Синьцзяна остались проживать около 10–11 тысяч участников восстания 1916 г., в основном зажиточные скотоводы, отказавшиеся возвращаться на родину.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бедельбаев А. Б. Восстание 1916 года в Кыргызстане сквозь призму периодической печати // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2016. Т. 16, № 1. С. 201–205.

Восстание 1916 года в Туркестане. Документальные свидетельства общей трагедии : сборник документов и материалов / под ред. Т. В. Котюковой. М., 2016. 458 с.

История Казахстана с древнейших времен до наших дней : в 5 т. Т. 3. Алматы : Наука, 2000. 766 с.

Какеев А. Ч. Восстание 1916 г.: к проблеме историографии и источниковедения // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2015. Т. 15, № 5. С. 200–206.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

Рыскулов Т. Из истории борьбы за освобождение Востока // Новый Восток. 1924. № 6. С. 270–274.

Рыскулов Т. Восстание туземцев Средней Азии в 1916 году. Кызыл-Орда : Гос. изд-во КССР, 1926. 124 с.

Сапаргалиев Г. С. Карательная политика царизма в Казахстане (1905–1917 гг.). Алма-Ата : Наука, 1966. 376 с.

Судейменов Б. С., Басин В. Я. Восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата : Наука, 1977. 164 с.

Турсунов Х. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. 428 с.

Усенбаев К. Восстания 1916 г. в Киргизии. Фрунзе: Госиздат УзССР, 1967. 327 с.

Центральный государственный архив Кыргызской Республики

Charles W. Hostler. Turkism and the Sarts. London: G. Allen & Unwin, 1957. P. 189. (на англ. яз.).

Лысенко Ю. А., Анисимова И. В., Бочкарева И. Б. и др. Элементы европейской политической культуры в центральноазиатских национальных окраинах Российской империи: особенности восприятия инокультурных инноваций (конец XIX — начало XX в.) // Былые годы. 2015. № 4. С. 955–964.

Sokol Edward Denis. The revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimor: Johns Hopkins University. 1954. P. 216 (на англ. яз.).

REFERENCES

Bedelbaev A. B. Vosstanie 1916 goda v Kyrgyzstane skvoz prizmu periodicheskoy pechati [The revolt of 1916 in Kyrgyzstan through the prism of periodicals]. | *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo slavianskogo universiteta* [Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University]. 2016, vol. 16, no.1. S. 201–205 (in Russian).

Vosstanie 1916 g. v Turkeстане. Dokumentalnye svidetelstva obschey tragedii: Sbornik dokumentov i materialov. [The 1916 rebellion in Turkestan. Documentary evidence of a common tragedy: a Collection of Documents and Materials]. / Ed. by T. V. Kotyukova, 2016. 458 s. (in Russian).

Istoriya Kazahstana s drevneyshih vremen do nashih dney v pyati tomah. [History of Kazakhstan from ancient times until nowadays]. 2000, vol. 3. 766 s. (in Russian).

Kekeev A. C. Vosstanie 1916 g.: k problem istoriografii i istochnikovedeniya. [The Revolt of 1916: the problem of historiography and source studies]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo slavianskogo universiteta* [Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University]. 2015, vol. 15, no. 5. S. 200–206 (in Russian).

RGVIA — *Russian State Military Historical Archive* [Russian State Military Historical Archive] (in Russian).

Ryiskulov T. Iz istorii borby za osvobozhdenie Vostoka [From the history of the struggle for the liberation of the East]. *Novyi vostok* [The new East]. 1924. S. 270–274 (in Russian).

Ryiskulov T. Vosstanie tuzemtsev Sredney Azii v 1916 godu. [The uprising of the natives of Central Asia in 1916]. 1926. S. 46–122 (in Russian).

Sapargaliev G. S. Karatelnaya politika tsarizma v Kazahstane (1905–1917gg.) [The punitive policy of tsarism in Kazakhstan (1905–1917 gg.)]. 1966. 376 s. (in Russian).

Suleymenov B. S., Basin V. Ya. Vosstanie 1916 g. v Kazahstane [The revolt of 1916 in Kazakhstan]. 1977/ 164 s. (in Russian).

Tursunov H. Vosstanie 1916 g v Sredney Azii i Kazahstane. [The revolt of 1916 in Central Asia and Kazakhstan]. 1962. 428 s. (in Russian).

Usenbaev K. Vosstaniya 1916 g. v Kirgizii. [The revolt of 1916 in Kyrgyzstan]. 1967. 327 s. (in Russian).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Kyrgyzskoi Respubliki [Central State Archives of the Kyrgyz Republic] (in Russian).

Charles W. Hostler. Turkism and the Sarts. London:: G. Allen & Unwin,, 1957. p. 189 (in English).

Lysenko Yu. A., Anisimova I. V., Bochkareva I. B. I dr. Elementy evropeiskoi politicheskoi kul'tury v tsentral'noaziatskikh okrainakh Rossiiskoi imperii: spetsifika vospriiatiia zarubezhnykh kul'turnykh innovatsii (konets XIX — nachalo XX veka). *Bylye Gody* [Bylye gody]. 2015, vol. 38. no.4. S. 955–964 (in Russian).

Sokol Edward Denis. The revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimor: Johns Hopkins University, 1954. 216 s. (in English).

Цитирование статьи:

Лысенко Ю. А. Процесс возвращения беженцев — участников Туркестанского восстания 1916 г. из Китая органами советской власти в 20-е гг. XX в. // Народы и религии Евразии. 2020. №4 (25). С. 112–122.

Citation:

Lysenko Y. A. The process of returning refugees — participants of the Turkestan uprising of 1916 from China by the organs of Soviet power in the 1920s of the 20th century. Nations and religions of Eurasia. 2020. №4 (25). P. 112–122.

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 2.38: 94 (517)

DOI: 10.14258/nreur(2020)4–09

Ю. И. Дробышев

Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)

МОНГОЛЬСКИЙ ХАГАН КАК СЫН БОГА

Обширные монгольские завоевания в XIII в. привели к столкновению разных культур и вызвали необходимость трансляции понятий из одной культуры в другую. Одним из них, обсуждаемых в настоящей статье, было понятие «Сын Бога», восходящее, скорее всего, к китайскому «Сын Неба». Монголы практически не использовали китайскую политико-философскую терминологию, но она, по-видимому, бытовала в их империи благодаря киданьским советникам наряду с исконно степной. В сношениях с христианами монголы иногда использовали словосочетание «Сын Бога» по отношению к своим хаганам, прежде всего к Чингисхану, что, разумеется, воспринималось христианами крайне негативно, поскольку в их культуре этот эпитет мог принадлежать только Иисусу Христу. В статье предпринимается попытка проследить употребление этого понятия в монгольской дипломатике середины XIII в. — периода наивысшего могущества Монгольской империи. Автор приходит к выводу, что, несмотря на легенду о небесном происхождении своих предков, ни Чингисхан, ни остальные великие ханы не имели этого звания официально. В дипломатической переписке и хрониках оно появляется sporadически и только в позднесредневековой монгольской историографии становится постоянным эпитетом обожествленного Чингисхана.

Ключевые слова: хаган, Сын Бога, Монгольская империя, Чингисхан, Сын Неба.

Yu. I. Drobyshev

Institute of oriental studies Russian academy of sciences, Moscow (Russia)

MONGOLIAN KHAGAN AS A SON OF THE GOD

Extensive Mongol conquests in the 13th century led to a clash of different cultures and necessitated the translation of concepts from one culture to another. One of them discussed in this article was the concept of “Son of God”, which most likely goes back to the Chinese “Son of Heaven”. The Mongols practically did not use Chinese political and philosophical terminology, but it seems to have existed in their Empire thanks to Kitan advisers along with the native steppe notions. In communications with Christians, the Mongols used the phrase “Son of God” in relation to their khagans, especially Genghis Khan, which, of course, was perceived by Christians very negatively, since in their culture this epithet could only belong to Jesus Christ. The article attempts to trace the use of this concept in Mongolian diplomacy in the middle of the XIII century — the period of the highest power of the Mongol Empire. The author concludes that, despite the legend of the heavenly origin of their ancestors, neither Genghis Khan nor the other great khans had this title officially. It appears sporadically in diplomatic correspondence and chronicles, and only in late medieval Mongol historiography does it become a permanent epithet of deified Genghis Khan.

Key words: Khagan, Son of God, Mongol Empire, Genghis Khan, Son of Heaven.

Дробышев Юлий Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия).

Адрес для контактов: altanus@mail.ru.

Drobyshev Yuliy Ivanovich, PhD, senior researcher of the Department of History of the East of the Institute of Oriental studies RAS, Moscow (Russia). **Contact address:** altanus@mail.ru.

В отношениях с христианским миром под словом «Бог» средневековые монголы имели в виду свое высшее божество — Вечное Синее Небо (Тэнгри), от имени которого монгольские хаганы¹ диктовали народам свою волю. Чтобы верховный авторитет их посланий был понятен представителям монотеистических культур, в дипломатической переписке они называли его Богом или Аллахом. Проблема перевода понятий не просто с одного языка на другой, а их перенос из одной системы понятий в другую, основанную на иных принципах, решалась не всегда успешно. Во всяком случае, должно было пройти определенное время, чтобы оппоненты смогли адекватно соотнести сообщаемое монголами понятие с теми, которые имелись в их собственной культуре. В настоящей статье мы рассмотрим одно из них. В европейских источниках

---

¹ Хаганами, т. е. «ханами всех ханов», назывались верховные правители Монгольской империи — Угэ-дэй (1229–1241), Гуюк (1246–1248) и Мункэ (1251–1259), а также ее формальный глава, признававшийся не всеми монгольскими лидерами, — Хубилай (1260–1294).

XIII в., сообщающих о деяниях монгольских завоевателей, можно встретить именование некоторых представителей высшей монгольской элиты «Сынами Бога». Неудивительно, что претензии вождей «диких варваров» на родство с Богом были восприняты христианами как неслыханная гордыня и кощунство, но какой смысл вкладывали сами монголы (или их переводчики) в эти слова?

Тэнгрианское понимание связи между Небом и хаганом в корне отличалось от христианского взгляда на Отца и Сына. В средневековой кочевой культуре (неважно, монгольской или тюркской) хаган не имел в себе трансцендентной природы, он не был единственен Небу, несмотря на небесное происхождение своих далеких предков [Кычанов, 2007: 190–194], но был плоть от плоти земным человеком, зачатый и рожденным совершенно обыкновенным образом от вполне обычных, даже не всегда знатных, людей. От всех прочих его отличало обладание особой духовной силой (*sülde, suu jali*), подобной иранскому *фарру*, которую западная цивилизация называет харизмой. В принципе, этой силой наделен каждый человек, хотя в очень разной мере. Имеющие ее с избытком становятся лидерами, революционерами, гениями. Небо примечает таких людей, оберегает их, умножает их силу и, в конце концов, способствует восхождению к власти. Поэтому обладающие харизмой индивиды способны увлечь за собой, они делают историю. Этот феномен всесторонне изучили на примере мира средневековых кочевников Ж.-П. Ру, Г. Франке, Т. Д. Скрынникова и ряд других специалистов. Как младший по отношению к Небу, хаган мог символически считаться его сыном.

Начнем с основателя империи — Чингисхана (1162? — 1227), который, правда, формально не имел хаганского титула, поскольку его уникальное звание — *чингис* — было еще выше². Родственные отношения Чингисхана с Небом декларируются уже в первых строках «Сокровенного сказания монголов» через небесную санкцию на появление его предков — Бортэ-Чино и Гоа-Марал. Но это лишь благословение Неба, а его более серьезное вмешательство в земные дела произошло позже, когда его посланец, способный менять обличья, начал являться овдовевшей Алан-Гоа и стал отцом ее сыновей, о чем она поведала их старшим братьям, появившимся на свет обычным путем: «Но каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда светило внутри (погасло), входит, бывало, ко мне светлорусый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево. А уходит так: в час, когда солнце с луной сходится, процарапываясь, уходит, словно жёлтый пёс. Что ж болтаете всякий вздор? Ведь если уразуметь все это, то и выйдет, что эти сыновья отмечены печатью небесного происхождения. Как же вы могли болтать о них как о таких, которые под пару простым смертным? Когда станут они царями царей, ханами над всеми, вот тогда только и уразумеют всё это простые люди!» [Козин, 1941: § 21]. Разбирая этот идеологически очень важный пассаж, И. де Рахевилц считает, что слово «божественные» по отношению к чудесно рожденным сыновьям (*tenggeri-yin kö'üt*) следует понимать подобно тюркским «небо-рожденные» и «небоподобные» или китайскому «Сыны Неба», т. е. самим Небом пред-

² Один из лучших и до сих пор не утративших актуальность обзоров мнений об этом звании был выполнен П. Пелльо: [Pelliot, 1959: 296–303]. См. также: [Мэн-да бэй-лу, 1975: 109–111; Панкратов, 1989: 180–189; Убушаев, 2001: 49–50; Дугаров, 1996: 163–166; Ulziibayar Sodnom, 2018: 94–99].

назначенные властвовать [Rachewiltz, 2007: 118]. Между тем источник не метафорически, а осторожно-натуралистически описывает процесс непорочного зачатия Алан-Гоа от небесного существа.

Д. Эгль видит в данном эпизоде подтверждение того, что монгольские ханы считались «Сынами Неба». Он обращает внимание на знаменательное сходство: предок Чингисхана был рожден без участия отца, как Иисус Христос. По мнению ученого, в сохранившейся на латыни дипломатической переписке Чингисхан часто упоминается как «Сын Бога» [Aigle, 2015: 159]. Впрочем, с последним утверждением трудно согласиться. Как будет показано ниже, такое упоминание встречается весьма редко.

Уже в юаньскую эпоху земной отец Чингисхана Есугэй перестает упоминаться в некоторых сочинениях, таких как анонимная «Белая история» или «Объяснение постижимого» Пагба-ламы. Чингисхан объявляется инкарнацией бодхисатвы Ваджрапани или сыном Хормусты — персонифицированного Неба. Эта традиция продолжается и в поздних легендах, зафиксированных в некоторых монгольских летописях XVII–XIX вв., например, в «Хрустальном зеркале» Джамбадорджи. Для потомков основателем правящей династии был именно Чингисхан, а не Есугэй, культ которого неизвестен [Karolnas, 2015: 62–66].

В этой связи необходимо сделать два замечания. Во-первых, забвение Есугэя в монгольской историографии закономерно. Героем и, соответственно, субъектом почитания становится именно тот, кто совершает подвиги и достигает вершин власти, а не его отец, даже если кровнородственная связь между ними полностью подтверждается. Однако и это в данном случае не может считаться фактом. «Сокровенное сказание» сообщает, что Есугэй отнял свою будущую жену Оэлун у меркита Чиледу, который вез ее со свадьбы [Козин, 1941: § 54–56], поэтому можно подозревать, что она уже была беременна. Во-вторых, могла существовать и политическая причина не поднимать лишний раз вопрос об отце Чингисхана, будь он кровный или нет: Есугэй занимал в степной иерархии весьма скромное место, а его родство с ханами пресловутого «Хамаг монгол улус» наукой не доказано. Чтобы оставалось как можно меньше сомнений в легитимности объединителя кочевников, он должен был происходить из древнего знатного рода, но сфальсифицировать это очень сложно: степняки слишком хорошо знали свои родословные. Возможно, для решения этого противоречия авторам летописей потребовалось акцентировать небесное происхождение Чингисхана. В конце концов, власть над всеми народами дало ему Небо, а не земной отец. Называть Небо своим отцом кажется вполне естественным для высших правителей, это констатация личной, родственной, но не кровной связи, это не просто подчинение божеству, как у обычных людей, а особый, надчеловеческий статус. Для общества, в котором основной социальной единицей является род, восходящий к мифологизированному, обожествленному первопредку, идея такой связи должна быть близка и понятна. На помощь летописцам пришел буддизм. Вместо анимистических предков «Сокровенного сказания» средневековая монгольская историография начала возводить ханский род к мифическому царю Махасаммате через линию индийских и тибетских царей. Не будучи ни царем, ни буддистом, Есугэй оказался в этой цепи лишним звеном.

Итак, рассмотрим сообщения с упоминанием Чингисхана как сына Бога. Известно только два таких письма, отправленных монгольскими хаганами в Европу. Одно из них представляет собой латинский перевод послания хагана Гуюка своему наместнику в Закавказье и на Ближнем Востоке нойону Байджу (ок. 1200–1259). Эта копия была сделана специально для вручения посольству доминиканского монаха Асцелина наряду с ответом папе римскому Иннокентию IV (1243–1254). Текст письма воспроизвел член посольства Симон де Сент-Квентин в книге «История татар», сохранившейся в виде фрагментов, включенных Винсентом из Бове (1190–1264) в свой труд «Великое зеркало». Таким образом, первоначальный текст подвергся обработке, как минимум, трижды. В нем употреблена формула «Чингисхан, возлюбленный и почитаемый сын Бога» (цит. по: [Юрченко, 2006: 111]) (*лат.* «Chingiscam, filius Dei dulcis et venerabilis») [Voegelin, 1941: 389; Юрченко, 2006: 110]. Она хорошо согласуется с «мироустроительной» идеологией Монгольской империи и с практически несомненным обожествлением Чингисхана вскоре после его смерти или даже при жизни, но, за неимением монгольского оригинала и принимая во внимание скандальные обстоятельства получения европейцами этого послания, необходимо подходить к данным словам очень осторожно.

Отчет Симона де Сент-Квентина о путешествии к монголам — красноречивый документ, свидетельствующий о взаимонепонимании европейской и центрально-азиатской цивилизаций. Он изобилует словами о Боге, которые якобы неустанно звучали в ставке нойона Байджу в армянском Сисиане, куда дошло посольство во главе с Асцелином. Сыном Бога назван не только Чингисхан, но и сам Гуюк. Письмо папы римского, которое вез Асцелин, было адресовано не монгольскому хагану, а повелителю «первого же войска тартар», встреченному на пути. Таковым оказался нойон Байджу. Монголы потребовали от послов поклониться Байджу как полномочному представителю хагана: «Если вы хотите лицедреть нашего господина и представить ему послание вашего господина, то нужно, чтобы вы ему поклонились как сыну Бога, царящему на земле, прежде перед ним трижды преклонив колена. Ибо приказал нам Хан, царящий на земле, сын Бога, дабы мы сделали так, чтобы поставленные им предводители, нойон Байот и Баты, были почитаемы всеми сюда прибывающими так же, как если бы то был он сам. Так мы и делали вплоть до сих пор и обещаем это всегда твердо соблюдать» (цит. по: [Юрченко, 2006: 95]). В развернувшемся споре они аргументировали свое требование так: «Если уж вы, христиане, поклоняетесь дереву и камню, то есть вырезанным из дерева и камня крестам, то почему вы отвергаете поклонение нойону Байоту, которому сын Бога Хан приказал поклоняться, как самому себе?» (цит. по: [Юрченко, 2006: 101]). Из письма Гуюка Байджу, копию которого сделали для отправки в Рим и которое сами монголы называли «посланием Бога», недвусмысленно следует, что нойон действовал в полном соответствии с хаганской волей и, следовательно, в полной мере выражал волю Неба. Показательно начало этого письма: «По повелению Бога живого, Чингисхан, возлюбленный и почитаемый сын Бога, говорит: как Бог, вознесенный надо всем, есть бессмертный Бог, так на земле лишь один господин — Чингисхан. Хотим, чтобы эти слова дошли до слуха всех повсеместно, в провинциях нам покорных и в провинциях, против нас восстающих. Итак, следует, чтобы ты, о нойон Байот, вну-

шил им и возвестил им, что повеление Бога живого и бессмертного таково» (цит. по: [Юрченко, 2006: 111]).

Пожалуй, именно в связи с неудачной миссией Асцелина тема родства хагана и Бога звучала в средневековой Европе чаще всего. Нет никаких сомнений, что монголы говорили о своем высшем божестве — Вечном Синем Небе, но для прибывших христиан это понятие переводилось словом «Бог». Так «сыновья Неба» стали «сыновьями Бога», что, вполне естественно, не могло быть принято Асцелином и его свитой, и только углубило непонимание между сторонами.

Второе свидетельство — грамота хагана Мункэ на имя Людовика IX (1226–1270), переданная через Гильома де Рубрука (ок. 1220 — ок. 1293) и записанная последним через толмача. Она начинается словами, очень похожими на слова Гююка: «Существует заповедь вечного Бога: на небе есть один только вечный Бог, над землею есть только единый владыка Чингисхан, сын Божий...» [Гильом де Рубрук, 1997: 175]. Тут же францисканец поясняет, что монголы, «вознесясь в своей гордыне, именуют его ныне и сыном Божиим» [Гильом де Рубрук, 1997: 175]. Можем ли мы, опираясь на эти факты, говорить о систематическом употреблении в Монгольской империи титула «Сын Неба» по отношению к Чингисхану? Для ответа на этот вопрос необходимо привлечь дополнительную аргументацию.

Все остальные сведения такого рода являются пересказами, принадлежащими самим европейцам, а также некоторым другим народам, в частности армянам, что позволяет сомневаться в их подлинно монгольском авторстве, тем более что в них на родство с Богом претендует уже не только Чингисхан, но и его потомки. В принципе, Чингисиды имели право на высшую власть и высшие почести как в единой империи, так и государствах, возникших после ее распада, где идеология «чингизизма», как ее назвал В. П. Юдин [1992: 16–21], существовала еще долгое время. Однако здесь мы ограничимся в основном серединой XIII в.

Намек на обожествление Чингисхана можно найти в сообщении знаменитого армянского историка и религиозного деятеля Киракоса Гандзакеци (ок. 1200–1271), ссылающегося на слова монголов. Имя монгольского владыки не указано, но по титулу можно предположить, что он относится к Угэдэю, в годы правления которого было покорено Закавказье, а под «государем» в данном случае следует понимать Чингисхана: «Но обычно они рассказывают вот что: государь их — родственник бога, взявшего себе в удел небо и отдавшего землю хакану» [Киракос Гандзакеци, 1976: 173].

Отвечая на вопросы о монголах на Лионском соборе в 1245 г., русский архиепископ Петр воспроизвел слова монгольского ультиматума, доставленного на Русь: «Когда его спросили о вероисповедании [их], он ответил, что они веруют в единого владыку мира, и когда отправили посольство к рутенам, поручили [сказать] такие слова: «Бог и сын его — на небе, Чиархан — на земле»» [Матузова, 1979: 152, 181] (*лат.* «Deus et filius eius in caelis, et Chiarchan [Chyrchan] in terris») [Матузова, 1979: 125, 179]. К сожалению, ни дата, ни адресат этого послания неизвестны, но, надо полагать, инициальные фразы ультиматумов, посылавшихся русским князьям, были стереотипны и аналогичны тем, что отправлялись в Европу. Чингисхан в письме позиционирован как по-прежнему живой, что перекликается со словами Гююка из письма Байджу и согласуется со средне-

вековой монгольской картиной мира, в которой умершие родоначальники продолжают активное бытие в бестелесной форме, покровительствуют потомкам, дают им свою силу. В этом смысле их можно условно назвать божествами. В традиционной культуре монгольских народов понятие «умереть» могло выражаться словами «стать тэнгри», т. е. влиться в сообщество небесных существ-прародителей. Так, в частности, описана смерть Чингисхана в «Сокровенном сказании»: он «восшел на небеса» [Козин, 1941: § 268]. Согласно Г. Франке, Чингисхан после смерти и «вознесения» считался универсальным правителем [Franke, 1978: 24]. Но имел ли он официальный титул «Сын Неба», подобно китайскому императору?

Вероятнее всего, сами китайцы немедленноотреагировали бы на этот акт, подрывающий, согласно древней китаецентристской доктрине, устои мироздания. Однако об этой реакции нам ничего не известно. Ранние китайские источники по Монгольской империи — «Мэн-да бэй-лу» и «Хэй-да шилюэ» — согласуются между собой в том, что детское имя ее основателя было Тэмучжин, а титул — «император Чингис» (*Чэн-гисы хуанди*) [Мэн-да бэй-лу, 1975: 48; Пэн Да-я, Сюй Тин, 2009: 27]. На *пайцзах* (верительных дощечках) была нанесена надпись «Указ пожалованного Небом императора Чингиса» [Мэн-да бэй-лу, 1975: 74]. Естественно, для китайской дипломатии присвоение императорского достоинства «северным варваром» было ничем иным, как узурпацией, с которой, однако, приходилось мириться. Тем не менее, эквивалент китайского «Сын Неба» (*тянь цзы*) в этих важнейших источниках не встречается, и у нас нет причин думать, что он просто замалчивается.

После установления монголами контроля над Китаем и провозглашения в январе 1272 г. хаганом Хубилаем новой императорской династии Юань можно было бы ожидать ретроспективного объявления Чингисхана «Сыном Неба», но этого не произошло. Кочевники не спешили перенимать китайскую политическую культуру во всей ее полноте. Тем не менее, согласно китайской традиции, Чингисхан, как родоначальник новой правящей династии, получил посмертное имя Тай-цзу. С 1266 г. его официально величали «Священно-воинственным императором» (*шэн-у-хуан-ди*), а в 1303 г. к этому титулу были добавлены слова «Сообразующийся с Небом и открывающий судьбу» (*фатянь ци-юнь*) [Мункуев, 1965: 92]. В написанной при Хубилае «Белой истории» он назван «Тэмуджином, величественным августейшим Чингисханом» (*Temjin suutu boyda Cinggis qayan*) [Балданжапов, Ванчикова, 2001: 72]¹.

В стандартных канцелярских оборотах Монгольской империи этот титул тоже не звучит. Напомним, что он фигурирует в письме Гуюка своему ближневосточному наместнику, а не папе римскому, и известен нам не на языке оригинала. В XIII в. в дипломатической практике монголы прибегают к выражению «*yeke suu jali-yin ihen-dür*», которое А. П. Григорьев передает как «великого благоденствия пламени покровительством». Историк придерживается мнения, что данный оборот связан с культом Чингисхана [Григорьев, 1978: 20–21]. Т. Д. Скрынникова убедительно соотносит *suu jali* с понятием «харизма» и приводит примеры его употребления в средневековых монгольских текстах по отношению к Чингису [Скрынникова, 2013: 186, 225, 244–245, 2015: 39–44].

¹ См. также: [Ванчикова: 2013: 112–119].

Однако понятие о родстве духовного руководителя монгольского народа с Небом в инициальной формуле ханских писем отсутствует.

Более заметно оно проявляется в монгольской позднесредневековой литературе¹. Например, монгольский историк Дхарма-гуши в своем труде «Золотой диск с тысячей спиц» (1739 г.) приводит перечень имен и титулов, якобы принадлежавших Чингису, из которых один намекает на его подлинное или символическое родство с Небом: *tngrī tnggerlig temüjin* («Небесно-божественный Тэмуджин») [Heissig, 1958: 16; Базарова, 2006: 146–147]. А. Д. Цендина допускает перевод «Тэмуджин — сын неба» [2007: 38] и полагает, что мотив его рождения от Неба имеет в монгольском летописании довольно поздний характер, но эпитет «сын неба» обнаруживается почти в каждой летописи [Цендина, 2007: 40]. При этом представляется важным замечание Б. З. Базаровой, что этот титул «был заимствован монголами и превратился в **неофициальный** (выделено нами. — Ю. Д.) титул их хана» [Базарова, 2006: 198]. Иногда он распространяется на «золотой род» Чингисхана. Например, в зачине «Истории Асрагчи» сказано:

«Благодаря многочисленным заслугам золотого рода,
Многие называют потомков *богдо* Чингисхана сыновьями неба»
(цит. по: [Цендина, 2007: 134]).

Здесь интерес представляет объяснение причины, по которой потомки Чингиса получили право на высокое прозвище. Это не «родство» с Небом и даже не харизма основателя династии — это их собственные заслуги.

Пышная титулатура, которой наделяется Чингисхан в монгольских источниках XVII–XIX вв., скорее всего, возникла в постимперский период под китайским влиянием². Приписываемая Чингисхану Великая Яса запрещала монголам величаться громкими титулами, вместо чего надлежало всегда употреблять только имя, полученное при рождении, но чем дальше в прошлое уходили времена «первобытной простоты» степных нравов, тем больше почетных званий получал сам обожествленный Чингисхан.

Остается неясным, почему титул «Сын Неба» присутствует уже в письмах великих ханов Каракорума. Почему Гуюк и Мункэ фактически нарушали Ясу? С одной стороны, прочитанные в Европе письма были написаны не их рукой и не по-монгольски, но они должны были полностью и абсолютно точно передавать смысл хаганских слов³. С другой, известно, что по инициативе и при активном участии советника Елюй Чуцая (1189–1243) в годы правления Угэдэя прошла реформа дворцового церемониала. Она не могла не затронуть дипломатический протокол и личность основателя империи. Видимо, именно тогда появляется чеканная преамбула верховных указов, на-

¹ Самое раннее известное историкам величание Чингисхана «Сыном Неба» встречается в стихотворной летописи «Эрдэни тунумал», датированной 1607 г. [Коллмар-Пауленц, 2004: 450].

² Петербургский монголовед П. О. Рыкин в беседе с автором настоящей статьи высказал мысль, что укрепление культа Чингисхана в Монголии в 1570-е гг. было связано с деятельностью тумэтского Алтан-хана (1548–1582).

³ Текст письма Гуюка, кроме преамбулы, выполнен по-персидски, но, по словам В. В. Бартольда, «на столько безграмотно, что персидский язык не мог быть родным языком составлявших (...) Надо думать, что составителями грамоты были среднеазиатские купцы турецкого (тюркского. — Ю. Д.) происхождения, старавшиеся писать по-персидски, как на принятом в их стране литературном языке» [Бартольд, 1968: 158]. Хотя это обстоятельство подрывает доверие к точности передачи тех или иных выражений, оно не умаляет высокую ценность этого источника.

чинающаяся словами «Силой Вечного Неба», но, к сожалению, до нас не дошли эдикты Угэдэя, где она употреблялась бы. Известное лишь в пересказе письмо венгерскому королю Беле IV (1235–1270), написанное, скорее всего, от имени Угэдэя в канцелярии Бату в 1237 г., имеет иное начало: «Я, Хан, уполномоченный небесного царя, которому он дал власть на земле возвеличивать мне подчиняющихся и подавлять противоборствующих» [Хаутала, 2015: 389]. Однако нельзя ручаться, что перед нами — первая, а не вторая фраза этого послания.

Попытка введения китайской титулатуры при монгольском дворе с подачи киданьских советников вполне вероятна, но, похоже, она не была в итоге принята, и звание «Сын Неба» могло употребляться лишь от случая к случаю.

Несмотря на уважение Чингисидов к Ясе, она, вероятно, не являлась догмой и толковалась ими даже в своих личных интересах. Например, ссылкой на авторитет Ясы ильхан Абу Саид (1316–1335) оправдывал свои притязания на чужую жену: «любая женщина, разыскиваемая ханом, должна быть разведена с мужем и отправлена в его гарем» [Khwandamir, 1994: 119]. Подобных пунктов Ясы из других источников не известно. Более того, заявление Абу Саида выглядит очень сомнительно, так как нет сведений о применении Чингисханом этого правила на практике, если только чья-то жена не рассматривалась в качестве военного трофея. Однако если сам Чингисхан соблюдал им же провозглашенные законы, то его ближайшие преемники могли сделать для него исключение и наградить посмертными эпитетами.

В связи с проблемой обожествления Чингисхана нельзя пройти мимо сообщений францисканской миссии 1245 г. о некоем «идоле», которому поклонялись как Богу. Разница между этими сообщениями в том, что глава посольства Плато Карпини (ок. 1182–1252) не уточнил, в честь кого монголы воздвигали этого «идола», а Ц. де Бридиа уверенно назвал Чингисхана: «Прежде всего также они делают идол для императора и с почетом ставят его на повозке перед ставкой, как мы видели при дворе настоящего императора, и приносят ему много даров. Посвящают ему также лошадей, на которых никто не дерзает садиться до самой их смерти. Посвящают ему также и иных животных, и если убивают их для еды, то не сокрушают у них ни единой кости, а сжигают огнем. В полдень также они поклоняются ему как Богу и заставляют поклоняться некоторых знатных лиц, которые им подчинены» [Плато Карпини, 1997: 35–36]; «Кроме того, когда-то они сделали идол Чингис-кана, который они устанавливают перед юртой всякого [правлящего] кана и приносят ему дары. Кони же, принесенные ему в дар, в дальнейшем не используются для езды. Также животных, которых они убивают для употребления в пищу, сначала предлагают ему, то есть идолу, [и] кости животного не ломают. Этому же идолу кланяются на юг, словно Богу, и к этому же многих принуждают, в особенности покоренную знать» [Христианский мир, 2002: 116]. Данному сюжету посвятил статью А. Г. Юрченко [2002: 245–260]⁴. В целом, выводы автора представляются достаточно весомыми и убедительными, но в русле нашей темы к ним есть что добавить.

Детали жертвоприношения четко обнаруживают древний шаманский обряд, но возведенный на государственный уровень. Лошадь — ценнейшее животное кочевника: это

⁴ Также см. : [Charleux, 2008–2009: 209].

и средство передвижения, и «боевая машина», и источник излюбленного кумыса. Спирок можно продолжать и далее. В ином мире воин тоже нуждается в лошадях. Символически преподнесенные ему лошади становились запретными — их нельзя было использовать ни под седло, ни в каких бы то ни было работах. Таких животных обычно отмечали специальными знаками, например ленточками, и позволяли им вольно пастись вплоть до их естественной смерти. Они уже не принадлежали земному миру людей [Традиционное мировоззрение, 1988: 39]. А чтобы обеспечить возрождение забитого скота, участники ритуала были обязаны сохранить нетронутой каждую кость. Сжигание жертвенной пищи служило средством ее доставки туда, где находился усопший — в Верхний мир. Ничего оригинального здесь нет. Так чествовали своих предков и другие кочевые народы, и сами монголы как до, так и после Чингисхана.

Очевидно, поклонение статуе Чингисхана базировалось на культе предков, олицетворявшемся в *онгонах* — антропоморфных фигурках, сделанных чаще всего из войлока. Возможно, хранящиеся в святилище «Восемь белых юрт» в Ордосе волосы и одежда Чингисхана и его жен представляют собой рудиментарное явление, вытекающее из почитания *онгонов* [Дылыков, 1958: 229; Жамцарано, 1961: 194–234]¹. Если верить монгольским летописям, там же, в Ордосе, у горы Муна-хан были захоронены чулки Чингисхана, когда его тело везли на родину из тангутского государства. Никаких материальных подтверждений этому сообщению пока не найдено, зато выдвинуты интересные гипотезы, призванные объяснить сакральный и политический смысл создания данного кенотафа или, говоря точнее, легенды о нем, сложенной в кругах юаньской элиты после бегства из Китая в 1368 г. [Elverskog, 2006: 99–122].

Поскольку значение Чингисхана далеко выходило за рамки его рода, его посмертное почитание уже к 1240-м гг. превратилось в государственный культ. Традиционный *онгон* сменила статуя. Из какого материала она была изготовлена, неизвестно. Если за образец была взята киданьская практика поклонения фигурам усопших императоров², то она должна была быть металлической — золотой или позолоченной. У киданей существовало правило: «Когда правитель умирает, устанавливается большая юрта, а из золота отливаются его изображение, перед которым в дни новолуния и полнолуния, в дни праздников и в дни кончины императоров и императриц приносятся жертвы» [Е Лун-ли, 1979: 315]. Учитывая очень большое влияние на разработку государственных ритуалов Монгольской империи киданя Елюй Чуцая, можно думать, что монголы пошли именно этим путем. Поскольку же Чингисхан стал основателем мировой

¹ Для этих фетишистских манипуляций можно установить киданьскую параллель. Кидани якобы поместили в особом храме сапоги основателя своей империи Абаоци (ок. 872–926): «В девятой луне Тай-цзу был похоронен на горе Муешань... В настоящее время там сохранился храм, в котором все еще находятся сапоги Тай-цзу длиной более четырех-пяти чи» [Е Лун-ли, 1979: 53]. Если принять 1 чи равным 32 см, то длина сапог составит от 128 до 160 см. Даже если китайский автор имел в виду *портняжный чи* (ок. 19 см), то и тогда их размер получится невероятно большим. В храме также хранились оружие, вещи и одежда Абаоци, чтобы потомки не забывали о своем великом предке [Е Лун-ли, 1979: 364–365].

² В. В. Бартольд писал, что монголы научились выделывать более совершенные статуи у китайцев, заменившие их «войлочные куклы» [Бартольд, 1966: 390]. Однако в эпоху становления своей государственности они испытывали влияние китайской культуры чаще всего опосредованно, через служивших им киданей.

империи, поклоняться его статуе были обязаны все его подданные, во всяком случае, из числа знатных лиц.

Несмотря на то, что у тюркоязычных номадов Великой степи было принято ставить близ могил антропоморфные изваяния — так называемые каменные бабы, возле которых, как нередко думают, родственники совершали регулярные тризны, мы считаем маловероятной возможность заимствования монголами аналогичного способа увековечивания памяти Чингисхана. Подобная практика у монголов вообще неизвестна, их похоронно-поминальные обычаи не включали правило воздвигать что-либо монументальное над могилой или около нее; напротив, погребения монгольской элиты совершались в тайне и на местности не маркировались. Рассматриваемый здесь случай не может считаться исключением, поскольку статуя великого хана находилась на специальной повозке и в ней же, видимо, перемещалась в ходе перекочевков двора. С могилой Чингисхана, не найденной до сих пор, она никак не соотносилась. Равным образом не доказана и привязка к захоронениям как таковым святилища с истуканами, которое якобы сделал внук Хубилая Камала для своих предков где-то в центральной Монголии [Рашид ад-Дин, 1960: 207]. Изложенная аргументация возвращает нас к предположению, что моделью для изображения Чингисхана послужил киданьский имперский прототип.

В рассказе Плано Карпини поклонение статуе Чингисхана выглядит как идолопоклонство, что видно и из следующей его фразы: «Что они станут делать дальше, не знаем; некоторые, однако, предполагают, что если Татары получат единовластие, — да отвратит это Бог, — то они заставят всех поклоняться этому идолу» [Плано Карпини, 1997: 36]. Неспроста он поместил сообщение о нем в параграф, озаглавленный «О богочитании Татар». На самом деле этот ритуал означал признание вассалитета и никакого религиозного наполнения не имел³. Вместе с тем, папский легат был совершенно прав в том, что в случае окончательной победы монголов через него были бы обязаны пройти все покорившиеся монархи и князья.

Некоторое недоумение вызывает отсутствие сообщений о ритуале у подавляющего большинства современников, посетивших Каракорум и ханские ставки в улусах. Кроме францисканцев, о требовании монголов поклониться каким-то «идолам» писали русские книжники [Полное собрание русских летописей, 1908: Стб. 806–807; Полное собрание русских летописей, 2000: Стб. 319]. Плано Карпини лично видел статую Чингисхана при дворе «настоящего императора», т. е. Гуюка, но повстречал ли он ее у Бату, францисканец не говорит и лишь повторяет рассказ о казни там Михаила Черниговского за отказ поклониться ей. Следовательно, только эти два местонахождения изваяний локализируются вполне уверенно. Имелись ли подобные статуи в орде Чагатая, Хулагу, Хубилая и остальных Чингисидов, можно лишь догадываться. Более того, нет сведений о наличии статуи даже в самом Каракоруме, хотя там она, казалось бы, должна была находиться обязательно. Напомним в этой связи, что Плано Карпини, наря-

³ Даже интронизацию Гуюка Плано Карпини вольно или невольно подает как религиозный акт: все собравшиеся преклонили колена к югу, творя молитвы [Плано Карпини, 1997: 78]. Юг появляется в нарративе Плано Карпини довольно часто в связи с описанием событий, происходивших в ханской орде, что далеко не случайно. Южное направление имело в традиционной монгольской культуре сакральный характер. К югу обращен вход с юрту, к югу от входа в юрту хана стояла повозка с фигурой Чингисхана.

ду с большим количеством официальных гостей со всех частей империи и из независимых государств, летом 1246 г. в Каракоруме не был. Празднования по случаю утверждения Гуюка в хаганском достоинстве проходили в местности Ангисумэ-Толи (кит. *Ван-ци-су-ме-ту-ли*) [Китайская династийная история, 2009: 178]¹, что можно перевести как «Степь [, в которой находится] буддийский храм Онги». Другой не менее наблюдательный и чуткий ко всему, что касается вопросов веры, францисканский миссионер Гильом де Рубрук посетил монгольскую столицу в 1253–1254 гг., но в ее описании ни слова не сказал о культуре Чингисхана. Повествуя о своей жизни в кочевой орде хагана Мункэ, он тоже не упомянул о повозке со священной статуей. Ввиду скудости информации мы пока воздержимся от каких-либо предположений на этот счет.

Помимо Чингисхана, эпитет «Сын Бога» и ему подобные применялись по отношению к некоторым из его потомков, но делалось это, по-видимому, без определенной системы и опять же неформально. Максимум известных нам случаев относится к Гуюку, что было рассмотрено выше. Однако на примере Гуюка можно также видеть и отсутствие регулярности в употреблении этого титула.

Так, в 1245 г. по указанию папы римского Иннокентия IV на Ближний Восток был отправлен доминиканский монах Андре де Лонжюмо (? — ок. 1253) для переговоров с главами восточных церквей об унии с Римом и сборе информации о монголах. В письме он сообщил некоторые сведения о последних, добытые, вероятно, от сирийского патриарха Симеона Раббан Аты, в гостях у которого он провел 20 дней. В частности, его послание содержит краткую справку о монгольском хагане: «Также тот брат сказал, что царь их — сын христианки. Ибо отец его, когда покорил себе всю Индию и того, кто называется пресвитером Иоанном (имя, которое дается всем царям Индии), убил, то взял в жены его дочь, а от нее родился тот царь, что ныне правит у тартар» (цит. по: [Матузова, 1979: 161]). Известно также, что «дядя этого царя тартарского стоит во главе того войска, которое напало на Венгерское королевство» (цит. по: [Матузова, 1979: 162]). О каком «ныне правящем тартарском царе» говорится в письме? Согласно распространенной легенде, убийцей «царя Индии Иоанна» был Чингисхан, но совершенно бесспорно, что его первой и самой любимой женой являлась Бортэ из племени унгират, сыновья которой продолжили ханский род. О ее приверженности к христианству источники не говорят. После Чингисхана правил Угэдэй, который скончался в декабре 1241 г., т. е. за несколько лет до путешествия Андре де Лонжюмо, а к этому времени хаганом должен был быть избран Гуюк, родной дядя которого — Бату возглавлял

¹ В примечании переводчик уточняет, что эта местность находится «к юго-востоку от г. Арвайхээр и к северо-западу от г. Баянгохор (sic! — Ю. Д.)». Если речь идет о современных административных центрах Увурхангайского и Баянхонгорского аймаков Монголии, то предложенная локализация гуюковой «Золотой орды» совершенно невозможна, так как Баянхонгор лежит точно на запад от Арвайхэера. К юго-востоку от Арвайхэера находятся руины буддийского храма (монг. *сүм*) Онги, а еще дальше в том же направлении, но уже в соседнем Средне-Гобийском аймаке расположен сохранившийся после антирелигиозной борьбы XX в. Онгийн-хийд [Монгол дахь буудын сүм хийд, туурь, 2017]. Их названия обязаны реке Онги. Видимо, где-то на ее берегах и совершилась интронизация Гуюка. Правда, некоторое сомнение вызывает то, что «Юань ши» была закончена в 1370 г., т. е. более чем за 200 лет до триумфа буддизма в Монголии. При юаньском дворе это вероучение занимало главенствующее положение, но в степях оно едва ли имело серьезное значение и, скорее всего, не вызвало к жизни строительство храмов и монастырей.

Западный поход 1236–1242 гг. Важно то, что здесь нет и речи о каких-либо признаках обожествления Гуюка и величания его «Сыном Неба».

То же самое можно сказать и относительно Угэдэя. Брат Юлиан в «Письме об образе жизни тартар» сообщает слова ультиматума (вероятнее всего, составленного от лица Угэдэя и посланного через Бату венгерскому королю Беле IV, о чем говорилось выше), в котором хан называет себя «посланником царя небесного» (*nuncius regis celestas*) [Хаутала, 2015: 380], а не его «сыном». Матфей Парижский пишет то же самое, не очень четко указывая источник своей информации: «Их предводитель утверждает, что он — посланец всевышнего бога, [для того] чтобы усмирить [и] подчинить народы, восставшие против него» [Магузова, 1979: 135–136; Хаутала, 2015: 188]. Обе цитаты относятся к событиям 1238 г.

Оригинальное сочетание «брат Бога» приводит армянский историк Григор Акнерци (ок. 1250 — ок. 1330) в рассказе о злодеяниях темника Хули, пришедшего в Закавказье с основателем Ильханата Хулагу (1256–1265): «После того в 706 г. арм. летосчисления, пришли с востока, где имел свое местопребывание великий Хан, семь ханских сыновей, каждый с туманом всадников, а туман значит 10,000. Вот имена их: первый и старший из них *Гулаву*, брат Мангу-хана; второй, *Хули*, который не стыдился называть себя *братом Бога*; третий, *Балаха*; четвертый, *Тутар*; пятый, *Такудар*; шестой, *Гатахан*; седьмой, *Борахан*. Не было между ними согласия; но все были одинаково бесстрашны и кровожадны» [История монголов, 1871: 25–26]. Киракос Гандзакечи не совсем точно отметил, что «это были внуки Чингисхана, и их называли сыновьями бога» [Киракос Гандзакечи, 1976: 227]. Что касается Хули (Кули, Гули), то он был сыном Орду, внуком Джучи, правнуком Чингисхана и присоединился к Хулагу для покорения исмаилитов и багдадского халифа. Как показал Ф. Кливз, его имя восходит к тюркскому *Qul* «раб» [Cleaves, 1949: 432], что в данном контексте выглядит парадоксальным. Было ли оно детским именем, нарочно уничижительным, чтобы обмануть злых духов, похищавших души детей? Такой прием использовался монголам вплоть до недавних дней. Кого понимал под Богом сам Хули, видимо, так и останется неизвестным. Если имелось в виду Вечное Небо, то этот случай придется признать уникальным, так как кочевники не обращались к своему верховному божеству как к брату. Скорее всего, отгадку следует искать на земле.

Согласно Рашид ад-Дину, у Хули было шесть родных братьев: Сартакай, Курумши, Кунг-Кыран, Джурмакай, Кутукуй и Хулагу [Рашид ад-Дин, 1960: 66–71], но никто из них, очевидно, не заслуживал того, чтобы его сравнивали с Богом; некоторый след в истории оставили только Сартакай и сам Хули. Можно предположить, что Григор Акнерци путает основателя Ильханата Хулагу и брата Хули, носившего то же имя, или же, еще проще, Хули мог называть своим братом ильхана, что вполне согласуется с монгольским обычаем мужчин обращаться друг к другу «брат», живым и по сей день. А Хулагу, вероятно, по своему благородному происхождению, высокому положению в имперской иерархии и личным заслугам мог рассчитывать в своем кругу на особое уважение, в чем-то сродни обожествлению.

Похоже, что невероятная гордыня Хули произвела на армянского инока сильное впечатление, поскольку он еще дважды возвращается к ней в своем рассказе. По-видимо-

му, не случайно Григор Акнерци заостряет внимание именно на антихристианской политике Хули: «Тот, который называл себя братом Божьим, проникнув в средину страны нашей, безжалостно нападал на бедных христиан. Его татары зажигали все деревянные кресты, где бы они ни находили их...» [История монголов, 1871: 25]. Затем он излагает трагедию настоятеля монастыря Геретин — старца Стефана, который радушно принял один из отрядов Хули, зарезал для монголов овцу, угостил их вином, а наутро их командир почувствовал себя плохо и обвинил старца в попытке отравления. Стефана предали жестокой смерти, а монгольский предводитель умер в муках. Та же участь постигла многих его подчиненных. Средневековый историк объясняет причину недуга неумеренным употреблением монголами еды и напитков, но, судя по всему, имеет в виду Господню кару за гонения на христиан.

Наконец, «случилось, что главный начальник, тот самый, который в гордости своей называл себя подобием и братом божьим, впал в болезнь *печени*» [История монголов, 1871: 26]. К. П. Патканов признает, что значение слов «*ᠬᠡᠭᠤᠰᠢ ᠬᠢᠷᠦᠭᠦ*» ему неизвестно, и он переводит «наугад». В английском переводе дается «gout», т. е. подагра [History of the Nation of the Archers, 1949: 331], что, несомненно, верно. Предложенная вызванным к Хули врачом терапия — помещать ноги больного в разрезанный живот мальчика, говорит именно о подагре (монг. *тулай өвчин*), которую номады, действительно, пытались лечить довольно экзотическим способом, правда, используя для этого домашний скот. Ордосский князь и историк Саган Сэцэн (1604 — ?) передает историю тумэтского Алтан-хана, который пробовал излечиться, сунув ноги в туловище убитой по его приказу лошади [Geschichte der Ost-Mongolen, 1829: 228; Pow, 2018: 212]. Про хана даже ходили слухи, что однажды приступ подагры был таким сильным, что он приказал умертвить человека и поместил ноги в разрез его туловища [The Jebtsundamba Khutukhtus, 1961: 35]. Эти случаи разобрал Ф. Кливз [Cleaves, 1954: 428–432]. Видимо, подагра, считавшаяся в Европе «царской болезнью», была распространена среди Чингисидов, например, ею страдал Хубилай, который, если верить следующим словам Марко Поло, тоже получал от своих подданных божественные почести: «Когда все рассядутся по своим местам, встает старейший духовный и громко говорит: “Преклонитесь и почтите”, — и, как только он это скажет, все преклоняются челом до земли, славословят и молятся великому хану как богу. Четыре раза ему поклоняются так точно» [Книга Марко Поло, 1997: 258].

В средневековых русских источниках не описано ни одного случая, когда кто-либо из «татар» выдвигал бы претензии на родство с Богом. Это не гарантирует, что таких случаев не было. К сожалению, не сохранилось подлинников документов, составленных при ханском дворе, а в крайне немногочисленных русских переводах эти слова могли быть опущены, как неприемлемые для православного сознания. По этой же причине их могло не оказаться в летописях, хотя, казалось бы, книжники не преминули бы привести подобные факты как яркие доказательства «нечестивости» монголов, отсутствия у них фундаментального христианского качества — смирения. Вообще, имперская идеология монголов в русских источниках звучит весьма слабо и, в основном, обязана самому известному на Руси монголу — внуку Чингисхана Бату. Впрочем, о том, в каких выражениях он доносил свои и хаганские распоряжения до князей,

известно совсем немного. Бату выполнял указания великих ханов, сидевших в Каракоруме, и служил проводником идей и законов нового миропорядка. Видимо, он не присваивал себе божественного достоинства.

Молчат об этом и мусульманские источники, что представляется вполне закономерным. Ислам отрицает понятие «Сына Божьего», ввиду чего наделение хаганов этим эпитетом в письмах к мусульманским правителям достигло бы противоположного, сугубо негативного эффекта, как признание многобожия. Ультиматумы Хулагуидов чаще всего начинались стандартной фразой «bi-quwwat allāh tacālā bi-iqbāl qāʾān», что значит «Силой Бога всевышнего, благодатью хагана» [Amitai-Preiss, 1994: 21–23] — той самой фразой, которая на разных языках открывала ханские послания разным народам. Структура преамбулы ханских указов и писем была довольно жесткой, но все-таки могла варьироваться в зависимости от политической обстановки и адресата. К ней могли добавляться цитаты из Библии или Корана, чтобы показать, что автор письма — законный правитель, чья власть освящена высшим божественным авторитетом.

В подавляющем большинстве документов, составленных в канцеляриях великого и улусных ханов и дошедших до нас в латинском переводе, о родстве хана с Богом не говорится, но подчеркивается, что он действует по Божьему велению. Так, в ответ на письмо Иннокентия IV, осуждавшего монголов за убийства христиан, Гуюк выдвинул волю Бога как главный аргумент, всецело оправдывающий эти действия: «Вы послали мне такие слова: “Вы взяли всю область Мажар (венгров) и Kiristan (христиан); я удивляюсь. Какая ошибка была в этом, скажите нам?” И эти твои слова мы тоже не поняли. Чингисхан и Каан послали к обоим выслушать приказ Бога. Но приказа Бога эти люди не послушались. Те, о которых ты говоришь, даже держали великий совет, они показали себя высокомерными и убили наших послов, которых мы отправили. В этих землях силою вечного Бога люди были убиты и уничтожены. Некоторые по приказу Бога спаслись, по его единой силе. Как человек может взять и убить, как он может хватать (и заточать в темницу)? Разве так ты говоришь: “Я христианин, я люблю Бога, я презираю и...” Каким образом ты знаешь, что Бог отпускает грехи и по своей благодати жалует милосердие, как можешь ты знать его, потому что произносишь такие слова? Силою Бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, и кончая теми, где заходит, пожалованы нам. Кроме приказа Бога, так никто не может ничего сделать» [Путешествия в восточные страны, 1997: 393]. Слова Гуюка о том, что без помощи Бога человеку не под силу совершить такие великие дела, перекликаются со словами Елюй Чуцая, объяснявшего славные победы Чингисхана небесной поддержкой [Rachewiltz, 1962: 208–209; Rachewiltz, 1973: 34], видимо, отражают общее настроение в высших эшелонах монгольской власти, уверенной в своем небесном покровительстве.

Впрочем, не только в высших. Судя по ряду средневековых свидетельств, аналогичные взгляды разделяли также и рядовые монголы. Один из таких примеров приводит доминиканский миссионер Рикольдо де Монте Кроче (ок. 1243–1320), прошедший в путешествиях по Ближнему Востоку много лет: «Сами татары называют себя народом Божьим и при этом ссылаются на множество чудес, которые произошли с их приходом, а также на победы, кои они стяжали. И утверждают, что Бог призвал их из гор и пустынь и послал за ними вестников своих — степных птиц и зверей, а именно зай-

ца и филина» [Рикольдо де Монте Кроче, 2006: 156]. Христиан поражала надменность, гордость, презрительность монголов, их отношение ко всем людям как к своим рабам, убежденность в том, что Господь дал им в безраздельное владение всю вселенную. Однако таковы были и другие кочевники, начиная, по крайней мере, с хунну. По данным китайского историка Бань Гу (32–92), шаньюй (верховный правитель) хунну Хулугу (96–85 до н. э.) в письме Ханьскому двору подчеркнул, что «хусцы — любимые Сыны неба» [Материалы по истории сюнну, 1973: 22], и можно не сомневаться в искренности его слов.

Мысль о богоизбранности монголов была широко распространена по всему христианскому миру, но чаще всего в негативном ключе: эти люди считались предвестниками конца света. Господь попустил им вырваться из диких пустынь, где они в незапамятные времена были заперты за неприступными горами Александром Великим. Согласно чуть более оптимистичным представлениям, они явились по воле Божьей покарать христиан за грехи и уйдут, когда те приведут свою жизнь в согласие с заповедями. Известный американский религиовед Д. Девиз говорит о двух точках зрения на монголов, как кару Господню, сосуществовавших в средневековой Европе: 1) они осознавали эту свою функцию, 2) они ее не осознавали [DeWeese, 1978–1979: 49–50]. Скорее всего, будучи превосходными стратегами, монголы намеренно в целях устрашения врагов подчеркивали свой ужасный образ сверхъестественных «всадников дьявола», появившихся из ниоткуда, чтобы уничтожить весь мир [Giessauf, 2007–2008: 95].

Монголы умело эксплуатировали религиозные представления других народов и оправдывали свою власть над ними исходя из постулатов исповедуемых ими религий. Рубрук очень точно охарактеризовал это явление, которое он наблюдал при дворе Мункэ: «Именно в этот день Мангу-хан устроил пиршество, и у него существует такой обычай, что в те дни, которые его прорицатели называют ему праздничными или какие-нибудь священники-несториане — священными, он устраивает при дворе торжественное собрание и в такие дни прежде всего приходят в своем облачении христианские священники, молятся за него и благословляют его чашу. Когда уходят они, являются сарацинские священники и поступают так же. После них приходят жрецы идолов, поступая так же. И монах говорил мне, что хан верит одним только христианам, но хочет, чтобы все молились за него. Но он лгал, потому что, как вы впоследствии узнаете, хан не верит никому, хотя все следуют за его двором, как мухи за медом, и он всем дарит, все считают себя его любимцами, и все предвещают ему благополучие» [Гильом де Рубрук, 1997: 142].

Можно предполагать наличие в Монгольской империи религиозной группы, заинтересованной в том, чтобы ставить знак равенства между монгольским Тэнгри и христианским Богом, и приводить доводы в пользу родственной связи хаганов с Богом. Это несториане, которых было много на просторах Азии. Они проявляли заметную активность в кочевой среде, их было немало и в высших слоях монгольского общества. Известно, что христианство несторианского толка исповедовали жена Толуя керейтка Соркогтани (? — 1252), жена Угэдэя найманка Торгене (? — 1246) и его премьер-министр Чинкай (? — 1251), жена Гуюка меркитка Огул-Гаймыш (? — 1252), жена Хулагу керейтка Докуз-хатун (? — 1265). Супругой ильхана Абаги (1265–1282) была право-

славная Мария — внебрачная дочь византийского императора Михаила VIII Палеолога (1259–1282), известная как Деспина Монгольская. Их влияние на идеологический климат Монгольской империи было, по-видимому, достаточно велико. Они могли выступать посредниками между монгольскими властями и покоренным христианским населением, доводя до сознания людей идеи о богоизбранности своих ханов и получении ими божественного права господствовать над всеми народами.

По нашему мнению, самыми заметными явлениями такого рода были легенды о передаче Чингисхану властных полномочий над всей землей различными небесными посланниками, сохранившиеся в армянских источниках. Григор Акнерци сообщает о явлении «ангела в виде орла златокрылого», который призвал к себе Чингиса, дал ему божественные законы (*ясак*), назвал его *кааном* и повелел «господствовать над многими областями и странами» [История монголов, 1871: 3–5]. Подобную историю поведал Гетум Патмич (Гайтон) (сер. 1240-х — 1310-е) в сочинении «Цветник историй стран Востока», но здесь вместо ангела появляется во сне воин в белых латах, сидящий на белом коне. Воин дал Чингису власть сначала над кочевыми племенами, а затем и над всеми странами «на западе» [Гайтон, 2006: 247, 253]. Однако самую «возвышенную» версию привел анонимный грузинский автор «Столетней летописи», или «Хронографа» (XIV в.), включенного в свод «Картлис цховреба»: сам Иисус Христос предстал перед Чингисханом на некоей горе, наставил его в вере и истине и пообещал, что при условии соблюдения данных ему заповедей он получит в свое владение все земли и народы [Цулая, 1973: 116; Анонимный грузинский «Хронограф», 2005: 21]. Вполне вероятно, что эти образцы представляют собой монгольские легенды¹, переосмысленные в христианской системе представлений и распространявшиеся среди жителей захваченных кочевниками земель в Грузинском царстве и Леванте. Может быть, что-то было сочинено и самими несторианами.

Вышеизложенное подводит нас к следующим выводам. По-видимому, в Монгольской империи не существовало единого регламента для выражения идеи родства с Небом Чингисхана и Чингисидов. Тем более, нельзя говорить о каких-то стандартах касательно разных ее улусов, обособившихся после 1260 г. в самостоятельные государства. Единственное, в чем мы можем быть уверенными, — присвоение права такого родства где-либо на пространстве средневековой монголосферы не-Чингисидом имело бы для него крайне плохие последствия. Опираясь на рассмотренные в данной статье свидетельства, можно предположить, что в XIII в. Чингисхан не имел официального титула «Сын Неба» и именовался так лишь ситуативно, когда это работало на достижение конкретных целей монголов. Создается впечатление, что в монгольской дипломатике имперского периода одновременно проявлялись две тенденции выражения идеи небесного статуса хагана: китайская и центральноазиатская. Первая оперировала понятием «Сын Неба», вторая обращалась к «силе Неба». Учитывая сложный генезис монгольской имперской идеологии, синтезировавшей понятия кочевой и оседлых цивилизаций, это предположение требует дальнейшей проверки.

---

¹ В данном случае этническая атрибуция практически невозможна, поэтому мы используем слово «монгол» как политоним.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века. Вып. I / пер. Г. В. Цулая. М., 2005. 162 с.
- Базарова Б. З. Монгольские летописи — памятники культуры. М. : Academia, 2006. 365 с.
- Балданжапов П. Б., Ванчикова Ц. П. *ᠰауан теүке* — «Белая история» — монгольский историко-правовой памятник XIII–XIV вв. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 200 с.
- Бартольд В. В. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов // В. В. Бартольд. Сочинения. Т. IV. М. : Наука, 1966. С. 377–396.
- Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // В. В. Бартольд. Сочинения. Т. V. М. : Наука, 1968. С. 19–192.
- Ванчикова Ц. П. К вопросу о возникновении культа Чингисхана: по материалам «Белой истории» // Ученые записки ЗабГГПУ. 2013. № 2. С. 112–119.
- Гайтон. Цветник историй земель Востока // Книга странствий / пер. Н. Горелова. СПб. : Азбука-классика, 2006. С. 211–274.
- Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М. : Мысль, 1997. С. 86–189.
- Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII–XIV вв. (чингизидские жалованные грамоты). Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. 136 с.
- Дугаров Б. С. К вопросу о происхождении слова «чингис» // Монголо-бурятские этнонимы. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1996. С. 163–166.
- Дылыков С. Д. Эджэн-Хоро // Филология и история монгольских народов. М. : Изд-во восточной литературы, 1958. С. 228–274.
- Е Лун-ли. История государства киданей / пер. В. С. Таскина. М. : Наука, 1979. 607 с.
- Жамцарано Ц. Культ Чингиса в Ордосе. Из путешествия в Южную Монголию в 1910 г. // *Central Asiatic Journal*. 1961. Vol. VI, № 3. P. 194–234.
- История монголов инока Магакии, XIII века / пер. К. П. Патканова. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1871. IX+106 с.
- Киракос Гандзакечи. История Армении / пер. Л. А. Ханларян. М. : Наука, 1976. 357 с.
- Китайская династийная история «Юань ши (Официальная история [династии] Юань)» / пер. Р. П. Храпачевского // Золотая орда в источниках. Т. III. Китайские и монгольские источники. М. : [Б.и.], 2009. С. 121–291.
- Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. 620 с.
- Коллмар-Пауленц К. Новый взгляд на религиозную идентичность монголов // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 444–464.
- Кычанов Е. И. Легенды о происхождении правящего дома и проблемы родства древних этносов // Проблемы общей и региональной этнографии. К 75-летию А. М. Решетова. СПб. : МАЭ РАН, 2007. С. 190–194.
- Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2 / пер. В. С. Таскина. М. : Наука, 1973. 167 с.
- Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М. : Наука, 1979. 268 с.
- Монгол дахь буудын сүм хийд, туурь. Масштаб 1: 2 500 000. Улаанбаатар, 2017.

Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М. : Наука, 1965. 224 с.

Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар) / пер. Н. Ц. Мункуева. М. : Наука, 1975. 288 с.

Панкратов Б. И. Об этимологии титула «чингис» // Страны и народы Востока. Вып. XXVI. Кн. 3. М. : ГРВЛ, 1989. С. 180–189.

Плано Карпини. История монгалов // Путешествия в восточные страны. М. : Мысль, 1997. С. 29–85.

Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. СПб. : Типография М. А. Александрова, 1908. XVI+938 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М. : Языки русской культуры, 2000. VIII+581 с.

Путешествия в восточные страны. М. : Мысль, 1997. 460 с.

Пэн Да-я, Сюй Тин. Хэй-да шилюэ (Краткие известия о черных татарах) / пер. Р. П. Храпачевского // Золотая орда в источниках. Т. III. Китайские и монгольские источники. М., 2009. С. 27–120.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / пер. Ю. П. Верховского. М. ; Л : Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.

Рикольдо де Монте Кроче. Путешествие по Святой земле / пер. Н. Горелова // Книга странствий. СПб. : Азбука-классика, 2006. С. 139–200.

Скрынникова Т. Д. Основания власти правителя в монгольской политической культуре эпохи Чингисхана // *Mongolica-XV*. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2015. С. 39–44.

Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. Изд. 2-е. СПб. : Евразия, 2013. 380 с.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск : Наука, 1988. 225 с.

Убушаев Н. Н. Этимология имени Чингис // Проблемы современного калмыковедения : материалы конф., посвящ. 75-летию проф. А. Борманджинова. Элиста : КИГИ РАН, 2001. С. 48–51.

Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «Ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 496 с.

Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. «История Тартар» брата Ц. де Бридиа / Критич. текст, пер. С. В. Аксенова и А. Г. Юрченко. Экспозиция, исслед. и указ. А. Г. Юрченко. СПб. : Евразия, 2002. 478 с.

Цендина А. Д. Монгольские летописи XVII–XIX веков: повествовательные традиции. М. : РГГУ, 2007. 272 с.

Цулая Г. В. Грузинская книжная легенда о Чингисхане // Советская этнография. 1973. № 5. С. 114–122.

Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, пер., транскрипция В. П. Юдина. Алма-Ата : Гылым, 1992. С. 14–56.

Юрченко А. Г. Золотая статуя Чингисхана (русские и латинские известия) // Тюркологический сборник-2001. М. : Восточная литература, 2002. С. 245–260.

Юрченко А. Г. Историческая география политического мира. Образ Чингисхана в мировой литературе XIII–XV вв. СПб. : Евразия, 2006. 640 с.

Aigle D. *The Mongol Empire between Myth and Reality: Studies in Anthropological History*. Leiden: Brill, 2015. XIII+393 pp.

Amitai-Preiss R. An Exchange of Letters in Arabic between Abaya Īlkhān and Sultan Baybars (A. H. 667/A. D. 1268–69) // *Central Asiatic Journal*. 1994. Vol. 38. № 1. Pp. 11–33.

Charleux I. Chinggis Khan: Ancestor, Buddha or Shaman? On the uses and abuses of the portrait of Chinggis Khan // *Mongolian Studies*. 2008–2009. Vol. 30/31. Pp. 207–258.

Cleaves F. W. The Mongolian Names and Terms in the History of the Nation of the Archers by Grigor of Akanc // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1949. Vol. 12. Pp. 400–443.

Cleaves F. W. A Medical Practice of the Mongols in the Thirteenth Century // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1954. Vol. 17. № 3/4. Pp. 428–444.

DeWeese D. The Influence of the Mongols on the Religious Consciousness of Thirteenth Century Europe // *Mongolian Studies*. 1978–1979. Vol. 5. Pp. 41–78.

Elverskog J. The Legend of Muna Mountain // *Inner Asia*. 2006. Vol. 8. № 1. Pp. 99–122.

Franke H. *From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: The Legitimizing of the Yüan Dynasty*. München: Druck der C. H. Beck'schen Buchdruckerei Nördlingen, 1978. 85 p.

Geschichte der Ost-Mongolen und Ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus; aus dem Mongolischen übersetzt, und mit dem Originaltexte, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken herausgegeben von Isaac Jacob Schmidt. St. Petersburg; Leipzig, 1829. 510 s.

Giessauf J. A Programme of Terror and Cruelty: Aspects of Mongol strategy in the light of Western Sources // *Chronica: Annual of the Institute of History, University of Szeged, Hungary*. 2007–2008. Vol. 7–8.

Heissig W. *Altan kurdun mingyan gegesütü bičig, Eine mongolische Chronik von Siregetü Guosi Dharma (1739)*. Kopenhagen: Ejnar Munksgaard, 1958. 125 s.

History of the Nation of the Archers (the Mongols) by Grigor of Akanc, Hitherto Ascribed to Mayak'ia the Monk. The Armenian Text Edited with an English Translation and Notes by Robert P. Blake and Richard N. Frye // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1949. Vol. 12. Pp. 269–399.

Kapolnas O. The Identity of Ghinggis Khan's Father according to Written Mongolian Accounts // *Mongolica-XIV*. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2015. С. 62–66.

Khwandamir. *Ḥabibu's-siyar. The Reign of the Mongol and the Turk*. Vol. III. Genghis Khan — Amir Temur // Tr. by W. M. Thackston. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1994. 306 p.

Pelliot P. *Notes on Marco Polo*. Vol. I. Paris: Imprimerie nationale, 1959. 611 p.

Pow S. Gout of Khans: Disease, Treatments, and Medical Philosophy in the Mongol Empire // *The Proceedings of the 22nd Annual History of Medicine Days Conference 2013 / Ed. by A. Loewenau, W. J. Pratt and F. W. Stahnisch*. Cambridge Scholars Publishing, 2018. Pp. 204–231.

Rachewiltz, I. de. Heaven, Earth and the Mongols in the Time of Činggis Qan and His Immediate Successors (ca. 1160–1260) — A Preliminary Investigation // A Lifelong Dedication to the China Mission. Essays Presented in Honor of Father Jeroom Heyndrickx, CICM, on the Occasion of His 75th Birthday and the 25th Anniversary of the F. Verbiest Institute K. U. Leuven // *Leuven Chinese Studies*. 2007. Vol. 17. Pp. 107–144.

Rachewiltz, I. de. Some Remarks on the Ideological Foundations of Chingis Khan's Empire // *Papers on Far Eastern history*. 1973. № 7. Pp. 21–36.

Rachewiltz, I. de. Yeh-lu Ch'u-ts'ai (1189–1243): Buddhist Idealist and Confusion Statesman // *Confucian Personalities* / Ed. by A. F. Wright and D. Twitchett. Stanford: Stanford University Press, 1962. Pp. 189–216.

The Jebtsundamba Khutukhtus of Urga / Text, tr. and notes by C. R. Bawden // *Asiatische forschunden*. Wiesbaden, 1961. Bd. 9. 91 p.

Ulziibayar Sodnom. The Title Name: “Ch (T) igin” or “Chinggis” // *Oriental Studies*. 2018. Vol. 38. Issue 4. Pp. 94–99.

Voegelin E. The Mongol Orders of Submission to the European Powers, 1245–1255 // *Byzantion*. Vol. XV. Boston, 1941. Pp. 378–413.

REFERENCES

Aigle D. *The Mongol Empire between Myth and Reality: Studies in Anthropological History*. Leiden: Brill, 2015. XIII+393 p.

Amitai-Preiss R. *An Exchange of Letters in Arabic between Abaya İlkhān and Sultan Baybars* (A. H. 667/A. D. 1268–69) // *Central Asiatic Journal*. 1994. Vol. 38. № 1. Pp. 11–33.

Anonimnyi gruzinskii “Khronograf” XIV veka [Anonymous Georgian “Chronograph” of the XIV century]. Issue I. Text / Tr. by G. V. Tsulaia. Moscow, 2005. 162 s. (in Russian).

Baldanzhapov P. B., Vanchikova Ts. P. *Čayan teüke — “Belaia istoriia” — mongol'skii istoriko-pravovoi pamiatnik XIII–XIV vv.* [Čayan teüke — “White history” — Mongolian historical and legal monument of the XIII–XIV centuries]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN, 2001. 200 s. (in Russian).

Bartol'd V. V. *Dvenadtsat' lektcii po istorii turetskikh narodov Srednei Azii* [Twelve lectures on the history of the Turkish peoples of Central Asia]. *Sochineniia* [Collected works]. Vol. V. Moscow: Nauka, 1968. S. 19–192 (in Russian).

Bartol'd V. V. *K voprosu o pogrebal'nykh obriadakh turkov i mongolov* [On the question of funeral rites of the Turks and Mongols]. *Sochineniia* [Collected works]. Vol. IV. Moscow: Nauka, 1966. S. 377–396 (in Russian).

Bazarova B. Z. *Mongol'skie letopisi — pamiatniki kul'tury* [Mongol Chronicles — monuments of culture]. Moscow: Academia, 2006. 365 s. (in Russian).

Charleux I. *Chinggis Khan: Ancestor, Buddha or Shaman? On the uses and abuses of the portrait of Chinggis Khan* // *Mongolian Studies*. 2008–2009. Vol. 30/31. Pp. 207–258.

Cleaves F. W. *A Medical Practice of the Mongols in the Thirteenth Century* // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1954. Vol. 17. № 3/4. Pp. 428–444.

Cleaves F. W. *The Mongolian Names and Terms in the History of the Nation of the Archers by Grigor of Akanc* // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1949. Vol. 12. Pp. 400–443.

DeWeese D. *The Influence of the Mongols on the Religious Consciousness of Thirteenth Century Europe* // *Mongolian Studies*. 1978–1979. Vol. 5. Pp. 41–78.

Dugarov B. S. *K voprosu o proiskhozhdenii slova “chingis”* [On the question of the origin of the word “Genghis”]. *Mongolo-buriatskie etnonimy* [Mongol-Buryat ethnonyms]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN, 1996. S. 163–166 (in Russian).

Dylykov S. D. *Edzhen-Khoro* [Edzhen-Khoro]. *Filologiya i istoriya mongol'skikh narodov* [Philology and history of the Mongol peoples]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1958. S. 228–274 (in Russian).

E Lun-li. *Istoriya gosudarstva kidanei* [History of the Khitan state] / Tr. by V. S. Taskin. Moscow: Nauka, 1979. 607 s. (in Russian).

Elverskog J. *The Legend of Muna Mountain* // *Inner Asia*. 2006. Vol. 8. № 1. Pp. 99–122.

Franke H. *From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: The Legitimizing of the Yüan Dynasty*. München: Druck der C. H. Beck'schen Buchdruckerei Nördlingen, 1978. 85 pp.

Gaiton. *Tsvetnik istorii zemel' Vostoka* [Flower garden of stories of the lands of the East]. *Kniga stranstvii* [The book of travels] / Tr. by N. Gorelov. Sankt-Petersburg: Azbuka-klassika, 2006. S. 211–274 (in Russian).

Geschichte der Ost-Mongolen und Ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus; aus dem Mongolischen übersetzt, und mit dem Originaltexte, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken herausgegeben von Isaac Jacob Schmidt. St. Petersburg; Leipzig, 1829. 510 s.

Giessauf J. *A Programme of Terror and Cruelty: Aspects of Mongol strategy in the light of Western Sources* // *Chronica: Annual of the Institute of History, University of Szeged, Hungary*. 2007–2008. Vol. 7–8. P.

Gil'om de Rubruk. *Puteshestvie v vostochnye strany* [Travel to Eastern countries]. *Puteshestviia v vostochnye strany* [Travels to Eastern countries]. Moscow: Mysl', 1997. S. 86–189 (in Russian).

Grigor'ev A. P. *Mongol'skaia diplomatika XIII–XIV vv. (chingizidskie zhalovannye gramoty)* [Mongolian diplomacy of the XIII–XIV centuries (Chingisid granted credentials)]. Leningrad: LGU, 1978. 136 s. (in Russian).

Heissig W. *Altan kurdun mingyan gegesütü bičig, Eine mongolische Chronik von Siregetü Guosi Dharma (1739)*. Kopenhagen: Ejnar Munksgaard, 1958. 125 s.

History of the Nation of the Archers (the Mongols) by Grigor of Akanc', Hitherto Ascribed to Mayak'ia the Monk. The Armenian Text Edited with an English Translation and Notes by Robert P. Blake and Richard N. Frye // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1949. Vol. 12. Pp. 269–399.

Istoriya mongolov inoka Magakii, XIII veka [History of the Mongols of Magakia monk, XIII century] / Tr. by K. P. Patkanov. Sankt-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 1871. IX+106 s. (in Russian).

Kapolnas O. *The Identity of Ghinggis Khan's Father according to Written Mongolian Accounts* // *Mongolica-XIV*. Sankt-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2015. Pp. 62–66.

Khautala R. *Ot “Davida, tsaria Indii” do “Nenavistnogo plebsa satany”*. *Antologiya rannikh latinskikh svedenii o tataro-mongolakh* [From “David, king of the Indies” to “The hated plebs

of Satan”. An anthology of early Latin information about the Tatar-Mongols]. Kazan': Institute of history, 2015. 496 s. (in Russian).

Khristianskii mir i "Velikaia Mongol'skaia imperiia". Materialy frantsiskanskoi missii 1245 goda. "Istoriia Tartar" brata Ts. de Bridia [The Christian world and the “Great Mongolian Empire”. Materials of the Franciscan mission of 1245. “The history of Tartarus’ by brother C. de Bridia]/Text, tr. by S. V. Aksenov and A. G. Yurchenko. Exposition, study, and index by A. G. Yurchenko. Sankt-Petersburg: Evraziia, 2002. 478 s. (in Russian).

Khwandamir. *Ḥabibu's-siyar. The Reign of the Mongol and the Turk. Vol. III. Genghis Khan — Amir Temur* // Tr. by W. M. Thackston. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1994. 306 pp.

Kirakos Gandzaketsi. *Istoriia Armenii* [History of Armenia] / Tr. by L. A. Khanlarian. Moscow: Nauka, 1976. 357 s. (in Russian).

Kitaiskaia dinastiinaia istoriia "Yuan" shi (Ofitsial'naia istoriia [dinastii] Yuan)" [Chinese dynastic history “Yuan Shi (Official history of the [dynasty] Yuan)”]/Tr. by R. P. Khrapachevskiy. *Zolotaia orda v istochnikakh. Vol. III. Kitaiskie i mongol'skie istochniki* [The Golden Horde in sources. Vol. III. Chinese and Mongolian sources]. Moscow, 2009. S. 121–291 (in Russian).

Kollmar-Paulents K. *Novyi vzgliad na religioznuiu identichnost' mongolov* [A new look at the religious identity of the Mongols]. *Mongol'skaia imperiia i kochevoi mir* [The Mongol Empire and the nomadic world]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN, 2004. S. 444–464 (in Russian).

Kozin S. A. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaia khronika 1240 g.* [The Secret history. Mongolian chronicle of 1240]. Moscow; Leningrad: Academy of sciences of USSR, 1941. 620 s. (in Russian).

Kychanov E. I. *Legendy o proiskhozhdenii praviashchego doma i problemy rodstva drevnikh etnosov* [Legends about the origin of the ruling house and problems of kinship of ancient ethnic groups]. *Problemy obshchei i regional'noi etnografii. K 75-letiiu A. M. Reshetova* [Problems of general and regional ethnography. To the 75th anniversary of A. M. Reshetov]. Sankt-Petersburg: MAE RAN, 2007. S. 190–194 (in Russian).

Materialy po istorii siunnu (po kitaiskim istochnikam) [Materials on the history of the Xiongnu (from Chinese sources)]. Issue 2 / Tr. by V. S. Taskin. Moscow: Nauka, 1973. 167 s. (in Russian).

Matuzova V. I. *Angliiskie srednevekoveye istochniki IX–XIII vv. Teksty, perevod, kommentarii* [English medieval sources of the IX–XIII centuries. Texts, translations, commentaries]. Moscow: Nauka, 1979. 268 s. (in Russian).

Men-da bei-lu (Polnoe opisanie mongolo-tatar) [Men-da bei-lu (Complete description of the Mongol-Tatars)] / Per. N. Ts. Munkueva. Moscow: Nauka, 1975. 288 s. (in Russian).

Mongol dakh' buudyn sym khiid, tuur' [Ruins of the monasteries and temples in Mongolia]. Masshtab 1: 2 500 000. Ulaanbaatar, 2017 (in Mongolian).

Munkuev N. Ts. *Kitaiskii istochnik o pervykh mongol'skikh khanakh. Nadgrobnaiia nadpis' na mogile Eliui Chu-tsaia* [Chinese source on the first Mongol khans. Gravestone inscription on the grave of Elyu Chu-Tsai]. Moscow: Nauka, 1965. 224 s. (in Russian).

Pankratov B. I. *Ob etimologii titula "chingis"* [On the etymology of the title “Genghis”]. *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East]. Issue XXVI. Book 3. Moscow, 1989. S. 180–189 (in Russian).

Pelliot P. *Notes on Marco Polo*. Vol. I. Paris: Imprimerie nationale, 1959. 611 pp.

Pen Da-ia, Siui Tin. *Khei-da shiliue (Kratkie izvestiia o chernykh tatarakh)* [Khei-da shiliue (Short news about the Black Tatars)] / Tr. by R. P. Khrapachevskiy. *Zolotaia orda v istochnikakh. T. III. Kitaiskie i mongol'skie istochniki* [The Golden Horde in sources. Vol. III. Chinese and Mongolian sources]. Moscow, 2009. S. 27–120 (in Russian).

Plano Karpini. *Istoriia mongalov* [History of Mongols]. *Puteshestviia v vostochnye strany* [Travels to Eastern countries]. Moscow: Mysl', 1997. S. 29–85 (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 2. Ipat'evskaia letopis' [Complete collection of Russian chronicles. Vol. 2. Ipatievskaya chronicle]. Sankt-Peterburg: Tipografiia M. A. Aleksandrova, 1908. XVI+938 s. (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 6. Vyp. 1. Sofiiskaia pervaiia letopis' starshego izvoda [Complete collection of Russian chronicles. Vol. 6. Issue 1. Sofia first chronicle of the earlier redaction]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 2000. VIII+581 s. (in Russian).

Pow S. *Gout of Khans: Disease, Treatments, and Medical Philosophy in the Mongol Empire* // The Proceedings of the 22nd Annual History of Medicine Days Conference 2013 / Ed. by A. Loewenau, W. J. Pratt and F. W. Stahnisch. Cambridge Scholars Publishing, 2018. Pp. 204–231.

Puteshestviia v vostochnye strany [Travels to Eastern countries]. Moscow: Mysl', 1997. 460 s. (in Russian).

Rachewiltz I. de. *Heaven, Earth and the Mongols in the Time of Činggis Qan and His Immediate Successors (ca. 1160–1260) — A Preliminary Investigation* // A Lifelong Dedication to the China Mission. Essays Presented in Honor of Father Jeroom Heyndrickx, CICM, on the Occasion of His 75th Birthday and the 25th Anniversary of the F. Verbiest Institute K. U. Leuven // *Leuven Chinese Studies*. 2007. Vol. 17. Pp. 107–144.

Rachewiltz I. de. *Some Remarks on the Ideological Foundations of Chingis Khan's Empire* // *Papers on Far Eastern history*. 1973. №7. Pp. 21–36.

Rachewiltz I. de. *Yeh-lu Ch'u-ts'ai (1189–1243): Buddhist Idealist and Confusion Statesman* // *Confucian Personalities* / Ed. by A. F. Wright and D. Twitchett. Stanford: Stanford University Press, 1962. Pp. 189–216.

Rashid ad-Din. *Sbornik letopisei* [Collection of chronicles]. T. II / Tr. by Yu. P. Verkhovskiy. Moscow; Leningrad: Academy of sciences of USSR, 1960. 248 s. (in Russian).

Rikoł'do de Monte Kroche. *Puteshestvie po Sviatoi zemle* [Journey through the Holy land] / Tr. by N. Gorelov. *Kniga stranstvii* [The book of travels]. Sankt-Petersburg: Azbuka-klassika, 2006. S. 139–200 (in Russian).

Skrynnikova T. D. *Kharizma i vlast' v epokhu Chingis-khana* [Charisma and power in the era of Genghis Khan]. Sankt-Petersburg: Evraziia, 2013. 380 s. (in Russian).

Skrynnikova T. D. *Osnovaniia vlasti pravitelia v mongol'skoi politicheskoi kul'ture epokhi Chingis-khana* [The foundations of the ruler's power in the Mongol political culture of the era of Genghis Khan]. *Mongolica-XV*. Sankt-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2015. S. 39–44 (in Russian).

The Jebtsundamba Khutukhtus of Urga / Text, tr. and notes by C. R. Bawden // *Asiatische forschunden*. Wiesbaden, 1961. Bd. 9. 91 p.

Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Yuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremia. Veshchnyi mir [Traditional worldview of the Turks of southern Siberia. Space and time. World of things] /

L'vova E. L., Oktiabr'skaia I. V., Sagalaev A. M., Usmanova M. S. Novosibirsk: Nauka, 1988. 225 s. (in Russian).

Tsendina A. D. *Mongol'skie letopisi XVII–XIX vekov: povestvovatel'nye traditsii* [Mongolian chronicles of the XVII–XIX centuries: narrative traditions]. Moscow: RGGU, 2007. 272 s. (in Russian).

Tsulaia G. V. *Gruzinskaia knizhnaia legenda o Chingiskhane* [Georgian book legend of Genghis Khan]. *Sovetskaia etnografiia* [Soviet Ethnography]. 1973. № 5. S. 114–122 (in Russian).

Ubushaev H. N. *Etimologiia imeni Chingis* [Etymology of the name Chingis]. *Problemy sovremennogo kalmykovedeniia: m-ly konf., posviashch. 75-letiiu prof. A. Bormandzhinova* [Problems of modern Kalmyk studies: Proceedings of Conference dedicated to the 75th anniversary of prof. A. Bormandzhinov]. Elista: KIGI RAN, 2001. S. 48–51 (in Russian).

Ulziibayar Sodnom. *The Title Name: "Ch (T) igin" or "Chinggis" // Oriental Studies*. 2018. Vol. 38. Issue 4. S. 94–99.

Vanchikova Ts. P. *K voprosu o vozniknovenii kul'ta Chingis-khana: po materialam "Beloi istorii"* [To the question about the origin of the cult of Genghis Khan: according to "White history"]. *Uchenye zapiski ZabGGPU* [Scientific notes of ZabGGPU]. 2013. № 2. S. 112–119 (in Russian).

Voegelin E. *The Mongol Orders of Submission to the European Powers, 1245–1255 // Byzantion*. Vol. XV. Boston, 1941. Pp. 378–413.

Yudin V. P. *Ordy: Belaia, Siniaia, Seraia, Zolotaia...* [Hordes: White, Blue, Gray, Gold...] // *Utemish-khadzhi. Chingiz-name / Facsimile, tr., transcription by V. P. Yudin*. Alma-Ata: Gylym, 1992. S. 14–56 (in Russian).

Yurchenko A. G. *Istoricheskaia geografiia politicheskogo mira. Obraz Chingis-khana v mirovoi literature XIII–XV vv.* [Historical geography of the political world. The image of Genghis Khan in the world literature of the XIII–XV centuries]. Sankt-Petersburg: Evraziia, 2006. 640 s. (in Russian).

Yurchenko A. G. *Zolotaia statuia Chingis-khana (russkie i latinskie izvestiia)* [Golden statue of Genghis Khan (Russian and Latin news)]. *Tiurkologicheskii sbornik-2001* [Turkological collection-2001]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2002. S. 245–260 (in Russian).

Zhamtsapano Ts. *Kul't Chingisa v Opdose. Iz putesthestviia v Yuzhnuuiu Mongoliiu v 1910 g.* [Cult of Genghis in Ordos. From a journey to Southern Mongolia in 1910]. *Central Asiatic Journal*. 1961. Vol. VI. № 3. S. 194–234 (in Russian).

Цитирование статьи:

Дробышев Ю. И. Монгольский хаган как сын Бога // Народы и религии Евразии. 2020. № 4 (25). С. 123–147.

Citation:

Drobyshev Yu. I. Mongolian khagan as a son of the God. Nations and religions of Eurasia. 2020. № 4 (25). P. 123–147.

УДК 94 (575.1)

DOI: 10.14258/nreur(2020)4–10

С. А. Шерстюков

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

«РАСКРЕПОЩЕНИЕ» МУСУЛЬМАНСКИХ ЖЕНЩИН В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СТРАТЕГИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ И СПОСОБЫ АДАПТАЦИИ (1920–1930-е гг.)¹

Одной из самых амбициозных и вместе с тем одной из самых сложных задач, которую пытались решить большевики в ходе осуществляемых ими преобразований в Центральной Азии, была политика, направленная на «раскрепощение» мусульманских женщин. Изменения в этой сфере начались раньше — в предшествующий период истории региона имперские власти в Туркестане и джаиды пытались (с разной степенью успеха) осуществить меры, которые изменили бы положение женщин. Усилия большевиков следует рассматривать в свете этого опыта, тем не менее, кампания по «раскрепощению» женщин, которую начали большевики, являлась беспрецедентной, если оценивать ее с точки зрения поставленных целей, способов их воплощения и мобилизованных для этого ресурсов. Эта кампания встретила мощное сопротивление не только в социальных группах, которые с самого начала рассматривались как враждебные новой власти, но неоднозначную и часто негативную реакцию тех сил, которые являлись (или, по крайней мере, могли считаться) ее сторонниками. Столкнувшись с невозможностью остаться в стороне от масштабного социального эксперимента, одни люди стремились выработать практики адаптации к осуществляемой политике, другие — искали способы сопротивления ей, впрочем, между сопротивлением и адаптацией не было непроходимой границы. И первые, и вторые были крайне разнообразны, менялись во времени и зависели от множества факторов. Между двумя полюсами — активным сопротивлением и активной поддержкой было множество промежуточных форм, которые часто ускользали от исследовательского внимания.

Ключевые слова: «худжум», гендерная политика, сопротивление, женщины, мусульмане, Средняя Азия, советская политика.

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в Центрально-Азиатском регионе России имперского и советского периодов»).

Sergey A. Sherstyukov

Altai State University, Barnaul (Russia)

“EMANCIPATION” OF MUSLIM WOMEN IN CENTRAL ASIA: STRATEGIES OF RESISTANCE AND WAYS OF ADAPTATION (1920s–1930s)

The emancipation of Muslim women in Central Asia was one of the most ambitious and yet one of the most challenging tasks that the Bolsheviks in the region have attempted to address. Changes in this area started earlier. The Russian imperial administration in Turkestan and the Jadids discussed and sometimes tried to implement measures that would promote women's emancipation in the previous period of the region's history. The efforts of the Bolsheviks should be seen in the light of this experience. Nevertheless, the campaign for the emancipation of Muslim women, which was launched by the Bolsheviks, was unprecedented if we evaluate it from the point of view of the goals set, the ways of their implementation and the resources mobilized for this. This campaign met with powerful resistance not only in social groups that were initially seen as hostile to the new government, but an ambiguous and often negative reaction from those forces that were, or at least could be considered its supporters. Faced with the inability kept apart from a large-scale social experiment, some people sought to develop practices for adapting to current policies, while others looked for ways to resist it. However, there was no impassable border between resistance and adaptation. And the first and second were extremely diverse, changed in time and depended on many factors. Between the two poles — active resistance and active support — there were many intermediate forms that often eluded attention of researchers.

Key words: “Khudjum”, Gender policy, Resistance, Women, Muslims, Central Asia, Soviet politics.

Шерстюков Сергей Андреевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: shers-serg@yandex.ru.

Sherstyukov Sergey Andreevich, PhD (History), Associate Professor, Oriental Department, Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** shers-serg@yandex.ru.

Американский антрополог Джеймс Скотт, исследовавший усилия модернизирующегося государства, направленные на преобразование общества, описал практики, благодаря которым общества делались «читаемыми», видимыми для взгляда представителя государства, и методы картографирования общества и его ресурсов для нужд управления [Скотт, 2005]. Но кроме этого, он показал и практики сопротивления, «оружие слабых», причины систематических неудач государства по переустройству общества [Волков, 2018: 123]. В данной статье, обращаясь к архивным источникам, анализируются практики адаптации и стратегии сопротивления, возникшие на местах

в ответ на усилия советского правительства, направленные на «освобождение» мусульманских женщин в Центральной Азии, уделяя особое внимание тем формам сопротивления, которые Д. Скотт охарактеризовал как «оружие слабых».

Историография изучения «женского вопроса» в Центральной Азии включает работы советских этнографов и историков, западных советологов и современные работы, многие из которых написаны в рамках постколониальных исследований.

Советской политике в отношении женщин в Центральной Азии посвящено значительное число работ западных исследований. В то же время западные авторы по целому ряду причин часто оставляли без внимания не только многочисленные работы по данной тематике, опубликованные в советский период, но и работы, опубликованные в постсоветское время на русском языке и языках народов Центрально-Азиатского региона. Однако западная историография и выработанные в ней подходы недостаточно полно учитывались (или совсем не учитывались) исследователями из Центральной Азии и России. Таким образом, разные историографические традиции и школы существовали (в значительной степени по-прежнему существуют) параллельно друг другу, почти не пересекаясь (подробнее см. : [Kamp, 2009: 2–13]).

Однако ситуация меняется, а исследования последних лет вряд ли целесообразно разделять на «западные» и «незападные» — линии разделения теперь проходят в другом месте, и связаны они с несовпадающими методологическими подходами и концептуальными аппаратами разных авторов. В частности, в центре дискуссий авторов, работающих в рамках постколониальных и гендерных исследований, находится проблема колониализма и трактовки колониализма и колониальности при анализе российской и советской политики в отношении женщин в Центральной Азии. Они утверждают, что колониализм подчеркивает разрыв между женщинами метрополии и женщинами периферии, при этом колонизирующие государства создают новые формы гендерного неравенства, которые усиливают доминирование колонизаторов над колонизированными [Edgar, 2006; Northrop 2001, 2004; Тлостанова, 2009; Zubkovskaia, 2007; Kamp, 2009: 4]. Другие авторы, признавая, что колониализм влиял на гендерную динамику [Badran, 1991; Kandiyoti, 2007], указывают, однако, что колониализм не был монолитным, а порожденное им культурное сопротивление варьировалось в зависимости от контекста, империй и ранее существовавших традиций колонизированных обществ [Kane; Gorbenko, 2016: 718–719].

Оценка советской политики в отношении женщин в Центральной Азии зависит от того, как исследователи трактуют СССР. Дискуссия о том, можно ли считать СССР империей, начавшаяся несколько десятилетий назад, то оживая, то затухая, продолжается и сегодня. Частью этой дискуссии являются споры по поводу того, применимы ли подходы и концепции, выработанные в рамках постколониальных исследований, к изучению исторического опыта СССР [Kandiyoti, 2002; Адамс, 2009]. Ряд авторов в этой связи исходят из тезиса о том, что СССР был «необычной» империей, или даже вовсе не империей, а, скорее, мобилизационным модернизирующимся государством [Абашин, 2011: 201]. В качестве примера можно назвать, в частности, известную работу Т. Мартина, определившего СССР как империю «положительной деятельности» [Мартин, 2011]. Другие, такие как Ф. Хирш, писали о СССР как «империи наций» [Hirsch, 2005]. Д. Нор-

троп, посвятивший работу исследованию гендера и власти в «сталинской» Центральной Азии, использовал в названии работы образ «Veiled Empire», который на русский язык переводят обычно как «империя под паранджой» или «империя в парандже» [Кузнецова, 2007]. Д. Нортроп утверждал, что Узбекистан следует рассматривать «в рамках более широкой истории политической власти и культурных изменений при колониализме» из-за неравных отношений между центром и периферией и всепоглощающей одержимости большевиков преодолением «отсталости» частной жизни в Центральной Азии [Edgar, 2006: 255]. М. Камп, напротив, подчеркивает в своей работе [2006], что советская политика в отношении узбекских женщин была вовсе не «имперской», а типичной для модернизирующегося государства XX в. [Edgar, 2006: 255].

Многие исследователи, работающие в рамках постколониальной парадигмы, обращают внимание на неоднозначные и противоречивые результаты советской гендерной политики. Так, исследовательница Ю. Градскова, оценивая данную политику, пишет, что «иные проекты модернизации общества, в том числе альтернативные проекты женской эмансипации, были вытеснены и запрещены, а само «освобождение», несмотря на его очевидные и многократно описанные советскими историками достижения, оказалось одновременно разновидностью подавления и манипулирования различиями» [Градскова, 2013: 139].

Ряд исследователей писали о том, что политику по «раскрепощению» женщин в Центральной Азии нельзя рассматривать только с точки зрения давления государства и сопротивления общества. Ситуация была гораздо более сложной, так как данная политика глубоко расколола местные общества, получала поддержку и вызывала сопротивление в самых неожиданных местах. Однако в наиболее сложном положении оказались женщины, поставленные перед необходимостью выбора, который не только потенциально открывал для них новые возможности, но и был сопряжен со смертельным риском.

Одним из следствий кампании по «раскрепощению» женщин, начатой ВКП(б), стало появление в советском праве и судопроизводстве новой категории преступлений — «преступлений против раскрепощения женщин». К данной категории относились не только такие преступления, как убийство, изнасилование, избиение, но и криминализованные советским законодательством практики, связанные с созданием семьи (калым, заключение браков с несовершеннолетними, похищение женщин и т. д.), определяемые отныне как «пережитки феодальных отношений». Борьба с «пережитками» на долгие годы превратится в магистральное направление советской политики в отношении женщин в Центральной Азии. Одним из способов этой борьбы было ужесточение наказаний за подобные преступления. Так, например, в постановлении ЦИК СССР «Об усилении мер социальной защиты за убийство женщин в связи с их раскрепощением», принятом 23 февраля 1930 г., рекомендовалось «... разъяснить ЦИКа союзных республик, что за убийство женщины, если точно установлено, что убийство произошло на почве раскрепощения женщин, может применяться ст. 8 Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных)» [Кузнецова, 2010: 56].

Насилие в отношении женщин являлось неотъемлемой частью тех норм, против которых боролась власть, вместе с тем в ходе этой борьбы сама власть широко использовала насилие. Стандартным ответом мужчин на попытки власти «раскрепостить» жен-

щин было насилие, главной жертвой которого становились женщины. Таким образом происходило раскручивание «спирали насилия». Столкнувшись с насилием, общественным порицанием и травлей, многие женщины совершали самоубийство.

Хотя те, кто совершал преступления против «раскрепощения» женщин, обычно определялись государственной идеологией как «классовые враги», распространенность этих преступлений и трудность борьбы с ними была обусловлена отчасти тем, что те, кто совершал данные преступления, и те, кто должен был наказывать за них, часто не рассматривали эти действия ни как преступные, ни как «классово враждебные», руководствуясь совершенно иной логикой и иными представлениями о допустимом и запретном. То, как «работала» эта логика, показывает случай убийства жены собственным мужем, который описала в своих воспоминаниях Е. А. Росс, занимавшая партийной работой среди женщин в регионе: «Одна из первых слушательниц партшколы стала первой жертвой в борьбе за раскрепощение женщин-мусульманок. Среди белого дня в саду общежития партшколы муж убил свою молодую жену и явился в женотдел с заявлением об этом. — Джинотдел (баи злобно называли женотдел «джинотделом» от слова «джин» — злой дух), обратился он к нам, — я за жену заплатил калым, учиться ей не разрешил, а она ушла. В школе она разговаривала с мужчиной, потеряла стыд, забыла адат — вот я ее и убил. Этот туркмен был твердо уверен в своей правоте и искренне удивился, когда его арестовали. — Кадий меня судить не будет. Адат велит убить такую жену, — твердил он» (цит. по: [Вагабов, 1968: 102]).

Культурная революция на советском Востоке включала в себя массовую кампанию против «феодалных обычаев», которая началась в 1927 г. с борьбы против ношения женщинами паранджи [Мартин, 2011: 218]. Даже представители партии на местах, которые должны были выступать активными проводниками преобразований, зачастую закрывали глаза на нарушения советских «бытовых декретов» или сами нарушали их. Снятие паранджи символизировало «большевизацию» Центральной Азии, «худжум» просеивал кадры коммунистов, пришедших к власти в процессе коренизации. Каждый мусульманин — член партии, комсомола или советского аппарата — должен был показать «личный пример» следования новым советским нормам семейной жизни. Отказ от снятия паранджи рассматривался как проявление «феодално-буржуазной идеологии» коммуниста. Таких обвинений было достаточно для разоблачения скрытых «классовых врагов» и их исключения из партии. Так «гендерная практика становилась главным языком большевизма в Узбекистане» [Кузнецова, 2007: 103–104].

Резолюция I съезда компартии Узбекистана от 25 февраля 1925 г., с одной стороны, показывала решимость партии бороться за то, чтобы ее представители придерживались новых, советских норм в их собственной семейной жизни (и продвигали их), а с другой — фактически признавала массовое нарушение этих норм: «С настоящего съезда партии необходим решительный переход к практическому проведению в жизнь декретов Советского правительства и предъявлению в первую очередь требований примерного выполнения их членами партии, членами КСМ и особенно ответственными работниками: 1) широкие общественные суды над грубыми нарушителями этих декретов; 2) непрепятствие со стороны членов партии и комсомольцев учиться и участвовать в общественной и государственной жизни своим женам, матерям и сестрам, при-

влечение к агитационно-пропагандистской работе жен ответственных работников; 3) при переводе кандидатов в члены партии учитывать момент многоженства, женитьбы на малолетних и калым» [Астапович, 1971: 60–61].

Однако и позднее ситуация в этой сфере мало изменилась. Об этом свидетельствует, например, доклад «секретарей ЦК ВЛКСМ Сталину о выступлениях на съездах женской молодежи национальных республик» 1936 г.: «Съезды показали, что во многих случаях комсомольские активисты сами нарушают советское законодательство о правах женщин. То же самое можно отнести и к поведению целого ряда коммунистов в национальных республиках и областях» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 734. Л. 99].

Партийные и советские работники не только совершали преступления против «раскрепощения» женщин, но и иногда выступали с критикой самой политики, направленной на «освобождение» женщин. Это показывает, в частности, «список советских и партийных работников, совершивших преступления против раскрепощения женщин», направленный в 1927 г. заведующей отделом работниц и дехканок Средазбюро ЦК ВКП(б) С. Н. Шимко в органы государственного и партийного контроля. Так, в данном документе отмечалось, что начальник городской милиции Джелал-Абада Батыров вскоре после начала кампании по снятию паранджи заявил, что «он скорее оставит советскую службу, чем откроет свою жену» [РГАСПИ. Ф. 121. Оп. 2. Д. 36. Л. 21].

Оставление службы (работы), выход из профсоюза являлись формой протеста против политики «раскрепощения» женщин. Абдулла Ага Маджитов, кассир магазина Узбекторга в Шахрисабзе, «в разговоре с совработниками заявил: я постараюсь выйти из профсоюза, потому что по линии профсоюзов предлагают открыть жен. Предлагал передавать в кишлаки, чтобы все, кто не хочет открывать жен, выходили из состава членов союза Кошчи, Батрачкома и т. д.» [РГАСПИ. Ф. 121. Оп. 2. Д. 36. Л. 22].

Анализ упомянутого документа свидетельствует, что отказ подчиниться новым нормам объяснялся по разному — это могли быть апелляции к общественному мнению или мнению «влиятельных лиц», указания на недостатки в политике большевиков или, что встречалось довольно часто, перекалывание мужчинами ответственности на самих женщин. Так, Махмуд Шарапов, помощник заведующего кооперативом, в разговоре с некоторыми торговцами заявил, что он «отказался раскрыть жену, так как ему тогда не будет доверия от влиятельных и авторитетных лиц» [РГАСПИ. Ф. 121. Оп. 2. Д. 36. Л. 21]. Султан Кары, заведующий вакуфным отделом Хорокруга, «запретил своей жене выходить на улицу открытой, а в разговорах всем говорит, что его жена ни почем не хочет открыться» [РГАСПИ. Ф. 121. Оп. 2. Д. 36. Л. 22]. Мирзабай Карабашев из Ферганы заявил, что «власти следовало бы сначала предоставить работу всем безработным мужчинам, а потом уж, если бы не хватило мужчин, привлекать и мужчин и женщин» [РГАСПИ. Ф. 121. Оп. 2. Д. 36. Л. 21].

Данные объяснения отчасти помогают прояснить логику, которой руководствовались те, кто выступал против политики «раскрепощения» женщин, и аргументы, которые они применяли для критики (и отказа) подчиняться этой политике. Однако «преступления против раскрепощения женщин» совершались не только мужчинами, но и женщинами, использовавшими свое положение в советских органах власти. Так, в упомянутый уже список была включена завженотделом в Шарихане Адамят Бабаджа-

нова, которая, как сообщалось в документе, «занимается сводничеством, получая за это от мужчин деньги или подарки» [РГАСПИ. Ф. 121. Оп. 2. Д. 36. Л. 21].

Исследователь Г. Массель писал о том, что реакции мусульманских женщин и мужчин на административные и правовые действия советской власти в сфере «раскрытия» женщин были чрезвычайно разнообразными. «В целом можно сказать, — отмечает он, — что реакция женщин варьировалась от того, что можно было бы охарактеризовать как избегание и избирательное участие до активного отстаивания своих прав и неконтролируемого участия» [Massel, 1974: 257]. «Модели мужской реакции в традиционной среде варьировались от уклонения и избирательной адаптации до ограниченного возмездия и масштабного противодействия» [Massel, 1974: 266].

В рамках политики «раскрепощения» женщин как мужчины, так и женщины в Средней Азии оказывались в ситуации вынужденного выбора между советскими и несоветскими нормами. Однако в этот период можно найти многочисленные примеры того, как эти нормы пытались сочетать, как они сосуществовали в повседневной жизни общества. В попытках решить свои проблемы люди могли обращаться одновременно и к тем, и к другим нормам. Так, в 1924 г. жительница кишлака Дивон-Алик Абдуллаева Ашура подала апелляцию на решение суда отказать ей в разводе с мужем. В апелляции она указывала, что ее муж после ссоры с ней трижды произнес слово «талака». «После этого я ушла от мужа и подала [заявление] о разводе, ибо для женщины, когда ей сказано «талака», развод является уже обязательным» [РГАСПИ. Ф.62. Оп. 2. Д. 95. Л. 173]. В своей апелляции она просила отменить решение суда, вынесшего решение примирить ее с мужем, «как основанное на явно непроверенных показаниях и как противоречащее основному духу Советского строительства и меня с мужем моим Махмудом Ишмуратовым развести. После сказанного мне «талака» я жить с ним отказываюсь» [РГАСПИ. Ф.62. Оп. 2. Д. 95. Л. 173 об.]. Таким образом, женщина, просившая о разводе, обращалась одновременно к новым, советским принципам и к привычной исламской норме.

В качестве адаптационной практики можно рассматривать и примеры, когда старые нормы пытались наполнить новым содержанием, или, напротив, представить демонстративное нарушение советских норм как исполнение требований и приказов власти. Так, инструктор ЦИК СССР П. Петухов в своем докладе о работе Советов Таджикской ССР в 1935 г. писал: «Классовый враг от имени «советской власти» воскрешал мрачные картины и традиции эмира бухарского... Они организовывали продажу девушек. В присутствии дехкан продавали девушку тому, кто за ее отца сдает 18 цент. хлеба. «Давайте, советскому государству нужен хлеб» [ГАРФ. Ф. Р3316. Оп. 28. Д. 628. Л. 6].

Упомянутый уже американский исследователь Т. Мартин писал, что партийное руководство выстраивало национальную политику в контексте противопоставления политики «жесткой линии» и политики «мягкой линии». Фундаментальные задачи большевиков осуществлялись, по его мнению, в русле политики «жесткой линии», тогда как политика «мягкой линии» была предназначена для того, чтобы сделать ее привлекательной для широких народных масс [Мартин, 2011: 37]. Самой типичной политикой «мягкой линии», по мнению Т. Мартина, была коренизация, однако подобное сочетание «жесткой» и «мягкой» линий просматривается и в гендерной политике большевиков. В качестве примера политики «мягкой линии» можно

привести попытки согласования советского кодекса законов об актах гражданского состояния и норм шариата и адата, предпринимавшиеся советскими и партийными органами в 1920-е гг. Так, в 1923 г. начала работу межведомственная комиссия, в которую входили представители женотдела ЦК КПТ, а также «представители от КВД / ЗАКСа/, от Комюста и Ученого Совета при Наркомпросе, и представители от киргизов, узбеков и туркмен». В ходе работы комиссии обсуждались, в частности, вопросы о брачном возрасте «туземной женщины», об обязательной явке в ЗАКС при заключении брака и о допущении многоженства. Как отмечалось в докладе женотдела ЦК КПТ, в июне «комиссия закончила свои работы, хотя и не пришла к единому мнению» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 441. Л. 177].

Интересно, что, выступая за повышение брачного возраста до 16 лет и против допущения многоженства, представитель женотдела, не желая присоединиться к общему мнению комиссии, также ссылалась одновременно на советские нормы (и в частности на указание медицинского совета) и на нормы шариата и адата. «Основанием для отстаивания брачного возраста туземки в 16 лет, для представителя Ж/Отд. было определенное указание в этом Медицинского Совета, с одной стороны, и с другой — то обстоятельство, что и по заявлению всех представителей от коренного населения ни в шариате, ни в адате нет точных указаний на определенный возраст, допустимый для брака. Там лишь говорится, что брак возможен при наступлении половой зрелости...» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 441. Л. 176].

Гендерная политика большевиков стала еще одним направлением, где власть вступила в жесткое противостояние с мусульманским духовенством. Борьба за «раскрепощение» женщин и против «феодалных пережитков» во многом была борьбой с исламом. Большевики использовали кампанию, направленную на «освобождение» женщин, для раскола мусульманского духовенства. Большинство представителей духовенства выступили резко против политики «раскрепощения» женщин, многие из них были арестованы по обвинению в противодействии данной политике.

Однако другим ответом духовенства на проводимую политику была попытка перехватить инициативу и найти исламскую альтернативу данной политике. Одним из таких ответов было расширение системы женского образования. Автор журнала «Коммунистическая революция» писал в 1929 г.: «Чтобы сохранить свое положение, мусульманское духовенство допускает женщин в мечеть. В религиозных школах наряду с Кораном вводятся элементы точных наук. Теперь духовенство не решается даже подходить к крестьянам со старым, окостеневшим догматизмом. В этом смысле реформированная религия более опасна, чем нерепформированная» (цит. по: [Keller, 1998: 33–34]).

Некоторые представители духовенства выступили за освобождение женщин и, ссылаясь на шариат, утверждали, что женщины равны перед богом наравне с мужчинами. Другие шли еще дальше, предлагая помощь правительству в его кампании, направленной на снятие паранджи. В этой связи заведующий отделом агитации, пропаганды и печати Средазбюро ЦК ВКП (б) И. А. Хансуваров предостерегал от подобного сотрудничества, опасаясь, что таким образом прогрессивное духовенство может получить влияние на партийные органы, работая с ними и тем самым обеспечивая собственное выживание путем искажения коммунизма [Keller, 1998: 34].

Важным элементом «худжума» была пропаганда, осуществлявшаяся, в том числе, через сеть культурно-просветительских учреждений (женских клубов, кружков, «красных юрт»). Однако и в этой сфере усилия советских структур встретили противодействие в самых разных формах (проповеди в мечетях и в ходе собраний на дому, агитации на улицах и площадях, распространение слухов, напечатанных брошюр). Советские документы 1920-х гг. полны тревожными сообщениями о подобной агитации. В сводке фактов, характеризующих деятельность духовенства во второй половине 1926 г., подготовленной ОГПУ, отмечалось: «Увеличилась деятельность духовенства по завоеванию под свое влияние женской части населения, результатом чего были случаи полного парализования работы женотделов. Такие явления наблюдались в Бухтарминском уезде, в Бауктинском районе и в Уральской губ. (Казахстан)» [Арапов; Косач, 2010: 39]. В этом же документе сообщалось, что «мулла Алатульского аула совета Таловской волости распространил слухи среди населения о том, что теперь ЦДУ предоставило муллам право совершать бракосочетание и что брак, оформленный муллой, не нуждается в подтверждении советского ЗАГСа (Казахстан)» [Арапов; Косач, 2010: 48].

Распространявшаяся посредством слухов и других форм информация не всегда была прямо направлена на отрицание советских правовых норм, а также формировавшихся новых повседневных практик, часто речь шла о собственной интерпретации этих норм, встраивании их в более широкий контекст уже существующих норм и практик.

Интересно, что в ходе сопротивления «худжуму» (а также антирелигиозной политике большевиков) и мужчины, и женщины довольно широко использовали современные формы политического действия (митинги, демонстрации, составление наказов, выборы), т. е. те инструменты, которые применяла сама власть (см. : [Лысенко, 2019:189]), в том числе в ходе осуществления гендерной политики в регионе. Так, например, в мае 1929 г. спецслужбы выявили антисоветское собрание двухсот женщин в сельской области Андижана, участницы которого выражали недовольство принудительным снятием и конфискацией паранджи. На митинге было принято решение провести марш протеста с требованием возврата паранджи [Нортроп]. В другом документе, подготовленном ОГПУ, сообщалось, что «в Кунгурском округе на окружном съезде мусульменства присутствовали в качестве делегатов женщины-мусульманки. Один из пунктов постановления съезда заключался в том, чтобы женщины принимали участие в богослужении наравне с мужчинами и не прекратили бы ношение чадры (Урал)» [Арапов; Косач, 2010: 48]. «Характерно, — указывалось в документе, — то, что все эти наказания одинаковы по своему содержанию, независимо от того, где они принимались» [Арапов; Косач, 2010: 34].

Одна из проблем, с которой столкнулись большевики в ходе осуществления политики «раскрепощения» мусульманских женщин в Центральной Азии, являлась невозможность адекватно описать то, что происходит в действительности (не только в силу недостатка информации, искажений на местах), но и из-за ограниченности понятийного аппарата, использовавшегося для этого. Как заметил в своей работе Д. Нортроп, «Центральная Азия мало напоминала европейское общество промышленного капитализма XIX в., анализировавшееся Марксом, тем не менее партийные мыслители рассматривали узбекское общество сквозь линзы класса и классового конфликта» (цит. по:

[Кузнецова, 2007: 103]). Впрочем, в данном случае советское государство сталкивалось с проблемами, которые возникали перед любым модернизирующимся государством, пытавшимся преобразовать общество. Как писал упоминавшийся уже американский антрополог Д. Скотт, мы должны иметь в виду не только возможность государственных упрощений для преобразования мира, но и способность общества изменять, испровергать, затормаживать и даже уничтожать навязанные сверху категории [Скотт, 2005: 72]. В ходе осуществления гендерной политики советское государство использовало ограниченный и известный набор инструментов, отдельные люди и местные сообщества могли реагировать на действия государства по-разному и через какое-то время приспособлялись даже к самым радикальным из них.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абашин С. Нации и постколониализм в Центральной Азии двадцать лет спустя: переосмысливая категории анализа / практики // *Ab Imperio*. 2011. № 3. С. 193–210.

Адамс Л. Применима ли колониальная теория к Центральной Евразии? // *Неприкосновенный запас*. 2009. № 4. С. 25–36.

Ислам и советское государство: Вып. 1: По материалам Восточного отд. ОГПУ. 1926 г. / вступ. ст., сост. и коммент. Д. Ю. Арапова и Г. Г. Косача. М. : Изд. дом Марджани, 2010. 152 с.

Вагабов М. В. Ислам и женщина. М. : Мысль, 1968. 230 с.

Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917–1936 гг.) : сборник документов и материалов. М. : Мысль, 1971. 463 с.

Волков В. В. Государство, или Цена порядка. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. 160 с.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р3316. Оп. 28. Д. 628.

Градскова Ю. Свобода как принуждение? Советское наступление на «закрепощение женщины» и наследие империи (середина 1920 — начало 1930-х гг., Волго-Уральский регион) // *Ab Imperio*. 2013 (4). С. 113–144.

Зубковская О. Постколониальная теория в анализе постсоветского феминизма: Дилеммы применения // *Ab Imperio*. 2007 (1). С. 395–420.

Кузнецова С. И., Нортроп Д. Империя под паранджой: гендер и власть в сталинской Центральной Азии. Northrop D. *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004. — XVII, 392 p. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2007. № 1. С. 102–109.

Кузнецова С. Пионервожатый женился на пионерке // *Коммерсантъ Власть*. № 15 (869). 2010. С. 56–60.

Лысенко Ю. А. Механизмы формирования социальной базы большевизма в Степном крае в период Гражданской войны (1918–1921 гг.) // *Society and Security Insights*. 2019. 2 (3). С. 185–192.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / пер. с англ. О. Р. Щёлоковой. М. : РОССПЭН, 2011. 855 с.

Нортроп Д. Ограниченное освобождение: гендер, революция и паранджа в повседневной жизни в Советском Узбекистане. URL: <https://caa-network.org/archives/8785> (дата обращения: 20.04.2020).

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 114. Д. 734. Ф. 17. Оп. 10. Д. 441. Ф. 121. Оп. 2. Д. 36. Ф.62. Оп. 2. Д. 95.

Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой. М. : Университетская книга, 2005. 401 с.

Тлостанова М. В. Деколониальные гендерные эпистемологии. М. : ООО ИПЦ «Маска», 2009. 386 с.

Badran M. Competing agenda: Feminists, Islam and the state in nineteenth- and twentieth century Egypt. In: Kandiyoti D(ed.) *Women, Islam, and the State*. Philadelphia: Temple University Press, 1991. S. 201–236 (на англ. яз.).

Edgar A. Bolshevism, Patriarchy and the Nation: The Soviet 'Emancipation of Muslim Women in Pan-Islamic Perspective // *Slavic Review*, 2006. 65 (2): 252–272 (на англ. яз.).

Kamp M. Women's Studies and Gender Studies in Central Asia: Are We Talking to One Another // *Central Eurasian Studies Review*. 2009. Vol. 8.1. P. 2–13 (на англ. яз.).

Kandiyoti D. The politics of gender and the Soviet paradox: Neither colonized, nor modern? // *Central Asian Survey*. 2007. 26 (4): 601–623 (на англ. яз.).

Kandiyoti D. Post-Colonialism Compared: Potentials and Limitations in the Middle East and Central Asia // *International Journal of Middle Eastern Studies*. 2002. Vol. 34. №2. P. 279–297 (на англ. яз.).

Kane D., Gorbenko K. Colonial legacy and gender inequality in Uzbekistan // *Current Sociology*. Sep 2016, Vol. 64 Issue 5, P. 718–735 (на англ. яз.).

Keller S. Trapped between State and Society: Women's Liberation and Islam in Soviet Uzbekistan, 1926–1941 // *Journal of Women's History*. Spring 1998. Vol. 10. Number 1, P. 20–44 (на англ. яз.).

Massell Gregory J. *The Surrogate Proletariat: Moslem Women And Revolutionary Strategies In Soviet Central Asia, 1919–1929*. Princeton: Princeton University Press, 1974. xxxvi, 448 pp. (на англ. яз.).

Northrop D. Subaltern Dialogues: Subversion and Resistance in Soviet Uzbek Family Law // *Slavic Review*. 2001. 60 (1) 115–139 (на англ. яз.).

Northrop D. *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2004 (на англ. яз.).

REFERENCES

Abashin S. Natsii i postkolonializm v Tsentral'noi Azii dvadtsat' let spustia: pereosmyslivaia kategorii analiza / praktiki [Nations and Postcolonialism in Central Asia, Twenty Years Later: Rethinking Categories of Analysis/Practice]. *Ab Imperio*. 2011, no. 3. S. 193–210 (in Russian).

Adams L. Can We Apply a Postcolonial Theory to Central Asia? *Central Eurasia Studies Review*. 2008. Vol. 7. №1. S. 2–8. (Primenima li kolonial'naia teoriia k Tsentral'noi Evrazii?). *Neprikosnovennyi zapas*. [Emergency Ration]. 2009. no. 4. S. 25–36.

Badran M. Competing agenda: Feminists, Islam and the state in nineteenth- and twentieth century Egypt. In: Kandiyoti D (ed.) *Women, Islam, and the State*. Philadelphia: Temple University Press, 1991. S. 201–236.

Edgar A. Bolshevism, Patriarchy and the Nation: The Soviet 'Emancipation of Muslim Women in Pan-Islamic Perspective. *Slavic Review*, 2006. 65 (2). Pp. 252–272.

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. [State Archive of the Russian Federation]. Fund. R3316. Inventory 28. File 628 (in Russian).

Gradskova Iu. Svoboda kak prinuzhdenie? Sovetskoe nastuplenie na “zakreposhchenie zhenshchiny” i nasledie imperii (seredina 1920-kh — nachalo 1930-kh godov), Volgo-Ural'skii region) [Freedom as Coercion? The Soviet Attack on the “Enslavement of Women” and the Legacy of Empire (Mid-1920s — Early 1930s), the Volga-Ural Region)]. *Ab Imperio*. 2013 (4). S. 113–144 (in Russian).

Islam i sovetskoe gosudarstvo [Islam and the Soviet state]: Vyp. 1: (po materialam Vostochnogo otd. OGPU. 1926.) / vstup. st., sost. i komment. D. Iu. Arapova i G. G. Kosacha. Moscow: Izd. dom Mardzhani, 2010. 152 s. (in Russian).

Kamp M. Women's Studies and Gender Studies in Central Asia: Are We Talking to One Another. *Central Eurasian Studies Review*. 2009. Vol. 8.1. Pp. 2–13.

Kandiyoti D. The politics of gender and the Soviet paradox: Neither colonized, nor modern? *Central Asian Survey*. 2007. 26 (4). S. 601–623.

Kandiyoti D. Post-Colonialism Compared: Potentials and Limitations in the Middle East and Central Asia. *International Journal of Middle Eastern Studies*. 2002. Vol. 34. № 2. P. 279–297.

Kane D., Gorbenko K. Colonial legacy and gender inequality in Uzbekistan // *Current Sociology*. Sep 2016, Vol. 64 Issue 5. S. 718–735.

Keller S. Trapped between State and Society: Women's Liberation and Islam in Soviet Uzbekistan, 1926–1941. *Journal of Women's History*. Spring 1998. Vol. 10. Number 1, Pp. 20–44.

Kuznetsova S. “Pionervozhatyi zhenilsia na pionerke” [“Pioneer Leader married a pioneer”]. “*Kommersant*” *Vlast*” [Kommersant Power]. no. 15 (869). 2010. S. 56–60 (in Russian).

Kuznetsova S. I. Northrop D. Imperiiia pod parandzhoi: gender i vlast' v stalinskoi Tsentral'noi Azii. Northrop D. *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004. — XVII, 392 p. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literature*. [Social and Human Sciences. Domestic and Foreign Literature]. Seriiia 9: vostokovedenie i afrikanistika. 2007. no.1. S. 102–109 (in Russian).

Lysenko Iu. A. Mekhanizmy formirovaniia sotsial'noi bazy bol'shevizma v Stepnom krae v period grazhdanskoi voyny (1918–1921). [Mechanisms of formation social base of bolshevism in the Steppe region during the civil war (1918–1921)]. *Society and Security Insights*. 2019. 2(3). S. 185–192 (in Russian).

Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press. 2001. xvii, 496 p. (Martin T. *Imperiiia “polozhitel'noi deiatel'nosti”*. *Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* (per. s angl. O. R. Shchelokovoi). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2011. 855 p.

Massell Gregory J. *The Surrogate Proletariat: Moslem Women And Revolutionary Strategies In Soviet Central Asia, 1919–1929*. Princeton: Princeton University Press, 1974. XXXVI, 448 p.

Nortrop D. *The Limits of Liberation: Gender, Revolution, and the Veil in Everyday Life in Soviet Uzbekistan*. S. 89–102. *Everyday Life in Central Asia: Past and Present*. Ed. Jeff Sahadeo and Russell Zanca. Bloomington: Indiana University Press, 2007. ix, 401 p. (*Ogranichennoe osvobozhdenie: gender, revoliutsiia i parandzha v povsednevnoi zhizni v Sovetskom Uzbekistane*. Available at: <https://caa-network.org/archives/8785> (accessed April 20, 2020)).

Northrop D. *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2004. 392 p.

Northrop D. Subaltern Dialogues: Subversion and Resistance in Soviet Uzbek Family Law. *Slavic Review*. 2001. 60 (1). S. 115–139.

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [The Russian State Archive of Social and Political History]. Fund. 17. Inventory 114. File 734. Fund. 17. Inventory 10. File 441. Fund. 121. Inventory 2. File 36. Fund. 62. Inventory 2. File 95.

Skott J. *Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1998. xiv + 445 p. (Skott J. *Blagimi namereniami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchsheniia uslovii chelovecheskoi zhizni* / Per. s angl. E. N. Gusinskogo, Iu. I. Turchaninovi. Moscow: Universitetskaia kniga, 2005. 401 p.).

Tlostanova M. V. *Dekolonial'nye gendernye epistemologii* [Decolonial Gender Epistemologies]. Moscow: Maska, 2009 386 s. (in Russian).

Vagabov M. V. *Islam i zhenshchina* [Islam and Woman]. Moscow: Mysl', 1968. 230 s. (in Russian).

Velikii Oktiabr' i raskreposhchenie zhenshchin Srednei Azii i Kazakhstana [Great October and Women's Liberation in Central Asia and Kazakhstan]. (1917–1936): Sbornik dokumentov i materialov. Red. kollegiia: Z. A. Astapovich (otv. red.) i dr. Moscow: Mysl', 1971. 463 s. (in Russian).

Volkov V. V. *Gosudarstvo, ili Tsena poriadka* [State, or Price Order]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2018. 160 s. (in Russian).

Zubkovskaia O. Postkolonial'naia teoriia v analize postsovetского feminizma: Dilemmy primeneniia [Postcolonial Theory in the Post-Soviet Feminist Analysis: Dilemmas of Applicability]. *Ab Imperio*. 2007 (1). Pp. 395–420 (in Russian).

Цитирование статьи:

Шерстюков С. А. «Раскрепощение» женщин-мусульманок в Центральной Азии: стратегии сопротивления и способы адаптации (1920–1930-е гг.) // Народы и религии Евразии. 2020. №4 (25). С. 148–160.

Citation:

Sherstyukov S. A. Emansipation of muslim women in Central Asia: resistance strategies and ways of adaptation (1920s — 1930s). *Nations and religions of Eurasia*. 2020. №4 (25). P. 148–160.

ДЛЯ АВТОРОВ

ЖУРНАЛ «НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ»

Учредителем журнала является кафедра религиоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета. Издается с 2007 г. как сборник научных статей, а с 2016 г. как научный журнал «Мировоззрение населения южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе». С 2017 г. журнал называется «Народы и религии Евразии».

Журнал утвержден Научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-69787 от 18.05.2017 г. ISSN 2307-4671

Периодичность издания: 4 выпуска в год. Журнал издается в печатном и электронном виде.

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/wv>

Все работы, поступившие в редколлегию, проходят обязательно рецензирование.

Журнал «Народы и религии Евразии» индексируется в агрегаторах и базах библиографической информации:

- ERIH PLUS
- EBSCO
- E-Library.ru
- CyberLeninka
- OAIsters
- ROAR
- ROARMAP
- OpenAIRE
- BASE
- ResearchBIB
- Socionet
- Scholarsteer
- World Catalogue of Scientific Journals
- Scilit
- Journals for Free
- Journal TOC
- OAIster
- OCLC-WorldCat
- Socolar
- JURN
- JournalGuid

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РУБРИКИ:

- Археология и этнокультурная история
- Этнология и национальная политика
- Религиоведение и государственно-конфессиональные отношения
- Рецензии на книги;
- Информация о конференциях;
- Персоналии;

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Статьи принимаются на русском и английском языках. Для публикации статьи в журнале необходимо ее прислать в электронном варианте, а также указать сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, e-mail). Статья может включать текст до 40 тыс. знаков с пробелами (14 кегль, одинарный интервал, в формате Word: поля: верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 2 см, правое — 2 см) и иллюстрации. Стандартный объем статьи — 0,5 авт. Л. (20 тыс. знаков). Рисунки (фотографии) предоставлять отдельными файлами. К статье обязательно прикладывается полный список использованных работ.

Статья должна содержать ключевые слова (до 15 слов) и аннотацию на русском и английском языках (не менее 1000 знаков без пробелов)

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Фамилия, имя, отчество автора на русском языке

Название статьи на русском языке

Аннотация (на русском языке не менее 1000 знаков)

Ключевые слова (на русском языке до 15 слов)

Фамилия, имя, отчество автора на английском языке

Название статьи на английском языке

Аннотация (на английском языке не менее 1000 знаков)

Ключевые слова (на английском языке до 15 слов)

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 903.2

DOI

И. И. Иванов

Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ¹

Целью статьи является изучение восприятие природы в традиционном мировоззрении тюркских и монгольских народов Южной Сибири. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX — середину XX веков. Выбор таких временных границ вызван,

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект № 07-01-00842а)

прежде всего, состоянием базы источников по теме исследования. Основными источниками выступают исторические и этнографические материалы. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на историко-этнографические методы — научного описания, конкретно-исторического и реликта.

Коренные жители Южной Сибири в процессе длительного взаимодействия с окружающей средой и в результате адаптации к ней сформировали наиболее приспособленную к данным природным условиям культуру. Значительное место в ней отводится традициям, связанными с экологическими воззрениями и нормами. Основу экологического сознания народов этого региона составляла идея неразрывной связи человека со средой обитания — родиной, т. е., с тем местом, где он родился, жил и умирал. По сути, оно являлось тем пространством, в котором осуществлялась вся жизнедеятельность человека. В мышлении верующих природа воспринималась в качестве живого и чувствующего существа, что нашло отражение и в соответствующем практическом отношении к ней. В традиционном мировосприятии человек не выделен из природы. Отсутствует жесткая граница между ним и окружающим миром, который в мифологическом сознании как уже отмечалось, имел частичное или полное отождествление человеку.

Ключевые слова: тюркские и монгольские народы, Южная Сибирь, хакасы, культура, традиция, человек, природа, экологические воззрения.

I. I. Ivanov

*Institute of archaeology and ethnography Siberian branch Russian academy
of sciences, Novosibirsk (Russia)*

MAN AND NATURE IN TRADITIONAL VIEWS OF TYURCO-MONGOLIAN PEOPLES OF SOUTH SIBERIA

The aim of the work is to study the perception of nature in the traditional worldview of the Turkic and Mongolian peoples of Southern Siberia.

The chronological scope of work covers the end of the XIX — mid XX centuries. Selection temporal boundaries caused primarily by the status of the database sources on the research topic. The main sources are archival and ethnographic materials. The work based on comprehensive, system-historical approach to the study of the past. The research methodology based on historical and ethnographic methods — scientific description, the specific historical and relic.

The indigenous inhabitants of Southern Siberia, in the process of prolonged interaction with the environment and result of adaptation to it, formed the culture most adapted to the given natural conditions. A significant place in it given to traditions associated with environmental views and norms. The basis of the ecological consciousness of the peoples of this region was the idea of an inseparable connection between man and his environment, the homeland, that is, with the place where he was born, lived and died. In fact, it was the space in which the entire life activity of man. In the thinking of believers, nature perceived as a living and sentient being, which reflected in the corresponding practical relation to it. In the traditional worldview, man is not isolated from nature. There is no rigid boundary between it

and the surrounding world, which, as already noted, in the mythological consciousness, had a partial or complete identification with man.

Key words: Turkic and Mongolian peoples, Southern Siberia, Khakas, culture, tradition, man, nature, ecological views.

Иванов Иван Иванович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора религии Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия). Адрес для контактов: i.ivanov@mail.ru

Ivanov Ivan Ivanovich, doctor of historical Sciences, Professor, leading researcher of the sector of religion of the East of the Institute of Oriental studies of RAS, Moscow (Russia). contact address: i.ivanov@mail.ru

Текст статьи на русском языке: Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Библиографический список

Библиографические ссылки приводятся в тексте в квадратных скобках: фамилия (фамилии), инициалы автора, год публикации, страница (страницы). Например: [Иванов, 1962: 62] или [Иванов, Петров, 1997: 39–45]. Указываются все авторы независимо от их количества. При совпадении фамилий авторов и года издания в ссылке и списке литературы год издания дополняется буквенным обозначением. Например: [Иванов, 1997а: 49; Иванов, 1997б: 14]. После библиографического списка размещается References.

Образец оформления литературы:

1. Монография:

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983. 432 с.

2. Статья в сборнике:

Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. М., 1977. С. 96–119.

3. Статья в журнале

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Положение христианских общин в Алтайском крае в середине 1960-х — середине 1970-х гг. // Религиоведение. 2016. № 1. С. 75–83.

4. Автореферат или диссертация:

Соловьев А. И. Погребальные памятники населения Обь-Иртышья в Средневековье (обряд, миф, социум) : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 250 с.

5. Архивные материалы:

Государственный архив Алтайского края. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 76.

6. Интернет-ресурс:

История буддизма в Монголии // Ньяме Шераб Гьялцен [Электронный ресурс]. URL: [http:// bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html](http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html) (дата обращения: 19.10.2016).

7. Издания на иностранном языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass // *Journal of Archaeological Science*. 1995. Vol. 22. P. 429–439 (на англ. яз.).

References

Список “References” (латинизированный список) содержит все публикации списка «Научная литература», но в латинизированной форме и расположенные по англ. алфавиту. Все сведения о публикациях на кириллице из списка литературы должны быть транслитерированы на латинице и переведены на английский язык. Транслитерация осуществляется: а — a, б — b, в — v, г — g, д — d, е — e, ё — yo, ж — zh, з — z, и — i, й — i, к — k, л — l, м — m, н — n, о — o, п — p, р — r, с — s, т — t, у — u, ф — f, х — kh, ц — ts, ч — ch, ш — sh, щ — shch, ь — ’, ы — y, ь — ’, э — e, ю — yu, я — ya. Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных (*Scopus* и *Web of Science*).

Кроме того, обратите внимание, что вместе с транслитерацией дается перевод работы на английский язык.

Инструкции для формирования References (латинизированный список)

1) *Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»:* www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. В левом столбике (*CONVERT FROM*) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» — скорее всего, это будет: **Unicode [Русский язык]**. В правом столбике (*CONVERT TO*) выберите *второй* вариант: **ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]**. Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку **Convert** посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей.

2) *Примеры оформления литературы и архивных материалов:*

1. Монография:

Okladnikov A. P. *Liki Drevnego Amura* [Faces of the Ancient Amur]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye knizhnoye Publ., 1968, 240 p. (in Russian).

2. Статья в журнале:

Chirkov N. V. Etnos, natsiia, diaspora [Etnos, nation, diaspor]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2013, no. 4, pp. 41–47 (in Russian).

3. Переводное издание:

Brooking A., Jones P., Cox F. *Expert Systems. Principles and Case Studies*. Chapman and Hall, 1984, 231 p. (Russ. ed.: Brooking A., Jones P., Cox F. *Ekspertnyye sistemy. Printsipy raboty i primery*. Moscow: Radio i sviaz' Publ., 1987, 224 p.).

4. Интернет-ресурс:

Tsentr izucheniya tibetskoy traditsii Yundrung bon [Centre for Studying the Tibetan Tradition of Yundrung Bon]. Available at: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherabgyalcen.html/> (accessed August 4, 2013) (in Russian).

5. Диссертация или автореферат:

Ermolina Yu. V. *Magiya kak kul'turno-religiozny fenomen. Diss. kand. filos. nauk* [Magic as Cultural and Religious Phenomenon. Ph.D. Thesis in Philosophy]. Oryol: OSU Publ., 2009, 155 p. (in Russian).

6. Материалы конференций:

Nesterova T. P. *Religiya i politika v 20 veke. Materialy vtorogo Kollokviuma rossiyskikh I ital'yanskikh istorikov* [Religion and Politics in the 20th century. Proc. of the Second Symposium of Russian and Italian Historians]. Moscow, 2005, pp. 17–29 (in Russian.).

7. Архивные материалы:

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraja [State archive of the Altai Krai]. Fund 1. Inventory 1. File 664, fol. 33 (in Russian).

8. Иностранный источник (не на английском языке):

Horyna B. *Introduction to the Study of Religion [Úvod do religionistiky]*. Praha: Oikomene, 1994, 131 p. (in Czech).

Li Fengmao. *Wonderland and Travel: The Imagination of the Immortal World*. Beijing: Zhonghua shuju, 2010, 468 p. (in Chinese).

Оформление иллюстраций

Иллюстрации (рисунки, фотографии, графики, диаграммы) в текст Word не внедряются и прилагаются в виде отдельных файлов в формате JPG или TIFF. Они должны быть отсканированными при разрешении не менее 300 dpi. Размер изображений не должен превышать 190 x 270 мм. Предметы в поле рисунка должны быть расположены компактно, без неоправданно больших по размеру незаполненных мест. Каждый отдельный предмет (изображение) на каждом рисунке должен иметь порядковый номер. Этот номер, как и нивелировочные отметки, надписи, линии сечений, рамки, границы раскопов и т. п. должны быть выполнены не вручную, а машинописным образом. Все цифры и надписи на рисунках выполняются шрифтом Arial, не жирным, в размере, соответствующем масштабу рисунка. Номера для предметов следует располагать по их порядку слева-направо и сверху-вниз. Каждая первая ссылка в тексте статьи на рисунок и на предмет обязательно должны начинаться с номера 1, последующие 2, 3 и далее. Вторая и последующие ссылки на рисунок или предмет выполняются свободно. Следует стремиться к тому, чтобы большая часть пояснений с площади самой иллюстрации была убрана в подрисовочные подписи.

Авторы статей также сообщают следующие данные, которые публикуются в конце каждого номера журнала: Фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень и звание, место работы и должность, почтовый адрес (с индексом) контактный телефон, адрес электронной почты.

Статьи следует высылать по адресу:

656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, *Дашковскому Петру Константиновичу*.

Электронная почта: dashkovskiy@fpn.asu.ru (с пометкой журнал «Народы и религии Евразии»).

Контактный телефон: (3852) 296629

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/wv>

Научное издание

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2020 № 4 (25)

Редактор Л. И. Базина
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер
Дизайн обложки: П. К. Дашковский, Ю. В. Плетнева

Журнал распространяется по подписке через каталог АО «Почта России».
Подписной индекс ПР446. Цена свободная.

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.
Подписано в печать 16.12.2020.
Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 14,0. Тираж 300 экз. Заказ 360.

Издательство Алтайского государственного университета
Типография Алтайского государственного университета
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66